

Абдулгамид ИСАЕВ

Кураг и курагцы

История и этнография

Махачкала 2014

УДК 94(470.67)
ББК 63.3(-5Агу)
И85

Автор-составитель
Абдулгамид Рамазанович Исаев

Исаев А. Р.

И85 Кураг и курагцы. – Махачкала: РГЖТ, 2014.
– 272 с.: фотоил.

Книга посвящена истории и культуре курагцев – жителей одного из маленьких сел малочисленного агульского народа. Написана на основе имеющихся архивных и литературных источников, историко-этнографического, топонимического, фольклорного, лингвистического и иных материалов, собранных автором, а также исследований ученых-дагестановедов. Впервые в работе поднят и решен большой круг вопросов социально-экономической и политической истории курагцев, сделана попытка объяснить историю происхождения села на основе топонимического и лингвистического материала.

Работа рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей, этнографией и культурой отдельных сел и народов Дагестана в целом.

УДК 94(470.67)
ББК 63.3(-5Агу)

© Абдулгамид Исаев, 2014

От автора

Кураг – небольшое село в Кушандере, исторической области Агульского района Республики Дагестан. Взяться за предлагаемую читателю работу заставили автора бесконечные споры и догадки о происхождении этого населенного пункта, об особенностях курагского говора. В настоящее время многие курагцы живут вне пределов родного села. Если по статистическим данным 1869 г. здесь насчитывалось всего 25 хозяйств, то в настоящее время их количество возросло до 300 (точное количество не определено. – А. И.).

Значительное число курагцев поселилось в г. Дербенте, в с. Авадан Докузпаринского района и в гг. Махачкала, Каспийск. Незначительная часть курагцев также проживает в Ростовской области, Краснодарском крае и г. Москве.

Такая разбросанность грозит для выходцев из маленького горного села потерей этничности. Во многих молодых семьях дети уже не говорят на родном языке. При ограниченных возможностях общения, отсутствии литературы, театра и телевизионных передач на родном языке в ближайшем будущем выходцы из Курага ассимилируются и затеряются в больших народах. Хотя глобализационные процессы необратимы, мы обязаны сделать все, чтобы сохранить самобытную культуру маленького села. Для науки одинаково равнозначны языки и культура больших и малых народов.

Взяться за перо заставил автора и тот факт, что никто даже приблизительно не знает историю села. Правда, это и не удивительно, ведь историю села никто не писал, а документов никаких нет или не сохранилось. Даже взрослые люди в некоторых случаях не знают своих предков дальше дедушки. В данной работе предпринята попытка разобраться в родословных жителей селения. Предлагаемый вариант, возможно, не идеальный, на что автор и не претендует, но этот опыт с

помощью старожиллов и лиц, знающих своих предков, может быть доведен до совершенства.

Эти и многие другие вопросы побудили автора обратиться к истории селения Кураг и курагцев вообще, сделать попытку показать как прошлое, так и современное его положение, насколько это возможно по его изученности и состоянию источниковой базы.

Не зная свой род, невозможно узнать историю своего народа. Не зная историю и культуру своего народа, невозможно полюбить другие народы. Дагестанцы – интернационалисты по своей природе. Проживая в многонациональной республике, они издревле взаимодействовали в решении множества вопросов. В природе интернационализма дагестанцев – знание истории, языка и культуры соседних народов.

В основе формирования современного человека должны быть заложены традиции интернационализма и гуманизма. Профессор А. Г. Агаев писал: «Чтобы человек мог стать патриотом и интернационалистом, прежде всего должен знать свой народ, другие народы, понимать их психологию, традиции, обычаи, культуру, иметь ясное представление об их взаимоотношениях на разных этапах истории. И имперически, и теоретически установлено, что человек, лишенный исторической памяти, рано или поздно в своем поведении в сфере международных отношений скатится или к национальному нигилизму (отрицанию национальности, родной культуры, языка, родины), или к национализму»¹.

История агульского народа и каждого отдельно взятого села, представляемые до недавнего времени как не имеющие существенного значения, при внимательном изучении начинают сверкать совершенно иными гранями, поэтому ждут своих исследователей.

Много загадок таит в себе курагский говор агульского языка. В данной работе автор пытается объяснить эту загадку языкознания через происхождение села из выходцев из разных агульских сел.

Эта работа – первая попытка дать краткий очерк истории Курага, имеющего общее происхождение и тесные связи с другими селами

¹ Агаев А. Г. Происхождение лезгин // Садвал. 1991. № 2–5.

Агульского района и Дагестана, отразить близость и своеобразие их материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта.

Автор книги выражает искреннюю благодарность за ценные советы и замечания, сделанные в ходе подготовки данного издания курагцу, известному исследователю лексики агульского языка Рамазанову Мусдиму Рамазановичу, аксакалам Рамазанову Мусе Магаевичу и Курбанову Джамалу Джамаловичу, признательность Рамазанову Мавлуду Магомедсаидовичу за оказанное содействие.

Краткий исторический очерк

Кураг (самоназвание «Курегъ») – небольшое село в Кушандере Агульского района Республики Дагестан. Существует несколько версий происхождения названия села. Две из них выдвигает в своей рукописи учитель местной школы А. Абдуллаев. Он считает, что на кладбище данного населенного пункта похоронен известный азербайджанский полководец и просветитель Кер-оглы. В связи с этим село получило свое название.

Эта версия, кажется, маловероятной и неправдоподобной. Аксакал Д. Курбанов, уроженец этого села, говорит, что помнит, как в 30-е годы в село приехала какая-то этнографическая экспедиция. Участники этой экспедиции, изучая надписи на могильных плитах, на кладбище «Халифар» обнаружили на одной из плит надпись: «Ровшан, сын Кер-оглы». После этого, обрастая невероятными подробностями, указанная версия живет по наши дни.

Вторая версия по А. Абдуллаеву гласит, что его дядя Базагай, который прожил 103 года, рассказал, как на территории села цвели фруктовые сады. Особенно много росло абрикосов. Сельчане много продавали кураги, название села произошло от слова «курага». Ну что ж, попытаемся проанализировать сказанное дедушкой Базагаем. Начнем с того, что на территории села в настоящее время не растет ни одного фруктового дерева. Житель этого села А. Мусаев лет десять пытается вырастить абрикосы, но его попытки пока не увенчались успехом. Может, сильно изменился климат и поэтому не растут абрикосы? Возможно. Обратимся к языку. Сушеные фрукты курагцы называют «сурар». Слово «курага» во времена дедушки Базагая вряд ли кто знал. Да и сам дедушка, наверное,

не анал. В селении, где так обильно произрастали фрукты, должны остаться какие-то следы от культуры садоводства. Но ничего подобного в данном случае не прослеживается. Соответственно, и с этой версией согласиться мы не можем.

Автор книги «Агулы – альфа и омега» А. Р. Насруллаев², ссылаясь на историка, языковеда Г. А. Алхасова, приводит топонимику селений агулов в переводе с албанского.

«Кураг – Курагъ, Куригъ» переводится как «возле речки». Да, действительно, село расположено возле речки. Но здесь тоже возникают вопросы, связанные с достоверностью перевода. Во-первых, для перевода представлено слово в неверном звучании. Во-вторых, разве у Г. Алхасова есть албанский словарь? Ученый мир столетиями спорит об албанском языке. А тут нате вам – сразу перевел названия всех агульских сел. Ничуть не подвергая сомнению компетентность Г. Алхасова, считаю, что достоверность перевода вызывает вопросы.

Наиболее правдоподобной представляется версия, высказываемая известным исследователем агульского языка, выходцем из этого села М. Р. Рамазановым. Он предполагает, что название села произошло от слов «Кутин рахI» (мельница Кутая). По его версии, Ахла Кутай является первопоселенцем этого села. Первое, что он сделал, – построил себе дом и сразу же «рахI» (мельницу) прямо перед селом. Остатки этого строения сохранились до наших дней. Мельница еще работала в середине XX в. Жители верхних селений – кьушанцы – пользовались этой мельницей. Название села – Курегъ – произошло от этих двух слов: «Кутин рахI». Именно мельницей им Кутай и был интересен.

В пользу этой версии говорят и другие факты. Начнем с бытующей в селении поговорки: «Кутаяр – хIурин бинавлур». В переводе на русский буквально: род Кутай – основа села.

Далее, обратимся к тому, как в селении поквартально расположены четыре рода. Род Кутай селился у речки – близко

² Насруллаев А. Р. Агулы – альфа и омега. – Махачкала, 2009. С. 231.

к строительному материалу. Село построено из камня, собираемого в русле реки. Близость водного источника являлась определяющим фактором при выборе места для основания поселения в древности.

«А вопрос безопасности?» – возразят знатоки истории. И правильно сделают. Единственное сооружение, которое носило характер защиты – боевая башня, тоже расположено в этой части села. В пользу этой версии говорит тот факт, что в центре села имеется небольшое кладбище «Кутайрин некувар». Получается, что в ту пору на территории села жил только один род Кутаяр, который и расположен территориально ниже этого кладбища. Оно небольшое, потому что за ним поселился другой род – Целелар. Трудно оспорить этот аргумент. На небольшом пятачке в центре села никто не стал бы хоронить своих умерших. Напротив села, за речкой, имеется еще одно кладбище рода Кутай. Это кладбище, скорее всего, возникло после того как перестали хоронить на первом. Наличие этих двух кладбищ рода Кутай является неопровержимым доказательством того, что этот род поселился здесь раньше других.

Известный историк М. Г. Гаджиев пишет: «Мы в Дагестане сталкиваемся с устойчиво повторяющимся у всех раннеземледельческих племен Евразии обычаем хоронить умерших своих сородичей в домах, под домами или в целом в пределах поселения.

В основе этого обычая лежат общие для всех раннеземледельческих племен представления, связанные с психологией родового общества, отражающей родовую связь между членами рода, как полагали, живущих и усопших у одного очага»³.

³ Гаджиев М. Г. Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового Дагестана. – Махачкала, 1986. С. 23.

М. Рамазанов считает, что село образовалось из четырех родов выходцев из разных агульских сел: Кутаяр из Хутхула, Целелар из Тпига, Кьадивур из Буркихана, Кьурахтаяр из Мисси. По версии лексиколога с этим связаны особенности курагского говора агульского языка. Этот говор сформировался в естественной лаборатории, где переваривались говоры четырех агульских селений.

Историки считают, что селение Кураг образовалось из сс. Цула, Клулардж, Духье, Юрцалар и собственно Курага⁴.

С этим невозможно согласиться по разным обстоятельствам. Первое: эти поселения существовали в совершенно разные исторические эпохи. К примеру, поселение Юрцалар существовало еще в дописьменную эпоху и во времена ранней Кавказской Албании. Об этом говорит громадных размеров кладбище. На этом кладбище в верхней части нет никаких надписей на плитах, а в нижней части имеются слабо выделяющиеся албанские письма. Второе: название этого поселения тоже не сохранилось. Название «Юрцалар», видимо, образовалось из слов современного агульского языка «юр» (юрсе – старый) и «цалар» (стены), т. е. старые стены. Надо полагать, что название это возникло после появления селения Кураг с его языком.

Духье, по-видимому, еще более старое поселение. Здесь не просматривается даже могильник. Редкие захоронения обнаруживаются в самых разных местах. Название «Духье» тоже, видимо, не является названием этого поселения. Такое же топонимическое название носит местность в с. Тпиг. Поэтому, видимо, это название местности, а не поселения.

Два других села: Цула и Клуларж – более поздние поселения. У каждого из этих сел сохранились могильники. На

⁴ Булатова А. Г., Исламмагомедов А. И., Мазанав Ш. А. Агулы в XIX – начале XX вв. Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 2008. С. 48.

могильных плитах здесь четко прослеживаются арабские письмена. К сожалению, эти письмена не датированы, и определить хотя бы приблизительно время захоронений невозможно.

Все это дает нам основание не согласиться с предлагаемой историками версией образования села.

Возможность объединения поселений, которые существовали с разницей примерно в 1000 лет, вызывает большие сомнения. И дело не в отсутствии центростремительных тенденций. Вероятнее всего, села Цула и Кюларж перестали существовать после опустошительных войн Тимура или Надир-шаха.

Кураг образовался на пустом месте, и ко времени его образования указанных сел на свете уже не существовало. От этих сел оставались только развалины. Из камней бывшего на месте Урцалар поселения курагцы и строили дома в новом селении.

Существует версия о том, что Цула и Кюларж были уничтожены кызылбашами Надир-шаха. Дело в том, что в 1743 г. табасаранцы и агул-кушанцы в местечке Иран Хараб (между Межгулем и Гуми) разбили значительный иранский отряд. Когда бывшие воины вернулись по домам, они стали снова крестьянствовать, а у персов была регулярная армия. В отместку за поражение более многочисленный и хорошо вооруженный персидский отряд как по маслу прошел через Табасаран и Кушандере. Табасаранцев спаслось больше: их спасли леса, а у кушанцев лесов не оказалось. Все ущелье было гредано огню и мечу. Уцелело небольшое количество людей. Остальные были «помолочены» на шаххарманах, т. е. на шахских намолотах (так называли убийство людей под копытами боевых коней). Есть сведения, что часть людей угнали на берега Куры.

Остатки кушанцев разделились на три села: Худиг, Арсуг, Буршаг. А земли от Худига до Дулдуга опустели. Чтобы их

занять, и поселили агульские семьи в Кураге и Яркуге, причем в Яркуге – на месте старого села с этим же названием. Так в Кушандере появились собственно агульцы.

По этой причине мы вынуждены вернуться к версии М. Рамазанова об образовании села из четырех тухумов, которые пришли из разных агульских сел. Исследователи отмечают, что совпадение количества названий тухумов и кварталов, видимо, не случайное явление. Совершенно верно, согласимся с этим утверждением.

До наших дней тухумы в селении расселены поквартально, не считая нескольких семей, которые обосновались в чужих кварталах уже в XX в.

Это еще раз доказывает верность утверждения М. Рамазанова о том, что четыре тухума появились в селе хотя и в разное время, но с небольшим разрывом, и компактно поселились в разных кварталах в границах современного Курага.

Когда это точнее произошло, определить в наши дни не представляется возможным из-за того, что никаких документов по этому поводу не имеется. Можем только предположить, что случилось это не позднее 50-х годов XVIII в.

Исследователи попытались проанализировать название квартала «Сырак», и их постигла неудача из-за ошибки в написании. Нет квартала «Сырак», есть «Сирак».

Вот что они пишут: «Термин этот не переводится и происхождение его объяснить информаторы не смогли, однако утверждают, что он старый. Может быть, есть смысл связать его с исчезнувшим тухумным названием. Такое объяснение его происхождения представляется вполне возможным: в годы каких-то сильных потрясений тухум Сирак исчез как таковой, уцелевшие его представители стали носить другое название, а квартал сохранил свое старое наименование и пронес его

через века до наших дней. Сейчас этот квартал, занимающий наиболее старую часть селения, заселен тухумом Курахтаяр⁵.

Выводы эти исследователи делают, исходя из сообщения малокомпетентного информатора. Начнем с того, что «Сирак», если его правильно произнести, очень даже переводится. В агульском языке нет звука «ы». Поэтому не «Сырак», а «Сирак». «Сир» – носилки для переноски покойника на кладбище⁶. «Сирак» – под сиром, ниже сира.

В самом начале квартала «Сирак» стояла сельская джумамечеть. Под мечетью находилось помещение, где хранился сир и другой погребальный инвентарь. Название квартала, по-видимому, связано с этим. Квартал находился ниже сира. Заселен этот квартал тухумом Къадивур, а не Къурахтаяр. Следовательно, утверждение о том, что «Сирак» – это название исчезнувшего тухума, представляется несостоятельным.

Если согласиться с версией М. Рамазанова, остается вопрос: а что же было до этого? По всей вероятности, в географических границах современного Курага существовало какое-то древнее поселение. Об этом красноречиво говорят некоторые археологические находки, которые пока еще не изучены специалистами, к примеру, захоронения на восточной оконечности села, в местности УлигI. Однозначно можно утверждать, что это захоронения доисламского периода.

Об этом свидетельствует тип захоронений. В этой местности не сохранилось никаких остатков строений. По кускам керамических изделий, изредка попадающимся на этой территории, можно судить о возможном существовании здесь древнейшего поселения. Вполне возможно, что жители этого небольшого поселения в свое время объединились с поселением, находившимся на месте нынешнего села. Название

⁵ Булатова А. Г. и др. Указ. соч. С. 50.

⁶ Рамазанов М. Р. Агульско-русский словарь. – Махачкала, 2010. С. 516.

местности УлигI от агульского «ул» – глаз; «улигI» – перед глазами (на глазах). Эта местность хорошо просматривается с восточной оконечности села. Отсюда и название – УлигI. Неопровержимым доказательством существования в местности УлигI поселения является топоним «Къурчахъ». «Къурч» по-агульски – развалины, остатки строения. Постфикс -ахъ- означает «находиться после объекта, за объектом». Местность с топонимическим названием Къурчахъ находится за местностью УлигI.

Возникновение топонима объясняет тот факт, что Кураг появился после того, как в местности УлигI появились развалины. Развалин не сохранилось из-за того, что местность УлигI пребывала в постоянном сельскохозяйственном использовании. В этой местности находятся пашни хорошего качества.

Еще одним свидетельством существования на месте современного села какого-то поселения является сохранившаяся до наших дней боевая башня в западной части села.

Историки указывают, что в селении были 3 боевые башни. В селении Кураг на восточной стороне, на северной и на западной, – пишут они. От северной башни «KlerIлевуp» (klerIла – крепость, башня) сохранились остатки фундамента, а западная уцелела до наших дней и имеет 6 этажей⁷.

Башня на горе KlerIлевуp была сигнальная, и название этой местности, господствующей над селом, происходит от слова «klerIла». А где могла находиться восточная башня, неизвестно. Если она была, то могла войти в комплекс строений дома Базагая. Этот дом на восточной оконечности села представляет собой сложный архитектурный комплекс. Жителям, в том числе и старожилам, об этой башне ничего не известно.

Нельзя согласиться с тем, что в списке объектов культурного наследия Агула боевая башня в Кураге обозначена как

⁷ Булатова А. Г. и др. Указ. соч. С. 42.

минарет XVII в. Во-первых, она не имела никакого отношения к исламу, поскольку не имела культового значения. Во-вторых, построена намного раньше принятия агульцами ислама. С принятием ислама в Агул пришла и арабская письменность. Строительство столь значительного объекта обязательно сопровождалось эпиграфическими надписями на стенах. И стоит далеко от мечети, зато хорошо контролирует и дорогу, и проход по речке Кушанчай.

На стенах этой башни нет никаких надписей, что наталкивает на мысль, а не построена ли она еще в дописьменную эпоху.

Существование этой башни – еще одно свидетельство того, что на территории Курага существовало древнее поселение. При этом поселение было довольно сильное, если оно могло возвести столь мощное оборонительное сооружение.

Впрочем, башню могли возвести для защиты не села на месте Курага, а вышерасположенных сел. По каким-то неизвестным истории причинам это поселение перестало существовать. Скорее всего, после какого-то нашествия поселение это было сожжено и разрушено до основания. После этого на территории современных границ села длительное время поселения не было.

Однозначно можно утверждать, что ко времени прихода арабов поселения в этой местности не было. В связи с этим арабы свозили своих погибших и умерших от различных заболеваний воинов на захоронение в одно место («Халифан некъвар») – напротив современного Курага. Кладбище это считается святыней ислама, и местное население с должным уважением относится к границам этого внушительных размеров захоронения. На этом кладбище стоит и пир халифа, в котором обнаружены два захоронения, видимо, двух знатных арабов или двух военных чинов.

Кладбище это могло появиться в период с начала VII до середины VIII вв. В этот период, по данным арабского историка

ат-Табари (ум. 923 г.), в Дагестане происходило 15 военных событий, большинство из которых связаны с завоеваниями арабов⁸. Нельзя исключать возможность появления этих захоронений в XII в.

Примерно в это время агулы одними из первых в горах Дагестана приняли ислам.

В связи с изложенным мы, возможно, приходим к выводу о том, что первое поселение на территории Курага перестало существовать в результате восстаний в Албании против Сасанидской Персии. Восстания эти происходили в 450, 467, 571 гг. Истории известны факты о том, что Сасанидская Персия при Ездигерде II (439–497) жестоко расправилась с албанцами, наняв для этого войско гуннов. Земли агулов тоже были опустошены во время подавления этих восстаний. Вполне вероятно, что первое поселение, существовавшее на территории нынешнего села, разрушено до основания в ходе подавления этих восстаний. Нельзя исключать возможность разрушения и поселения Турчалар в это же время.

Надо думать, что население этих поселений было уничтожено, а уцелевшие жители убежали и растворились в других агульских селах, уцелевших после трагедии. Если верить этой версии, то получается, что на территории современного села длительное время не было никакого поселения. Время появления села в современном его виде приблизительно можно определить как середину XVIII в.

Древние люди, основавшие поселение в этой местности, исходили из принципов, которыми руководствовались и другие народы. Это прежде всего проблема водоснабжения. На эту особенность, присущую населению горного Дагестана, указывали многие исследователи. В частности, Е. Марков

⁸ Шихсаидов А. Р. Освободительная борьба народов Дагестана против халифата в VI–VIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. – Махачкала, 1986.

писал, что горцы «засели в местах, к которым не проберешься ни сверху, ни снизу»⁹.

На оборонительный характер поселения указывает боевая башня в западной части села и останки сигнальной башни на господствующей высоте, которые гарантировали жителей от внезапного нападения.

На характер поселения повлиял и фактор малоземелья. «В Дагестане было настолько сильно малоземелье, что горцы старались строиться в местах, с хозяйственной точки зрения не представляющих ценности (крутые склоны, скалы и др.)»¹⁰.

При выборе места поселения идеально учтены факторы близости к водному источнику, оборонительного характера и малоземелья.

Не забыли древние поселенцы и о солнечной ориентации поселения, что было немаловажно в суровых условиях высокогорья.

Так что предки современных курагцев пришли на место, которое по всем условиям подходило для основания нового поселения. Их предки позаботились об этом.

Возвращаясь к версии об образовании Курага, о чем сказано выше, обратимся к мнению исследователей: «В основном селообразование происходило путем слияния на базе одного поселения жителей разрушенных селений к существующему. Во время подселения или слияния выходцы из одного поселения – кровно родственная группа (тухум) – поселяются компактно, занимая отдельный квартал»¹¹.

В нашем случае, к счастью, села, из которых тухумы перешли в Кураг, не разрушены. Остается вопрос, почему

⁹ Марков Е. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия. Т. IX. – М., 1983. С. 13–14.

¹⁰ Османов М.-З. О. Поселения даргинцев в XIX–XX вв. // УЗ ИИЯЛ. – Махачкала, 1962. Т. 10. С. 216.

¹¹ Булатова А. Г. и др. Указ. соч. С. 49.

отдельные тухумы из своих родных поселений перешли в Кураг.

То, что в эту местность поселили по одному хозяйству из разных сел, свидетельствует о неслучайном характере этого события. У агулов не было своих ханов, беков, но в каждом селе были кавхи, казии, муллы (имамы мечетей), имевшие значительное влияние на односельчан. Какое-то собрание представителей сел и определило, кто из какого села переселится на новое место (в Кураг по одной семье из Хутхула, Тпига, Буркихана и Мисси, а в Яркут по две семьи из Дулдуга и Гоа).

Видимо, основателей нового села привлекало и наличие большого числа пашен и свободных пастбищ на территории пустовавшего в то время Курага.

Народные предания, названия кварталов, потухумные участки на общесельском кладбище подтверждают первоначальную версию о потухумном расселении, которое было характерным и для других народов Дагестана.

Известный исследователь этнографии М. О. Косвен отмечает: «Более сложный и, видимо, более поздний тип представляет собой поселение единое и довольно компактное, которое, однако, отчетливым образом делилось на части»¹².

Со времени образования поселения на территории бывшего городища вплоть до середины XIX в. Кураг являлся небольшим населенным пунктом. Никаких статистических наблюдений ни о количестве хозяйств, ни о населении не велось.

Первые сведения такого характера появляются только после окончательного присоединения Дагестана к Российской империи и образования округов.

¹² Косвен М. О. Патронимия и ее роль в истории общества // VII. МКА-ЭН. – М., 1964. С. 3.

По данным А. Комарова¹³, в середине 60-х годов XIX в. в Кураге было 25 хозяйств. Для сравнения: Яркуг – 16, Худиг – 46, Арсуг – 48, Буршаг – 29.

С присоединением Дагестана к России в начале XIX в. уменьшилась опасность внешних нашествий и прекратились внутренние междоусобицы. Это дало возможность экономического и культурного развития края.

По данным посемейной переписи 1886 г., количество хозяйств в Кураге увеличилось до 42 с населением 260 чел. Для сравнения: Яркуг – 26, население 134; Худиг – 61, население 286; Арсуг – 67, население 286; Буршаг – 47, население 291.

Резкое увеличение количества хозяйств свидетельствует о начавшемся процессе выделения семей из больших неразделенных семей. Такое увеличение хозяйств посемейной переписью отмечено во всех агульских селах.

Некоторые сведения о материальном состоянии населения Курага дает свод статистических данных о населении и численности скота в хозяйствах агулов за 1890 г. (Курахское наибство). Этот источник гласит, что в селении Кураг было 42 хозяйства, которые содержали 237 голов крупного и 4369 голов мелкого рогатого скота, 30 лошадей и 23 осла.

Для сравнения приведем сведения по соседним селам.

Село	Количество домов	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошади
Кураг	42	237	4369	30
Яркуг	26	85	1450	20
Худиг	61	179	1660	16
Арсуг	67	184	1834	24
Буршаг	47	202	2604	36

¹³ Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. – Тифлис, 1869. Т. I. С. 74, 105–106.

Эти сведения дают представление об относительном благополучии жителей Курага в указанное время.

Данные посемейной переписи 1886 г. подтверждают, что крупный рогатый скот был распределен между хозяйствами почти равномерно, а мелкий рогатый скот был сосредоточен в руках нескольких хозяйств.

Примерно таково было положение села к началу XX в. Значительные перемены в селе начали происходить после революции 1917 г. Революция и гражданская война прошли для курагцев относительно спокойно. По рассказам старожил, в годы гражданской войны в селе появился небольшой турецкий отряд, который, недолго простояв, ушел.

О том, что в стране меняется власть, в селе узнали, когда прибыл отряд красных партизан. Этот отряд был дружелюбно встречен, и никаких эксцессов не произошло. Курагцы вряд ли понимали, что происходит.

Постановлением ВЦИК от 20.01.1921 г. образован Курагский сельский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Кюринского округа Агульского участка. Во вновь образованный сельский Совет входили населенные пункты: собственно Кураг, Яркуг, Худиг, Арсуг, Буршаг и Шари. С этого момента Кураг превращается в центр всего Кушандере.

Председателями сельского Совета в разные годы были:

1. Даргаев Курбан
2. Бизай
3. Алиев Бажа
4. Рамазанов Абдулла (Индри)
5. Курбанов Ибрагим (Лал Бичай)
6. Ибрагимов Мажид
7. Хададов Рамазан (Ижарин Мазай)
8. Курбанов Раджаб (Иван Петрович)
9. Рамазанов Рамазан (Ажалин Мазай)
10. Даргаева Гурият

11. Аманаев Абдулла
12. Курбанов Гаджимурад
13. Курбанов Рамазан
14. Юсуфов Назим
15. Фархатов Багаудин

В 1929 г. в селе была открыта начальная школа.

Коллективизация для курагцев прошла безболезненно. Ни один человек в селе не был раскулачен. В этом большая заслуга принадлежит первым коммунистам села Шабанову Рамазану Гусукаевичу (Кутайрин Базан) и Казиеву Джама-лу Алиевичу, которые сумели провести в селе необходимую идейно-политическую работу и оградить сельчан от имевших тогда место репрессий.

Надо отметить, джамаат села в то время был довольно дружный и спаянный. Благодаря этому удалось избежать раскулачивания, что приводило к расколу в сельских обществах и длительному противостоянию. Сплошной коллективизации предшествовали разные формы обобществления скота и инвентаря. Известно, что в селе было создано 3 кооператива, в которых часть жителей обобществила свой скот и пахотные участки. Однако не все спешили сдавать свой скот в эти сомнительные ЖКТ. В них состояли в основном хозяйства с малым количеством скота и пахотной земли.

Колхоз им. К. Е. Ворошилова в селе создали в 1936 г. К этому времени пропаганда преимуществ колхозной жизни уже проняла глав семей с большим количеством скота и во избежание раскулачивания и высылки они добровольно вступили в колхоз.

Председателями колхоза в разные годы были:

1. Рамазанов Абдулла (ИЭндри)
2. Курбанов Ибрагим (Лал Бичай)
3. Хададов Рамазан (ИЭжайрин Мазай)
4. Рамазанов Рамазан (Ажалин Мазай)
5. Курбанов Раджаб (Иван Петрович)

6. Раджабов Али

7. Курбанов Магомед

8. Аманаев Абдулла

С 1979 г. колхозы района были преобразованы в совхозы.

К началу 40-х годов в село была проложена автомобильная дорога, проведена телефонная связь, открыты отделения связи и сбербанка. С установлением телефонной связи пришла и радиосвязь. В селении функционировал радиоузел с постоянным штатом телефонистов. В начале 80-х в селе была установлена АТС (автоматическая телефонная станция) и телефонная связь имела в большинстве домов селения.

В 1936 г. открылась семилетняя школа с дошкольным интернатом, в котором проживали и учились дети из всех сел Кушандере.

Местное самоуправление

Селение Кураг до революции управлялось собранием общины, называемой арабским словом «джамаат».

Высшим органом управления сельским обществом являлось собрание джамаата (сельский сход). В сельском собрании имели право принимать участие все совершеннолетние члены общества мужского пола.

Сельское общество (джамаат) состояло из узденей и духовных лиц, которых было единицы. В отличие от некоторых сельских общин в Кураге не было лагов и райатов, которые не имели права принимать участие в самоуправлении.

В период между сельскими сходами управленческие функции выполнял совет старейшин. В совет выбирались по одному представителю из каждого тухума. Во главе совета стоял кавха (после установления порядков русской администрации назывался старшина, но функции остались прежние и назывался он кавха). В помощь кавхе выбирались чауши (исполнители) и гузур.

Кавха следил за исполнением решений сельского схода. Чауши, которые выбирались из джамаата, имели право применять различные санкции к нарушителям решений джамаата.

В селении не было кадия, поэтому судебное разбирательство проводил кавха, совет старейшин с участием муллы. Суд осуществлялся на основе обычного права (адата).

Круг разбираемых советом старейшин вопросов был самым широким, начиная с установления порядка проведения сельскохозяйственных работ, найма пастухов и чабанов, организации выпаса скота, вопросов ремонта и строительства дорог,

мостов, мечети, охраны угодий, организации общественных праздников и обрядов. Они же рассматривали спорные вопросы имущественно-правового порядка, возникающие между тухумами или отдельными узденями. Курагцы в выборные правители выдвигали не обязательно глав тухумов, а тех, кто лучше мог представить свой тухум в джамаате села.

После вхождения Дагестана в состав Российской империи кавха назначался наибом участка, а еще позже начальником Кюринского округа и назывался юзбаши. Выбирались юзбаши так же, как и кавха, из местного населения и, как правило, из какого-либо сильного тухума.

В завершение можно отметить, что демократии в самоуправлении у наших предков было достаточно много. На сельском сходе каждый уздень мог свободно высказать свое мнение.

Землевладение и землепользование

Частная земельная собственность у курагцев, как и у других агульцев, была известна под названием «мульк». В частной собственности находились пахотные поля, покосы, летние хутора и зимние пастбища. Главными из них являлись пахотные участки.

О распределении пахотной земли среди курагцев можно сделать определенные выводы из данных посемейной переписи 1886 г. По этим данным, в 42 хозяйствах курагцев пахотные земли распределялись следующим образом:

хозяйств без земли	– не было;
имеющих до 0,25 га	– не было;
имеющих от 0,25 до 1 га	– 19 %;
имеющих от 1 до 4 га	– 64,3 %;
имеющих от 4 до 6 га	– 9,5 %;
имеющих от 6 до 12 га	– 7,1 %;
имеющих свыше 12 га	– не было ¹⁴ .

Особую категорию в селе составляли общинные земли. Общинные земли делали возможным существование отдельных общинников и самой общины в целом. Пользование общинными землями регламентировалось джамаатом села, который определял, где и когда пасти.

Существовал строгий порядок пастыбы на зимних пастбищах. За нарушение этого порядка могли последовать строгие санкции со стороны кавха, чаушей или гузура. Особой

¹⁴ ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 87.

обязанностью гузура была забота об охраняемых участках «аяр». За нарушение установленных правил пастьбы и допущение потрав существовали штрафы, которые определялись мерами зерна, а в некоторых случаях и в скоте. Это зависело от степени нанесенного ущерба.

Наряду с индивидуальными сенокосными участками существовали и общинные покосы, которые распределялись по жребью. Их выделяли с апреля до конца осени.

Особое место в земельных отношениях курагцев составляли так называемые сабильные земли. Некоторые из них сохранили свою суть в названиях участков. К примеру, пахотный участок площадью 0,25 га, расположенный прямо напротив села, за «Халифан некъвар», называется «сабилан ху».

Таких участков, по-видимому, было много, но они не сохранили свои названия, а называются по местности. (Топонимы древнее времени появления сабильных земель. – А. И.)

Сабильные земли формировались путем пожалования членами общины в пользу джамаата. Обычно земельный участок в категорию сабильных переходил, когда у жертвователя не было прямых потомков.

Установить, кем были пожертвованы эти участки, не представляется возможным. Сабильные земли в Кураге, наряду с вакуфными, составляли собственность всего джамаата. Доходы с этих участков распределялись между малоимущими, сиротами, а часть из них уходила в пользу мечети и выборных правителей джамаата.

Особой формой землевладения была вакуфная собственность. Вакуфная собственность – земли, которые принадлежали мечети. Земельные участки, принадлежащие мечети, так и назывались «маздикан ху». Один из пахотных участков в селении до сих пор сохранил за собой такое название. Мечети в Кураге принадлежал и лес. Он также называется «маздикан дар». Эксплуатация этого пахотного участка и леса являлась обязанностью муллы.

Вакуфных участков, по-видимому, было несколько. Установить сегодня, где они находились, невозможно. Доходы с этих участков поступали в мечеть. На эти средства существовала примечетская школа. Часть доходов уходила на ремонт дорог, строительство мостов и другие нужды джамаата.

Вырубка леса тоже строго регламентировалась общественными правилами. Источниками образования вакуфных земель становились завещания, пожертвования со стороны верующих, которые передавали в собственность мечети пахотные, сенокосные и пастбищные участки. Доля вакуфных земель в селении увеличивалась с укреплением позиций ислама. Существовали и другие виды вакуфа. Таким видом вакуфа считалось обеспечение мечети предметами быта и топливом. Это входило в обязанность определенных семей.

Определенное место в доле вакуфной собственности занимают пожертвования членов общины на строительство и ремонт мостов, дорог, мечетей и родников.

Известно, что двухарочный капитальный мост в местности Муғларигі на свои средства построил Махмуд из тухума Къадивур. В наши дни Базагаев Гаджирамазан завещал денежные средства на строительство родника у въезда в село с восточной части. Магомед Маллаев отреставрировал пиры на территории села. На пожертвования сельчан построена новая мечеть.

Источником увеличения частновладельческой земли было освоение новых пахотных участков. Согласно традиционному праву, тот, кто привел в состояние хозяйственного пользования никому ранее не принадлежавший участок, становился его владельцем.

Освоение земли означало очищение участка от камней, а иногда и террасирование его, выравнивание.

Вот поэтому в окрестностях села нет сколько-нибудь пригодного для землепользования участка, которое не использовалось под пашню. Эти участки были отвоеваны у природы нечеловеческим трудом наших предков.

Просвещение и образование

Определить численность грамотного населения в Кураге, уровень его образованности при отсутствии статистических исследований не представляется возможным. О том, что с проникновением ислама в Дагестане распространилось арабское письмо, говорят многочисленные эпитафические памятники.

Исследователи отмечают, что процесс проникновения арабского языка активно начал развиваться к концу X в., когда распространяется ислам и арабский язык приобретает определенное влияние в среде правящей верхушки и духовенства¹⁵.

В Кураге, как и во всем Дагестане, обнаружены эпитафические памятники, что является показателем грамотности представителей отдельных слоев населения.

Исследователь эпитафических памятников профессор Л. И. Лавров считает, что обнаруженное эпитафическое наследие на территории Дагестана требует пересмотра ходячего представления, будто народы Дагестана до недавнего времени были бесписьменными и неграмотными¹⁶.

Эпитафические памятники, обнаруженные на территории села, – эпитафии, строительные надписи – сохранили имена писцов, мастеров и заказчиков. Наиболее многочисленную группу среди памятников эпитафики составляют надписи на надгробных сооружениях.

¹⁵ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. – Махачкала, 1964. С. 12.

¹⁶ Лавров Л. И. Эпитафические памятники Северного Кавказа. Т. II. – М., 1968. С. 2.

Известно, что люди, владевшие арабской письменностью, делали не всегда удачные попытки создания агульской письменности на аджаме. Г. Ш. Каймаразов пишет: «В отношении XV – начала XIX вв. имеются убедительные свидетельства пользования этой письменностью в определенных, правда, в весьма ограниченных кругах представителей привилегированных сословий»¹⁷.

С усилением позиций ислама увеличился и завоз в Дагестан арабоязычной литературы (арабских книг). С этого периода образованные дагестанцы начали переписывать книги, которые сосредотачивались в мечетях и в домах ученых-арабистов.

Таким образом в Кураге появились образованные по тем временам люди, свободно владевшие арабским, нередко турецким, фарси, переводившие религиозную и светскую литературу с этих языков на агульский, несшие в народ просвещение и знания.

Постепенно для многих переписка книг стала ремеслом. Имелись свои центры и прославленные мастера.

Известно, что в Кураге знаменитым переписчиком арабоязычной литературы в XIX в. был Гаджикурбан, сын Палас Магомед. Гаджикурбан славился своими познаниями арабоязычной литературы и исламского права. В конце XIX в. он совершил хадж. Рукописный Коран его работы до недавнего времени находился у Гусейна Мацуева. Гусейн умер в 2009 г., судьба раритета неизвестна.

В конце XIX – начале XX вв. далеко за пределами Курага было известно имя ученого-арабиста Рамазана-хаджи, сына Амая, который сначала учился у Сефера-хаджи из Арсуга, а потом совершенствовал свои познания у знаменитых алимов того времени в медресе селений Усиша и Акуша. Водил

¹⁷ Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. – Махачкала, 1989. С. 26.

дружбу со знаменитыми шейхами Али-Гаджи из Акуша и Наврузбеком Халагским, которые не раз гостили в Кураге. Стены старой мечети в Кураге помнят проповеди духовных светил того времени. Проникновенные воззвания Рамазана-хаджи в мечетях агульских сел к мусульманам помнили старожилы.

Распространение ислама сопровождалось насаждением религиозных школ для обучения населения догматам мусульманской религии. Детей в основном обучали в примечетских школах. Мечети содействовали распространению грамотности среди народа¹⁸.

При мечети Курага тоже существовал мектеб¹⁹, где обучались чтению и письму дети, достигшие семилетнего возраста. Срок обучения не был строго определен. От обучающегося требовалось, чтобы он усвоил арабский алфавит, мог бегло читать и запомнить определенное количество сур из Корана и молитв. Каждый горец «считает священным долгом обучать детей грамоте с единственной целью – дать им возможность читать Коран», – писал относительно дагестанских горцев русский ученый А. Лилов²⁰.

Известный таджикский ученый и писатель Садриддин Айни в своем романе «Бухарские медресе» пишет, что этим навыкам многие муталимы не выучивались за 20 лет. Для таких муталимов учение заканчивалось заучиванием определенного количества молитв для работы муллою.

Известный дагестанский просветитель А. А. Тахо-Годи писал: «В обучении детей Корану беда в том, что школы и учителя учат не жизни, а богословию, не грамоте, а зубрежке священных стихов Корана, не родному языку, а средневековому

¹⁸ Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры Дагестана. – М., 1971. С. 52–58.

¹⁹ Мектеб – начальная школа при мечети.

²⁰ Лилов А. Очерки из быта горских мусульман // СМОПК. Вып. 5. – Тифлис, 1886. С. 14–15.

диалекту арабского языка – времен Пророка Магомеда, которым не владеют и современные арабы»²¹.

Со времени открытия мектеба при мечети все в Кураге имели возможность получить образование.

Российский языковед, исследователь дагестанских языков П. К. Услар говорил: «Если об образовании народа судить по соразмерности школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили многие просвещенные европейские нации».

Несмотря на все трудности благодаря пытливому уму и любознательности некоторые из курагцев добились значительных успехов в усвоении арабского языка и исламских богословских учений.

Благодаря знанию арабского языка и письма много лет подряд назначался старшиной села юзбаши (его должность по старинке называли кавха. – А. И.) Хаджи Малла, сын Какай Ахмеда. В свое время он совершил хадж к святыням ислама.

Усвоив азы арабской грамматики, наиболее одаренные из учеников мектеба продолжили учебу в медресе в разных селах Дагестана. В медресе села Маджалис, где находилась резиденция кайтагских уцмиев, учился Кадиров Абдулла (Ате Ёбдула (Хромой Абдулла). – А. И.), который в совершенстве владел арабским языком, обладал телепатией и обширными знаниями в астрономии, метеорологии и народной медицине. После окончания медресе Ате Ёбдула жил в селении Ягдиг Табасаранского района. Табасаранцы возмущаются, когда говоришь, что знаменитый арабист – агулец, а не табасаранец. Ате Ёбдула хорошо владел русским, тюркским, азербайджанским, табасаранским, лезгинским, кумыкским и другими языками, разбирался в вопросах механики. Несколько десятилетий являлся духовным авторитетом в селах Табасарана.

²¹ Тахо-Годи А. А. Родной язык. – М., 1936. С. 7.

После окончания мектеба в родном селе Ибрагимов Тагриверди совершенствовал свои знания у муллы в ричинской мечети, а затем продолжил учебу в медресе села Маджалис. Глубокие знания в арабской грамматике помогли ему впоследствии занимать ответственные должности в хозяйственных и советских органах в агульских селах. Он был организатором и первым председателем колхозов в селах Худиг и Фите. В начале 50-х годов руководил районной почтой. У Тагриверди была богатая по тем временам библиотека арабоязычной литературы.

Славился своей ученостью алим Кутайрин Рамазан. В стене старой курагской мечети хорошо сохранилась эпитафическая надпись, которая гласит, что мечеть отреставрировал Кутайрин Рамазан с помощью многих сельчан. Ученый-арабист был еще и хорошим мастером-каменщиком. Он являлся сторонником новых методов обучения арабскому языку. Известно, что первые 3 года ученикам нельзя было писать арабские «священные» буквы, а Рамазан с первого дня учебы давал детям в руки калам, т. е. учил писать.

Учеба у Кутайрин Рамазана позволила Рамазану Шабанову (Базану) стать одним из передовых людей своего времени. Он стоял у истоков первой светской школы в Кураге. Был первым курагцем-учителем. С 1934 по 1938 гг. работал заведующим этой школой. Владел русским языком наряду с арабским, тюркским, азербайджанским, табасаранским, лезгинским, лакским, кумыкским и другими языками. Считался одним из образованных людей своего времени. С 38-го по 43-й годы XX в. заведовал отделом пропаганды и агитации Агульского РК ВКП(б). Некоторое время работал заместителем председателя Агульского райисполкома и на других руководящих должностях.

В кумухском медресе совершенствовал свои знания в арабском языке Рамазанов Гаджи (Плежи Баба), который, помимо занятий исламскими науками, выучился еще секретам

мастеров-лудильщиков. Дедушка Глежи Баба много лет был сельским муллой и отличался лютой ненавистью к светской школе.

В примечетском мектебе сделал первые шаги в образовании Казиев Джамал, который сумел впоследствии получить светское образование. Рано осиротев и оказавшись в г. Дербенте, 11 лет он батрачил у купца Писаханова. За эти годы выучился русскому языку. Впоследствии, окончив ремесленное училище, любознательный юноша продолжил учебу на курсах по подготовке оперативных работников правоохранительных органов. Работал в органах НКВД. Дослужился до начальника Курахского райотдела НКВД, куда в то время входил и Агульский район. Затем работал председателем Народного суда Курахского района. После создания Агульского района Д. Казиев работал начальником райотдела НКВД, позже – до 1946 г. – начальником земотдела райисполкома и членом бюро райкома КПСС. Личные неприязненные отношения кое с кем из руководства привели его к освобождению с работы и даже к недолгому тюремному заключению. Благодаря своей образованности сумел оправдаться и был полностью реабилитирован.

Как знатока арабской культуры и ислама помнят курагцы Магомеда Фархатова, который первые шаги к просвещению тоже сделал в мектебе. Магомед длительное время совершенствовал свои знания у дяди – Ибрагимова Тагриверди. Он успел получить и светское образование. Некоторое время работал бухгалтером колхоза им. К. Е. Ворошилова в с. Кураг, секретарем сельсовета.

В 70–80-е годы отличался познаниями в вопросах ислама Магомед Гаджиев, который возглавлял Совет мусульман Агульского района и первым из курагцев совершил хадж в Мекку в начале 90-х годов XX в.

В 1929 г. в Кураге была открыта начальная светская школа. Помещения школы не было, обучение велось в частных

домах. Большой проблемой являлось отсутствие учителей. Известны случаи, когда учителями работали люди, которые на курсах ликбеза едва научились читать.

Первым заведующим школой был уроженец Курага Шабанов Рамазан (Базан). Он же несколько лет работал и учителем в этой школе. Будучи заведующим, он начал строительство типовой школы, которая потом достраивалась. Преподавание велось на лезгинском языке.

Письменность была основана на латинском алфавите, что создавало особые трудности. В первые годы существования школы большую помощь учителям оказывали лезгинские районы.

В 1937 г. Президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство трудящихся Дагестана о переводе письменности народной республики с латиницы на русский алфавит²².

В 1936 г. в Кураге уже появилась стандартная и достаточно удобная по тем временам семилетняя школа, построенная местными мастерами методом народной стройки из местных материалов с помощью государства. При этой школе функционировал интернат, в котором жили дети из всех сел Кушандере.

В разные годы в школе работали учителя из лезгинских сел. Это Бабаев А. П., Бабаева С. Р., Меликов М. М., Рамалданов А. М., Ахмедов Г. И., Эфендиев Р. С., Загиров З. А., Шихрагимов К. Ш., Шихрагимова Н. Б. и др. Курагцы помнят их и благодарны за их труд на ниве просвещения детей горцев.

С особой теплотой и благодарностью отзываются горцы о русских девушках, которые в то суровое время, окончив училища и учительские институты, приезжали обучать детей в далекий Дагестан. Они обучали детей не только русскому языку, а приобщали их к русской культуре, к великой русской

²² Исаев А. Р. Письменность в Дагестане // Советский Дагестан. 1989. № 6. С. 71–72.

литературе. Неоценим их вклад и в ликвидации безграмотности среди взрослого населения.

В Курагской школе работали в разные годы Тамара Михайловна, Татьяна Юрьевна, Александра Васильевна, Любовь Ивановна, Ирина Романовна, Валентина Андреевна, Анастасия Алексеевна Дружинина, Валентина Эмануиловна Дахно и др.

Педагогических кадров не хватало. В связи с этим летом 1941 г. на базе Курагской семилетней школы были открыты курсы по подготовке учителей. На эти курсы принимались лица с семиклассным образованием. Курсы окончили Османова Галимат, Ибрагимова Бицихабав, Ибрагимова Ахабика, Курбанова Битей, Даргаев Дарга, Абдуллаев Исак и др. По окончании курсов эти люди начали работать в школе родного села.

Долгое время из них проработала Османова Галимат, которая потом длительное время заведовала сельской библиотекой. Заведывая библиотекой, приобщила к чтению художественной литературы не одно поколение курагских мальчишек. В годы ее работы библиотека поистине являлась центром культурной жизни села.

В 50–60-е годы прошлого века выпускники Курагской школы начали поступать в высшие и средние специальные учебные заведения.

Первым курагцем, получившим профессиональное образование, стал Даргаев Д. К., участник Великой Отечественной войны, который в 1952 г. окончил Дербентское педагогическое училище. Работал в райкоме КПСС на различных должностях. Был редактором райгазеты. Погиб в автоаварии, будучи завкультуротделом РИК.

Первым курагцем, получившим высшее образование, был М. Рамазанов, который в 1957 г. окончил филологический факультет ДГПИ. Он же был первым среди агульцев, получившим специальность «русский язык и литература». По его

инициативе в свое время районная газета «Сельская новь» начала выходить на русском языке. М. Рамазанов долгое время являлся редактором этой газеты. Работал секретарем Агульского РК КПСС. М. Рамазанов издал академический «Агульско-русский словарь», который получил высокую оценку специалистов. В настоящее время готовит к изданию ряд словарей агульского языка, «Граматику агульского языка».

В 1963 г. окончил химико-биологический факультет ДГУ А. Абдуллаев, а в 1969 г. заочно окончил филологический факультет Северо-Осетинского государственного университета. До последних дней своей жизни он работал в родной школе. А. Абдуллаев был настоящим мастером педагогического труда. Он был удостоен почетных званий «Заслуженный учитель РД», «Отличник народного просвещения РФ».

В эти годы педагогический коллектив школы пополнился выпускниками школы, которые окончили высшие и средние специальные учебные заведения. Это Мусаев Г. Г., Рамазанов О. Д., Юсуфов А. К., Зулкаидов К. К., Курбанов А. М., Хададов Г. К., Даргаев Н. Д., Рамазанов М. Р., Сайфаева А. Г., Абдуллаев К.-И. И., Даргаев А. К., Фархатов И. М., Мусаев А. Г., Магомедова Н. Д., Абдуллаев К. И., Маллаев К. М., Мацуев Р. Г. и др.

Первой женщиной, получившей специальное педагогическое образование, была Сайфаева А. Г., которая окончила Дербентское педагогическое училище. Аминат Гусейновна в настоящее время работает в родной школе.

Первой женщиной, получившей высшее образование в Кураге, была Магомедова Нурият Даудовна (окончила ДГПИ).

В 1968/69 учебном году школа была реорганизована в среднюю полную общеобразовательную. С тех пор ее окончила не одна сотня выпускников. Многие из них продолжили учебу в вузах республики и Российской Федерации. Несколько человек защитили диссертации.

Народная медицина

У курагцев народная медицина, как и у других агульцев, основывалась на эмпирических знаниях, приобретенных лекарями на протяжении многих веков, о целебных свойствах различных веществ растительного, минерального и животного происхождения. Из них готовились лекарственные препараты (настои, отвары, мази и др.).

В лечебных целях широко применялись целебные травы. Народные лекари – джарахи – хорошо знали и строго соблюдали календарные сроки сбора различных целебных растений и кореньев. От соблюдения этих сроков зависели целебные свойства растений. Таким образом, одни растения собирались весной, другие летом, третьи осенью. Соблюдались даже погодные условия: некоторые растения собирались в сухую погоду, а другие – в дождливую. Одни растения собирались ранним утром, другие в обед, третьи вечером. Существовали определенные условия сушки и хранения этих растений, которые тоже имели немаловажное значение в сохранении целебных свойств.

В лечебной практике курагцев широкое применение имели крапива (магъжар), мята (ураяр), щавель (лапсар), подорожник (тав ае лүк), шиповник (члигъвар), чабрец (униклеяр), мать-и-мачеха (литун цавлар), тмин (хлэшар) и др. В обиходе было и множество корней различных растений. Из продуктов животного происхождения использовались овечий курдюк, коровье масло, козий внутренний жир, медвежий или барсучий жир. Хороший эффект давала практика натягивания на травмы и свежие раны шкуры свежезарезанного барана.

Высокую оценку этому методу дагестанских врачей в свое время дал известный русский хирург Н. И. Пирогов²³.

В Кураге имелись свои костоправы и травматологи. Народный травматолог Таиб рекомендовал при вывихах прикладывать к травмированному участку мелконарубленное соленое мясо. На место перелома он обычно накладывал войлочную ткань, густо намазанную маслом. В некоторых случаях он нагревал воск, капал его на чистую тряпочку и клал его на больное место. На эту повязку накладывались тонкие дощечки и все это обматывалось тканью. Дощечки или древесная кора накладывались при переломах конечностей для сохранения их неподвижности.

Эти приемы впоследствии изучены учеными-врачами и признаны рациональными. Этими приемами народный врачеватель довольно успешно излечивал больных.

В начале XX в. в Кураге известным врачом считался Османов Аллахверди, у которого был набор хирургических инструментов. Считали, что у него очень легкая рука. Он лечил всевозможные раны (огнестрельные и кинжальные), вывихи, переломы, фурункулы, нервные заболевания, удалял зубы. Аллахверди умел изготавливать специальную нить из свежих козьих кишок для зашивания ран. Он очищал рану, пропуская конопляную нитку, намазанную медом, вовнутрь раны. Знал целебные свойства множества трав.

Известен был в горах своим лекарским искусством Шамиль из тухума Гвадачаяр. По сведениям информаторов, Шамиль славился умением лечить туберкулез легких. Таким больным, помимо многочисленных отваров и настоев, приготовленных из целебных трав собственного сбора, он рекомендовал специальную диету. Диета состояла из козьего жира и бульона из козьего мяса. Хорошо излечивали туберкулез мясо медведя или барсука.

²³ Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. – М., 1852. С. 69–71.

Шамиль широко использовал в своей практике применение целебных свойств лука. Так свежий лук он рекомендовал при заболеваниях кишечника. Совместно с медом его использовали при ангине и бронхите.

Хороший эффект давал зверобой при лечении желудочных и кишечных заболеваний. При болях в области сердца рекомендовалось пить чай, заваренный мятой. Зверобой же он рекомендовал при заболеваниях кишечника, колитах. Отваром крапивы лекарь отпаивал страдающего желудочно-кишечными заболеваниями, при радикулитах. Подорожник использовался при лечении гастрита и язв. Из него готовили сок, ели в сыром виде, прикладывали к месту гнойных нарывов. Мать-и-мачеху использовали при простудных заболеваниях. Тмин применяли при желудочных заболеваниях. Шиповник применяли при малокровии. В некоторых случаях шиповник применялся и как мочегонное средство.

Лекари в старину хорошо знали лечебные свойства тепла и холода. В определенных случаях рекомендовалось к больным местам прикладывать тепло или холод.

Практиковалось и кровопускание, к чему, скорее всего, прибегали при повышенном артериальном давлении.

Старшее поколение курагцев с большим уважением вспоминают бабушку Бирик и с любовью называют ее Бирикабав (тетя Бирик).

Несколько десятилетий подряд, вплоть до середины XX в., в Кураге не появился ни один ребенок без активного родовспоможения Бирикабав.

В своей практике Бирикабав пользовалась богатейшим арсеналом народной медицины, столетиями накопленными эмпирическими знаниями горских лекарей в области беременности и родов.

По свидетельствам информаторов, в практике Бирикабав не было ни одного случая смерти роженицы, чем не смогут похвастаться современные гинекологические

клиники, оснащенные оборудованием и дипломированными специалистами.

В силу того, что Бирикабав не любила делиться своими знаниями, мы не можем привести примеры из ее практики. Но сам факт остается фактом. Хвала и честь памяти доброй народной целительницы. Да воздаст Аллах ей за труды!

Вместе с тем в бытовой практике курагцев, наряду с рациональными методами, сложившимися на положительном опыте, применялись и некоторые магические приемы. В зависимости от серьезности заболевания заговоры были соответствующей силы и полноты. В каждой семье, разумеется, знали заговоры на различные случаи жизни, хотя после распространения ислама многие лечебные заговоры стали забываться. Несмотря на это некоторые магические приемы, в том или ином виде, дошли до наших дней.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что народная медицина в Кураге находилась на достаточно высоком уровне.

Религия

Курагцы, как и все агульцы, исповедуют ислам суннитского толка. С мусульманской религией в Агул пришла арабоязычная культура, письменность. Многие курагцы славились знанием арабского языка и писали на нем свои сочинения. Они научились красиво переписывать арабские книги, некоторые из этих книг сохранились до наших дней и хранятся неизвестно где.

Фанатизм атеистов первой половины XX в. сделал свое дело. Самое страшное то, что забыты имена тех, кто создавал эти культурные ценности. Люди старшего поколения помнят на курагском кладбище до 10 могил с куполами-мавзолеями. Такие мавзолеи возводились на могилах людей, совершивших хадж в священную Мекку. К сожалению, никто в селе не помнит, кто похоронен под этими куполами.

Итак, с трудом удалось установить имена некоторых курагцев, совершивших хадж до революции. Это:

Хаджи Курбан, сын Палас Магомед

Хаджи Рамазан (Кьурахтайрин)

Хаджи Рамазан, сын Амая

Хаджи Малла, сын Какай Ахлмеда.

С 1920 по 1990-е годы паломникам из СССР не разрешали ездить для совершения хаджа в Мекку. С 1990 г. многие курагцы побывали в Мекке и совершили хадж. Это:

Гаджиев Магомед

Даудов Курбан

Тагиров Абдурахман

Тагиров Бари

Курбанов Джамал

Мусаев Абай
Ибрагимов Муса
Курбанов Рамазан
Мусаев Рамазан
Курбанова Зулейхат
Исаев Абдурахман
Рамазанов Курбан
Рамазанов Муса
Даргаев Арсен
Даргаев Игратунтин
Алиева Аминат.

Топонимика

Топонимика (от греч. topos (место) и опута (имя, название) – совокупность названий какой-нибудь местности, территории). Топонимика Курага не изучена и представляет собой клад для исследователей. О названии села мы поговорили в исторической справке. Начнем с названий сельских кварталов:

Пирдихъ – рядом с пиром (пир – культовое место или могила святого) (ади пирдихъ, вIартти пирдихъ);

Раттил – на гумне, на токе (ратт – гумно, ток);

Тураригъ – в узком проходе (тур – узкий проход);

РагIарихъ – щебневый южный склон в верхней части села (рагI – южный скалистый склон с редкой растительностью);

НецIухъ – у речки (нецIв – речка);

Дагъарахъ – на краю скалы (дагъар – скала);

Гимикк – на годекане (гим – годекан);

Маздикахъ – возле мечети, за мечетью (маздик – мечеть);

Сирак – под сиром, ниже сира (сир – носилки для переноски покойника на кладбище);

ХIешахъ – за туалетом, после туалета (хIеш – туалет);

Гъангак – улица на входе в село (происхождение слова гъангакъ спорно). Возможно, по-кушански означает «под камнем».

Село расположено на берегу речки и отличалось обилием водяных мельниц. Мельницы в основном носили в названии информацию о владельце – строителе или тухуме, которому она принадлежала. Так, семь мельниц в селе назывались:

Баланан рахI – мельница Балана (рахI – мельница);

Какаярин рахI – мельница в районе, где ныне стоит ферма;

Кутайрин рахI – (впоследствии Тпайибан рахI) напротив села;

Сирак рахI – (принадлежала роду Кыдивур) в названии указано местоположение мельницы – сирак;

Дилика рахI – (Кбурахтаяр) местоположение – дилика;

Пирдихъ рахI – (рода Кыдивур) местоположение – пир-дихъ;

Ацдируха рахI – (Баланан) местоположение – Ацдирух.

Информацию о владельце носили и зимние кошары, которых в Кураге было множество. В некоторых случаях прилегающая местность получала название по имени владельца кошары, например, Кыбачин мехъ, Бажайин мехъ, Сулаярин мехъ и т. д. Часто кошары, находящиеся в местности с уже определенным топонимическим названием, носили в своем названии только информацию о владельце, например, Фелхлетан мехъ в местности Арал или Юрабан мехъ в местности ЯрарикI.

Названия многих кошар «мехъ» стали топонимами. Видимо, эти кошары имели общественное значение и в своем названии не носили информацию о владельце, поэтому изначально в названии лежала информация о местности, к примеру, Цула мехъ, Дамук мехъ или же Хулу мехъ и т. д.

Названия некоторых местностей связаны с именами людей, с которыми что-либо случилось в этой местности, к примеру, «Мехлей арху килар» (место, где Мехлей сорвался со скалы), «Аминай уху дагъар» (скала, где застряла Аминай), «Мегъемадэлин ишан» (знак в память Магомедали), «Тпалфал кIи хIан» (двор, где убили вора), «Бизай арху дагъар» (скала, с которой свалился Бизай) и т. д.

С трех сторон село окружено речушками. С этим связаны гидронимы «рух» – речка. С западной части села «ГварагI»; «гвар» – кувшин, с которым ходят за водой. С восточной части села река Ацдирух; «ацIи» – по-кушански маленький (мелкий), «рух» – речка (мелкая речка).

Водные источники, родники, как правило, у курагцев привязываются к названию местности с добавлением «кьулла» или «булах» – родник. Только в одном случае топоним «чирлэ хьед» (свежая вода, можно понимать и как вкусная, без плохого запаха вода) образован из гидронима. По названию указанного водного источника называется прилегающая местность.

В основе происхождения гидронима «черчи рух», видимо, лежит звукоподражание течению небольшой речушки. Легко прослеживается лексическое значение гидронима «Хьibu хьетар» (букв. три воды) – место, где сливаются воды трех источников.

Остальные гидронимы в основном связаны с топонимами, к примеру, Дамук рух, Буруша рух, Ахлагь рух, Кьebarигl рух, Кьемклигl рух и т. д.

Происхождение значительного числа топонимов связано с ландшафтом местности. Ландшафт Курага представляет собой глубокие ущелья и скалистые обрывы. Северные склоны ущелий, на которые всю зиму не попадают лучи солнца, называются «дам». Дам привязывается к основной части топонима и получается «Лaxланак дам» (лaxлан, видимо, от «Гьалахун» – гора Алахун – ледник), «Хлуяндин дам», «Дулуркларикъ дам», «Дамук» и т. д.

Скалистые южные склоны с редкой растительностью образуют топонимы с добавлением к основной части топонима слова «parl», к примеру, «Уздин parl», «Нитларикl parl», «Мисси parl».

Небольшие горные продолговатые поляны в сильно пересеченной местности образуют топонимы с добавлением «тул», к примеру, «Магържлитулар» (магърж – можжевельник) – можжевельниковые поляны. «Кимартула» (ким – капкан, ловушка) – капканная поляна. На эту поляну выходит единственная тропа из «Лaxланак дам». Видимо, на этом выходе кто-то ставил ловушки на зверя. Отсюда название поляны.

Интересно происхождение топонимов «Сенгерахъ» и «ХандакӀихъ». Для выяснения этимологии этих топонимов обратимся к словарю²⁴.

Сенгер – окоп, укрепление, вал, баррикада.

ХандакӀ – ров, яма, траншея, окоп, глубокая канава.

Теперь поразмышляем над тем, где находятся местности с такими топонимическими названиями.

ХандакӀихъ – название плато на водораздельном хребте между Кьушандере и Агьулдере.

Сенгерахъ – тоже плато на водораздельном хребте (граница агулов и табасаранцев). Указанные топонимы представляют собой естественные укрепления, и тем не менее в основе их вряд ли лежит военный или оборонительный смысл. Предпочтительнее кажется идея о происхождении топонимов из естественной функции водораздела указанных местностей. Так и получается, если предположить, что прилегающие ущелья (дере) – каналы, а водоразделы – высокие края канав.

Названия горных вершин обозначаются добавлением к основной части топонима «кӀил» (по-агульски голова). К примеру, «Гьарай акья кӀил» (вершина, с которой зовут на помощь). Эта вершина хорошо видна из села. В случае какой-либо опасности на этой горе разводили огонь или стреляли, передавая тревогу в село.

«Хулан кӀил» – вершина, господствующая над местностью Хулак. Хулак не переводится на агульский язык. Имеется однокоренное слово-топоним «Хулу». К агульскому слову «хуьл» (море) вряд ли эти слова имеют отношение.

Хул, возможно, кушанский вариант слова «хул» – место, где на влажных скалах возникают наросты квасцов (жагвар загъ). Раньше квасцы добывали и как деликатес для вкуса, и как добавку для крашения шерсти в белый цвет.

²⁴ Рамазанов М. Р. Указ. соч. С. 513, 599.

«Балванан кил» – скальный выступ в середине пути на перевал в местности Лахланак дам. В основе этого топонима могут лежать или тюркское «палван» – богатырь, или же персидское «балван» – большой, бестолковый, бесполезный. Мы склоняемся к персидской версии топонима. Толку от громадной скалы вулканического образования никакого, а большой крюк, чтобы обойти его, приходится делать.

«Арцанан кил» – «самая высокая точка на территории Курага. Она господствует над всеми окрестными горами. Происхождение топонима непонятно. Тайну этого топонима, возможно, тоже надо искать в кушанском диалекте.

С двумя вершинами: Арцанан кил и Хлулу кил – связано происхождение другого топонима – «Арал». Обратимся к словарю. Аралугь – срединное пространство; среднее состояние²⁵. Местность с топонимическим названием «Арал» находится посередине двух вершин: Арцанан кил и Хлулу кил. Отроги этих вершин смыкаются в местности Арал. Отсюда происхождение топонима.

Топонимика села Кураг изучена плохо. В основе многих топонимов лежат заимствования из персидского, арабского, тюркского и других языков, что вызывает затруднения при определении их происхождения. Дальнейшие исследования могут приподнять завесу над многими тайнами топонимов.

²⁵ Рамазанов М. Р. Указ. соч. С. 111.

Устное народное творчество

Устное народное творчество – кладезь мыслей, чувств, народных стремлений и верований. В устном народном творчестве отражена многовековая история духовного развития народа.

Курагцы, как и жители других сел, на протяжении всей своей истории создавали произведения фольклора; сказки, исторические предания, легенды, обрядовые песни, пословицы, поговорки, анекдоты и т. д. Язык курагцев отличается краткостью и образностью. Село во все времена славилось своими острословами. Существует агульская поговорка: «Мал гулу шуй Чаъди ях – члал гулу шуй Курегъди» (Потерял скотину – ищи в Рича, потерял слово – ищи в Кураге). Возможно, это потому, что в Кураге вначале было четыре говора агульской речи.

Устные рассказы и анекдоты курагцев составляют циклы вокруг имени популярного вымышленного лица – Моллы Насредина.

Героями анекдотов курагцев могут быть и конкретные уроженцы села. Юмор курагцев, как правило, добрый, основанный на буквальном понимании сказанного. В связи с этим они любят много шутить. К примеру, жил в селе некий Ате Базай. Был он беден. У него была старая кобыла и треснутая зурна, подаренная зурначом Шабаном из соседнего села. Ате Базай славился своим веселым нравом. В один день пала его старая кобыла. Сельчане тут же придумали эпитафию по этому поводу: «Ате Базин хвар клина, хурурин девран хъуне» (букв. падеж кобылы Ате Базая стал праздником для собак). Ате Базай тоже смеялся над остроумной шуткой сельчан.

Через некоторое время умер и сам Ате Базай. Какой-то сельский острослов добавил к шутке: «Ате Базай уч клина, Ажайрис девлет хьуне» (Ате Базай сам умер, богатства его достались Ажаям). Все знали, что никаких богатств у Ате Базая не было. Ажаяр тоже смеялись над шуткой о своем со-родиче.

Шутка бытует до наших дней и в полной версии звучит так:
Ате Базин хвар клина, хурурин девран хьуне.
Ате Базай уч клина, Ажайрис девлет хьуне.

Значительное место в фольклоре курагцев занимают исторические предания. Героями этих преданий были героические защитники родной земли. Существуют предания о шаххарманах Надир-шаха. Большой пласт в народном творчестве курагцев составляют легенды и были о набегах и разбоях. Кража скота, разбой в старые времена считались занятиями, достойными джигитов, и в какой-то мере одобрялись в общественном мнении.

Особенной любовью народа пользовались горские сказки. Героями этих сказок являлись искатели правды и добра, сражающиеся с кровожадными и злыми «аждаха».

До нас дошло множество сказок о животных. В этих сказках героями являются хитрая лиса и злой волк. Вот одна из них.

Лиса и волк

Рыская в окрестностях села, лиса обнаружила большой шматок курдюка, который валялся на раскиданной золе. Долго ходила лиса вокруг курдюка. Плутовка решила, что здесь что-то не так. Не будет просто лежать курдюк на золе. Решив так, она не стала приближаться к курдюку и устроилась неподалеку.

Вдруг появился голодный волк. Лиса ему:

– Слушай, волк, ты, наверное, кушать хочешь?

– А что, ты можешь меня накормить?

И тут лиса показывает волку курдюк. Зная повадки плутовки лисы, волк спрашивает:

– А что ты его сама не съела, рыжая?

Лиса в ответ:

– Я уразу держу, как я его съем?

Поверив лисе, волк решил полакомиться курдюком. Только двинулся к курдюку, на волчьей ноге захлопнулся капкан. Лиса спокойно подобрала курдюк и устроилась его поесть.

Злой волк зарычал:

– Ты же уразу держишь, рыжая!

Лиса ему в ответ:

– Так посмотри в небо, дурак, звезда ведь уже вышла, и уразу мне можно отпустить.

В фольклорной традиции курагцев особое место занимают мифологические сюжеты. Это сказки о Цџабаба (Албести) (образ уродливой женщины с длинными волосами, которая обитала по берегам рек или у родников). Цџабаба забирала внутренности у женщины-роженицы и новорожденного. Другой персонаж курагской мифологии – Кафтар-къари.

Удивительно богат и разнообразен мир сказок детского цикла. Две из них приведем.

Чџидай

– Эй, Чџидай, нанди гџвай?

– Дара гџвай.

– Дара фикъас?

– Клулар атлас.

– Клулари фикъай?

– Мугл акълай.

– Муглуйи фикъай?

– Хлед агъличай.

– Хлети фикъай?

– Ёуькер гџвай.

- Ёуькери фикьбай?
- Ёате цехлела ъуьтай.
- Цехлела фикьбай?
- Мудур хурай.
- Мудури фикьбай?
- Ханар, шахарис рукай.
- Рукуна фикьбай?
- Ёуьтлай.
- Ёуьтуна фикьбай?
- Хлэша гъвай.
- Хлэша ушуна фикьбай?
- Хуйи ихьбай.
- Хуйи ихьуна фикьбай?
- Къвегленѝ ъуьтлай.
- Ёувтуна фикьбай?
- Пар акьуна гьѝшай.

Къерекъелдинна сулан хлекаят

Къерекъелди акьуна а къири верхлегѝ муг. Ататуна а хьѝбу чаркв. Хабар хьуна а ме клардикас сулас. Адина даракди, сула пуна а:

– Эй, къерекъел-къертазанай, руж хьамиди кертазанай, адайхьачин са чаркв адайхь, давачин атлуна ме дарра, ъуьтуна вуна ве чарквара зунна глесе.

Адайхьуна а къерекъелди са чаркв. ъувтуна гьеге чарквара, ушуна а сул. Къавакь ягъуй хавѝ адина пуна а сула:

– Эй, къерекъел-къертазанай, руж къамиди кертазанай, адайхьачин са, чаркв адайхь, давачин атлуна ме дарра, ъуьтуна вуна ве чарквара зунна глесе.

Адайхьуна а къерекъелди са чаркв сара. Къерекъелдис ахлар хьуна а къавакь ягъуй хав адина аме чарквара тин агъ-аф. Ёгвал хьуна учин аме чаркв, ѝшай икьуна а ме. Адина а къвегленай.

– Фас лэшай вун, кьерекекъл, – пуна а кьвегленни, – Фи дард кея влак?

– Ю чаркв адайхлуна а зун сулас. Багагъ амефра адайхъ агъ-ай адиси, давачин атлуна ме дарра, луьтуна зунна зе чарквара глвасе агъай уч.

– Адайхъайдава, вафас глвареф акъе, – уп пуна а кьерекекъл-дис кьвегленни. Са ягъалас адина сула пуна а:

– Эй, кьерекекъл-кьертазанай, руж къамиди кертазанай, адайхълачин са чаркв адайхъ, давачин атлуна ме дарра, луьтуна вуна ве чарквара глвасе зун.

– Адайхълайдава, вафас глвареф акъи, – пуна а кьерекекълди.

– Гъана и вас левур пас ахлар акъуф? – пуна а сула.

– Абава, – пуна а кьерекекълди.

– Яваш, ве диван зун акъаси, – пуна а сула.

Къавахъ ягъа кли тлулар акъуна гъархуна а сул рукъверил. Адина а кьвегленай. Агуна а мис клина ае сул. Кан хлуна а кьвегленни сул луьтлас. Гъачушуна а ме сул клина ачукъас. Къачлирхъина силевара клина ая. Са калкам ярхлуна а ми сулас. Алчишина сула фацуна а кьвегленай.

– Фи канчира закас акъе, – пуна а кьвегленни, канчин сага-лай пуна луьте, гъеге кьири дагъаралас амихъа зун.

– Ижи фачархлуна а вун заф, кьвегленай, – пуна а сула. – Ве дарман зун акъасе. Пуна гишти, ушуна а ме кьири дагъаралди. Кьвегленай лэшай хлуна а.

– Дагъаралас фаматихъа сара зун, сул лемай, – агъай.

Адина кьири дагъаралди, къачукуна сула фатихуна а кьвегленай дагъаралас. Сулафас фатархъуф, фур-фур акъуна гъишина ушуна а кьвегленай. Ушуна икъуна а ме кьири верхъуьг.

– Яваш, кьвегленай, мегалай зун ве клар акъасе, – пуна а сула.

Са ягъалас хав кли тлулар акъуна а сула. Адина а кьвегленай. Луьтас канн хуна а кьвегленни сул. Са къацл иклуф, хав фацуна а ме сула.

– Гьал ве диван, кьвегленай, зун акъасе, – пуна а сула.

– Вас миннат хьурай, сул лемай, – пуна а кьвегъени, –
фи канчира акъе, амма Сулейманададан тартавуригъ зун
гламихъа.

– Мегалай ижи фачархъуна а вун заф, душман.

Файшуна а сула кьвегленай люра тартавурис кихъас. IY га-
лай къив-къив акъуна хабар акъуна а сула тартавурис. Учигъ-
ди тартавур рукаегуна фататуна а ми кьвегленай.

Къвэгленай фурр акъуна гъишина ушуна а. Тартавури фацу-
на чиркъуна а сул. Къегленай ушуна икъуна а кьири верхъел.

В несколько другой интерпретации эти сказки бытуют и в
других агульских селах.

Совершенно самостоятельным жанром фольклора явля-
ются песни-плачи. Песни-плачи представляют собой неиз-
ученный пласт фольклора. Они разделяются на циклы: плачи
матери, потерявшей сына; плачи сестры, потерявшей брата;
жены, потерявшей мужа; и т. д.

Вот некоторые из них.

1) Хири иклуна ухлуф,
Йиркв алди зун влун ухлуф.
Вун дюяйилас ушуна,
Зун фикъас икъвай миса?

2) Ай, гъарай чуй чичин!
Къзамиш акьутар лугласра дахьуф,
Ай, гъарай чуй чичин!
Цее канара дургъас ра дахьуф,
Ай, гъарай чуй чичин!
Сувари амегъан вун?
Ай, гъарай чуй чичин!
Галари амегъан, вун?
Ай, гъарай чуй, чичин!

Самостоятельным разделом фольклора могут быть представлены колыбельные песни.

Колыбельная песня мальчику

Усакк тлвларин лэшукъ, зе дарман,
Ла илагъа илла ллагъ!
Гъава ларзарин пишикл, зе дарман,
Ла илагъа илла ллагъ!

Колыбельная девочке

Шам дараярис дуьхьуьф, зе бика,
Ла илагъа илла ллагъ!
Шагъри клеварис дуьхьуьф, зе бика,
Ла илагъа илла ллагъ!

Зубайдат Яхьяева

Зубайдат Алихановна Яхьяева родилась 21 августа 1958 г. в с. Худиг. В 1976 г. окончила Курагскую среднюю школу. Стихи начала писать в зрелом возрасте. Родила и вырастила 4 сыновей и 4 дочерей. Имеет 20 внуков. В молодости было не до поэзии. Многие ее стихи переложены на песни.

Молодые исполнители, пользуясь тем, что она нигде не публиковалась, претендуют на авторство ее слов.

Зе хлур – Курегъ!

Йиркв ачухъди лъумур ирай
Зе бици хлурин халкъарис!

Курегъарин бици хлур,
Вун Аллагъди ухлурай.
Пашмал ягъар Аллагъди
Ве уларис дагурай.

Бици хлурин халкъарил
Аллагъдин нур угъурай.
Аллагъдин рехлматикас
Чун мусра кам дакъурай.

Зе бици хлурин халкъар,
Ахла йирквар аетар.
Бараклат, нутхувбат чве
Хилиас кам дакъурай.

Бици хлурин инсанар
Жала бахтлувур хъурай.
Аллагъди пашмал ягъар
Чве киларил дайирай.

Милат!

Агъул милат пара хъурай
Чве ужагъил нур угъурай.
Че агъуларин халкъарис
Девлет, хуълмат пара хъурай.

Агъул милатин лешкъуни
Чин мегнивур чвас акъая.
Зе йиркларас ширин милат,
Вал Аллагъди нур угъурай.

Шадгвалди чвас луьмур ирай,
Гъар са кастис зе милатин.
Че агъуларин веледар,
Чун Аллагъди пара хъурай.

Агъуларин гъава сувар
Баракатди амехъурай.
Че агъуларин инсанар,
Чун жала бахтлувур хъурай.

Ахмед Курбанов

Ахмед Мукайлович Курбанов родился в с. Кураг 9 декабря 1940 г. в семье бухгалтера. Отец не вернулся с войны. После окончания Тпигской средней школы Ахмед работал шофером в г. Махачкале. С 1961 по 1964 гг. служил в рядах Советской Армии. В 1965 г. поступил на филологический факультет ДГУ. С 1967 г. начал работать в средней школе с. Кураг.

В 1973 г. переехал жить в с. Авадан Ахтынского (ныне Докузпаринского) района. Проработал более 25 лет в Аваданской средней школе учителем русского языка и литературы. Умер 6 февраля 2002 г. За добросовестный педагогический труд был награжден множеством почетных грамот, удостоен звания «Отличник народного просвещения РСФСР».

С молодых лет писал стихи и прозу. Стихи создавал на русском, агульском и лезгинском языках, читал их своим друзьям, коллегам, детям, но в силу своего скромного характера ничего при жизни не издал, за исключением нескольких стихотворений, опубликованных в местных газетах.

Предлагаемые вниманию читателей стихи Ахмеда Курбанова подготовлены к публикации профессором Ш. А. Мазановым в своем сборнике «Агульская литература»²⁶.

²⁶ Мазанов Ш. А. Агульская литература. – Махачкала, 2008. С. 135.

Батларгвалдин къадар кканду?

Ухьытти учин ранг ине вас,
Рагьу учин нур ине вас,
Гудура йуруш ине вас,
Батларгвалдин къадар кканду?

ЙиркӀв гъван дава гранитин;
Я «у» я «ваъ» – са жуваб тин.
луьмур хьуне пара четин –
Батларгвалдин къадар кканду?

Рекъ къат акъай зун вахъ хьйшай
Зун цла дава – вун фас гьйшай?
Хъандава захъ я кар – пиша –
Батларгвалдин къадар кканду?

Зас ахӀлае вас зун кканеф:
Жагвартикас маркла клареф.
Жигьилгвал хав дава гвареф –
Батларгвалдин къадар кканду?

* * *

Перепутье, перепутье,
То ли замкнутый круг.
Ты бы, боже, в этой смуте
Хоть иногда мне помог.

На людей надежды мало;
В очередной суете
За буханкой – не за маслом –
Жизнь проходит в маете.

Перепутье, перепутье...
Только б выбрать путь в срок.
Ну, а кто же перепутал
Надписи у тех дорог?

* * *

Буйствует рябина за Курагом,
Утонул в тумане красном лес.
И я молод! Может, стал я магом?
Будто не было тех бурных лет.

Осень, осень – чудо, чародейка,
Что со мной творишь ты иногда?
Воскрешаешь, словно лицедейка,
Что забыть бы надо навсегда.

И тогда так полыхала осень,
Так же у тропы березок строй,
Только нет той, чьи тугие косы
Родниковою пахли водой.

Она ко мне шагнула словно к богу,
Грани все в условностях стерев,
...И смотрел кузнечик на нас сбоку,
Ножками головку подперев.

О, юность – миг – казалась веком прежде,
Но ты промелькнула, точно тень.
О, если б я мог родиться трижды,
Трижды повторился бы тот день.

Счастьем бесконечным полон миг,
Стоит ли память листать?
Поэтому, может, как паломник,
Обхожу я святые места.

Курагцы – участники Великой Отечественной войны

1. Алиев Байран. Призван Хивским РВК в 1941 г. Рядовой. Умер в 1989 г. Похоронен в г. Дербенте.

2. Арабов Гасан, 1922 г. р. Призван Хивским РВК 10 марта 1940 г. Рядовой. Пропал без вести в октябре 1942 г.

3. Багиев Али, 1920 г.р. Призван Хивским РВК 21 января 1942 г. Рядовой. Пропал без вести в октябре 1942 г.

4. Байрамов Рамазан, 1917 г. р. Призван Хивским РВК 12 октября 1939 г. Рядовой. Пропал без вести в сентябре 1941 г.

5. Байрамов Магомед. Призван Хивским РВК в 1941 г. Рядовой. Умер в 1991 г. Похоронен в с. Кураг.

6. Байрамов Шихали, 1920 г. р. Призван Хивским РВК 1 января 1942 г. Сержант 163-го гв. сп. 54-й гв. сд. Погиб 13 февраля 1945 г. Похоронен в Восточной Пруссии в с. Барслак.

7. Гандаев Вагид, 1911 г. р. Призван Хивским РВК 18 января 1942 г. Рядовой 44-го сп. 42-й сд. Погиб 14 сентября 1943 г. Похоронен в Смоленской области, Ельнинский район, д. Волково (Егоровка).

8. Гандаев Магомед, 1920 г. р. Призван Хивским РВК. Рядовой. Умер. Похоронен в с. Авадан, Докузпаринский район РД.

9. Гандаев Курбан. Погиб на фронте.

10. Давудов Магомед, 1908 г. р. Призван Хивским РВК в 1942 г. Награжден двумя орденами Славы, Красной Звезды и двумя медалями. Участник штурма Берлина. Умер в 1987 г. Похоронен в с. Кураг.

11. Даргаев Дарга, 1926 г. р. Призван Хивским РВК в 1943 г. Награжден орденом Славы III степени, медалями «За взятие Праги», «За взятие Берлина». Трагически погиб в 1957 г. Похоронен в с. Кураг.

12. Джамалов Рамазан. Погиб на фронте.

13. Ибрагимов Гашим, 1906 г. р. Призван Хивским РВК 21 января 1942 г. Рядовой. Пропал без вести в ноябре 1943 г.

14. Исаев Гусейхан Исаевич, 1917 г. р. Призван Хивским РВК в 1941 г. Рядовой. Умер в 1975 г. Похоронен в г. Дербенте.

15. Казиев Гаджи. Призван Хивским РВК. Рядовой. Пропал без вести в сентябре 1941 г.

16. Керимов Абубесер, 1907 г. р. Призван Хивским РВК 16 марта 1942 г. Рядовой. Умер от ран 23 августа 1942 г.

17. Кубутаев Омар. Призван Хивским РВК 17 марта 1942 г. Рядовой. Пропал без вести в октябре 1943 г.

18. Курбанов Муса, 1905 г. р. Призван Хивским РВК в 1942 г. Рядовой. Умер в 1977 г. Похоронен в с. Кураг.

19. Курбанов Зулкаид, 1910 г. р. Призван Хивским РВК 23 марта 1942 г. Рядовой. Пропал без вести в марте 1943 г.

20. Курбанов Зухраб, 1918 г. р. Призван Хивским РВК 10 октября 1940 г. Рядовой. Пропал без вести 10 октября 1942 г.

21. Курбанов Мукаил 1911 г. р. Призван Хивским РВК 20 марта 1942 г. Рядовой. Пропал без вести 14 ноября 1943 г.

22. Курбанов Саид, 1912 г. р. Призван Хивским РВК 23 марта 1942 г. Рядовой. Пропал без вести 15 октября 1943 г.

23. Курбанов Саид Таибович, 1914 г. р. Призван Хивским РВК. Рядовой 227-й сп. 183-й сд. Погиб 16 августа 1943 г. Похоронен в Харьковской области, Дергачевский район, д. Литвиново.

24. Курбанов Раджаб. Умер. в 1989 г. Похоронен в с. Авадан, Докузпаринский район РД.

25. Магомедов Будаи, 1903 г. р. Призван Хивским РВК 21 января 1942 г. Рядовой. Пропал без вести в апреле 1943 г.

26. Магомедов Курбан, 1908 г. р. Призван Хивским РВК. Рядовой. Участник обороны Кавказа. Награжден орденом Славы III степени, медалями «За оборону Кавказа», «За Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Умер в 1980 г. Похоронен в с. Авадан, Докузпаринский район РД.

27. Маллаев Магай, 1920 г. р. Призван Хивским РВК в 1940 г. Рядовой. Умер в 1990 г. Похоронен в с. Кураг.

28. Махмудов Ибичай, 1918 г. р. Призван Хивским РВК 16 апреля 1941 г. Рядовой. Пропал без вести в октябре 1942 г.

29. Омаров Шабан, 1910 г. р. Призван Хивским РВК. Рядовой. Пропал без вести в мае 1942 г.

30. Рамазанов Базукай, 1920 г. р. Призван Хивским РВК 10 октября 1941 г. Рядовой. Пропал без вести в мае 1942 г.

31. Рамазанов Иса, 1912 г. р. Призван Хивским РВК 25 июля 1941 г. Рядовой. Пропал без вести в октябре 1942 г.

32. Талибов Магомед, 1903 г. р. Призван Хивским РВК 27 июля 1941 г. Рядовой. Пропал без вести в ноябре 1941 г.

33. Умаров Шабан, 1912 г. р. Призван Хивским РВК 7 июля 1941 г. Рядовой. Пропал без вести в сентябре 1942 г.

34. Хададов Курбан. Призван Хивским РВК. Умер в 1976 г. Похоронен в с. Авадан, Докузпаринский район РД.

35. Юсуфов Курбан. Погиб на фронте.

Рассказы о курагцах

Обезвредить диверсанта

Невеселый возвращался из районного центра Бажа, председатель Курагского сельского Совета, вызванный на совещание в райисполком. Он не любил эти совещания и ничего хорошего от них не ожидал. Как он и думал, разговор шел о выполнении планов по заготовкам. Его ответы не удовлетворили председателя райисполкома. Он упрекнул его в том, что плохо работает с председателями колхозов, а их в его сельсовете было целых четыре.

И вот сейчас, сидя в седле, он думал, кто же из председателей пожаловался на него. Но не это его сейчас тревожило. Из головы не выходило сказанное начальником районного НКВД. Он говорил, что на территории района возможно появление вражеских диверсантов.

Бажа не понял и спросил: «А кто это диверсанты?» Начальник НКВД – молодой капитан – недовольно посмотрел на него, поправил кобуру на ремне и пояснил: «Диверсант – это вражеский шпион, заброшенный к нам в тыл с диверсионным заданием». Далее, он подробно инструктировал участников совещания о том, как их выявлять и какие у них могут быть цели. Он потребовал, чтобы председатели сельсоветов собрали в селах активистов и объяснили им задачи по повышению бдительности.

Свое выступление он закончил словами: «Ваша задача, товарищи председатели сельских Советов, – своевременно сообщать в райотдел НКВД обо всех подозрительных людях,

а по мере возможности и обезвреживать их» – и посмотрел прямо в глаза Баже.

Вот этот взгляд и не выходил у него из головы. Шел второй год войны. В селах не было мужчин. Одни старики, женщины да дети. А с кем диверсантов обезвреживать? Такие грустные мысли одолевали председателя.

Тем временем конь, учуяв близость домов, ускорил шаг. На окраине села он бодро соскочил с седла, заправил под ремень гимнастерку, недовольным взглядом посмотрел на пыльные сапоги, забыл их вычистить за селом. Человек он был опрятный и не любил неряшливость, и повел коня в поводу, неприлично на коне проезжать по селу, хотя его дом находился на другом конце села.

У своих ворот он увидел коня и сразу узнал его. Это конь его друга председателя колхоза села Буршаг Абдулкерима Музаева. Что же его привело, подумал Бажа.

Коня своего во двор он не стал заводить, а привязал его у ворот. Во дворе его встретила жена – голубоглазая красавица Ашура. Она улыбнулась, довольная возвращением мужа, и на его немой вопрос ответила:

– Абдулкерим прислал мальчика, он тебя ждет.

– Ты накормила гостя?

– Да, он поел.

Бажа расстегнул глухой ворот гимнастерки, снял ремень с тяжелым наганом и повесил на плечо жене и улыбнулся ей, затем засучил мускулистые волосатые руки, похлопал ими по накладным карманам гимнастерки и, широко расставив ноги, подставил руки под струю, которая лилась из кумгана. Умывшись, поднялся на веранду, снял сапоги и вошел в кунацкую. Ему навстречу поднялся мальчик лет двенадцати. Совсем еще ребенок, подумал Бажа. А мальчик, между тем, почтительно ответил на его приветствие и, волнуясь, начал:

– Меня к вам отправил дядя Абдулкерим, – и запнулся, увидев входящую Ашуру.

Бажа повернулся к дверям и рукой дал жене понять, чтобы она вышла. Та тихо притворила дверь и удалилась. Довольный догадливостью мальчика, Бажа взял его за плечо, усадил на тахту и сказал: «А ты, оказывается, догадливый мальчик и незачем женщинам знать о наших мужских делах. Ну что случилось у Абдулкерима?»

«Дядя Абдулкерим велел передать вам, что вчера ночью недалеко от нашего села был сброшен с самолета на шаре мешок, а в этом мешке оружие и другие вещи».

Бажа встал с тахты, заложил руки за спину и задумчиво походил по кунацкой. «А вот тебе и обезвредить диверсанта», – вспомнил он почему-то пристальный взгляд начальника НКВД.

Мальчик передал, что ни шара, ни мешка он сам не видел, а передал то, что ему велел дядя Абдулкерим. Сообщив это, он уставился на Бажа большими черными глазами и ждал указаний. В голове у председателя вертелись сотни мыслей. Главное, он сразу понял, что шар – это парашют, а мешок, соответственно, контейнер. Ему не давало покоя, что за вещи там еще были. Он не сомневался в том, что контейнер ночью сброшен с немецкого самолета. Вопрос: для кого он предназначен? Неужели кто-то из местных связан с немецкой разведкой? Нет, этого не может быть. Людей в Буршаге и во всем Кушандере он знал хорошо. Он понимал, что если контейнер предназначался для кого-то из местных жителей, то вряд ли об этом узнали бы посторонние. Значит, твердо решил он, перед выбросом контейнера был заброс диверсанта.

Придя к такому выводу, он успокоился и повернулся к мальчику. Тот встал с тахты и сделал шаг в сторону Бажи, понимая, что сейчас он получит дальнейшие указания. Бажа взял мальчика за худенькое плечо и тихо спросил: «Ну, дружок, сможешь ли ты засветло доехать до Буршага?» Мальчик утвердительно кивнул и ответил: «Еще время есть, а конь у

дяди Абдулкерима лучший в нашем селе». «Да, конь у него действительно хороший», – подтвердил Бажа.

Они спустились во двор. Бажа сам отвязал хваленого Абдулкеримовского коня и повел его в поводу до кладбища. Дом Бажи стоит рядом с кладбищем. Здесь он остановился и вдруг вспомнил, что не спросил у мальчика, чей он сын. На его вопрос мальчик ответил, что отца зовут Магомед, он на фронте и давно не пишет писем. Бажа успокоил мальчика, что, наверное, некогда ему, трудно сейчас на фронте, еще напишет. С этими словами он накинул уздечку и, держа стремя, помог мальчику сесть в седло. Конь, учуяв дорогу, начал нетерпеливо переступать с ноги на ногу. «Ну, джигит», – сказал Бажа и протянул мальчику руку. Тот пожал ее своей худой ручонкой и вопросительно посмотрел на старшего. Бажа посмотрел в глаза мальчика и улыбнулся, чтобы подбодрить подростка и сказал: «Передай Абулкериму, чтобы найденные вещи поставил под надежную охрану, а я приеду рано утром». С этими словами он хлопнул коня по холке и сказал: «Ну, скачи, джигит!» Конь быстрым шагом двинулся по узкой дороге через кладбище.

Вернувшись к дому, Бажа завел своего коня во двор, расседлал его, завел под навес. Подойдя к стогу недавно высушенного сена, он набрал на вилы большую охапку приятно пахнущего сена и положил коню. На недовольный взгляд Ашуры, подумавшей рано расходувать сено, он с усмешкой бросил: «Ничего, не обеднеешь». Затем он подошел к Ашуре сидевшей на ступенях лестницы с годовалой дочкой на руках. Дочка, увидев отца, начала тянуться к нему, требуя взять ее на руки. Бажа взял малышку и несколько раз подбросил ее, радуясь раскатистому детскому смеху. Прижав ребенка к груди, он сел рядом с женой и подумал, как мало я бываю с детьми, и тут же успокоил себя – вот управлюсь с делами и буду уделять им больше внимания...

В открытых дверях сельсовета на свернутом тулупе сидел старик, дежуривший у телефона. Уже полгода, как в сельсовете был установлен телефон, и жители села по очереди дежурили у этого телефона.

Увидев председателя, старик, кряхтя, поднялся и убрал тулуп, пропуская председателя внутрь. На приветствие Бажи он ответил вялым кивком и продолжал ворчать, выражая свое отношение к проклятому телефону, который не дает людям спокойно жить. И разразился целой тирадой, называя его изобретением шайтана, и почему мол он, уважаемый аксакал, должен целый день сидеть и глядеть на этот чертов аппарат. Жили ведь, и не нужно было охранять этот шайтанский тилифун.

Не вступая в дискуссию со стариком, Бажа решительно шагнул к телефону и начал крутить ручку вызова, но телефон молчал. Через минуту он повторил попытку, но опять безуспешно.

Со злостью хлопнув трубкой, он отошел от телефона. Вступить в разговор со стариком он не был намерен, заранее зная, что он закончится жалобами на то, что у старика отняли лучший луг под строительство школы. А школу, единственную в ущелье семилетку, Бажа любил и гордился ею, но вот сожалел, что учиться в ней ему не пришлось. Радовало лишь то, что сыновья ходят в школу.

Подойдя к старику, тоном, не терпящим возражений, он сказал: «Вот что, дядя Базай, как только заработает этот шайтанский тилифун, бегом идешь и сообщаем мне».

Из конторы сельсовета, которая находилась рядом с годеканом, он вышел и увидел только несколько стариков. Обычно в вечернее время здесь собирались мужчины со всего села и вели оживленные беседы. А теперь вот несколько стариков. Война, в селении тихо. Бажа подошел к старикам, вежливо поздоровался с каждым из них за руку. На вопрос о том, что слышно с фронта, ответил, что война подошла близко,

хорошего мало. Не останавливаясь, двинулся в сторону дома. Домой он не зашел, а направился в сторону старика Дауда, который жил неподалеку. Войдя во двор, крикнул: «Дядя Дауд!»

Из дома раздался недовольный голос старика:

– Что кричишь, заходи.

– Заходить некогда, выйди, надо поговорить.

На днях ушел на фронт единственный сын Дауда Магомед, поэтому старик в последние дни мало появлялся на людях. На Бажу он был зол за то, что тот настоял на кандидатуре Дауда на должность председателя ревизионной комиссии колхоза.

Наконец в дверях появилась высокая фигура старика. Прихрамывая и опираясь на толстую палку, он вышел во двор. Бажа пожал его большую жилистую руку и спросил:

– Что, дядя Дауд, все злишься?

– Злишься не злишься... Чего пришел во двор, домой не заходишь?

– Домой заходить времени нет, пришел к тебе по делу.

– Ну, говори тогда, зачем пришел.

– Дядя Дауд, я утром рано должен поехать в Буршаг, а ты с утра пораньше сходи в контору и позвони оттуда в районное НКВД начальнику и скажи ему, что Бажа просил передать, что он получил информацию о том, что в Буршаге с самолета сброшен контейнер, что сам уехал в Буршаг и просил вам это передать, он думает, что там диверсанты.

– Вах! – удивился старик. – А кто это – диверсанты?

– Диверсанты, дядя, – вражеские шпионы.

– А почему сам это ему не скажешь?

– Да вот телефон не работает, впрочем, если не будет связи и утром, отправишь на коне кого-нибудь из ребят пошустрее в райцентр. Да смотри никому о том, что я тебе сказал, не говори. – С этими словами Бажа вытащил из накладного кармана гимнастерки записную книжку, вырвал из нее листок, сел на корточки и химическим карандашом вывел на листке:

«В Буршаге найден контейнер с оружием и другими вещами. Какие вещи, не знаю. Я выехал в Буршаг. Возможно, диверсанты. Бажа»

Он свернул записку вчетверо, написал сверху: «Начальнику НКВД» – и передал старику.

Прощаясь со стариком, он еще раз спросил у него: «Ты все понял?» Старик ответил, все понял, сделаю все как надо.

Вернувшись домой, Бажа подкинул коню сена, поднялся на веранду, сидя на табуретке снял сапоги и с удовольствием опустил уставшие ноги в тазик с холодной водой. Привыкнув к холодной воде, он опять начал думать о деле. Из головы не выходило назойливое выражение «обезвредить диверсанта».

Довольно долго он сидел в таком положении и напряженно думал. А думы были такие: «Сколько же их – диверсантов? Где же они прячутся, если их сбросили с самолета?» И наконец, главный вопрос: «С кем он завтра пойдет в горы?» Сомнений не было, что они где-то поблизости с местом обнаружения контейнера.

Из этого состояния его вывела жена, тихо появившаяся из ближайшей двери.

– И долго ты так будешь сидеть? – спросила она. Молча приняв из рук жены полотенце, он вытер ноги и поднялся с табуретки.

Жену удивило то, что Бажа направился в кладовую комнату, куда входил редко. В темной кладовке он без труда нашел в дальнем углу, за ларем для муки, винтовку и маленький мешочек с патронами. Выйдя на веранду, он внимательно осмотрел оружие.

Увидев, как жена принесла низкий столик, Бажа вспомнил, что с утра ничего не ел. Резко поднявшись с табуретки, он прислонил винтовку в угол и сел за столик ужинать. Поужинав, встал, прополоснул рот и лег спать. Лежа в постели на вопрос жены, куда он собирается, нехотя ответил: «В гости к Абдулкериму».

Жена догадывалась, что случилось что-то серьезное, но спросить не осмелилась, зная, что он не любит лишних вопросов. «В гости к Абдулкериму с винтовкой он никогда не ездил», — подумала она.

Бажа долго ворочался в постели, не давали покоя мысли о том, как обезвредить диверсанта. Наконец, он забылся коротким сном. И приснился ему тревожный сон. Из ущелья у подножья Джуфудага выходила большая группа диверсантов. Он подумал: «Сколько же их там набралось в ущелье?» Живых диверсантов он в жизни не видел. И все, кто выходил из ущелья, были на одно лицо, которое он видел на плакатах первого года войны: в касках с перекошенными злыми лицами, в мышинового цвета форме с засученными рукавами и винтовками наперевес. На склоне ущелья стоял начальник НКВД с винтовкой в руках и глядел не на диверсантов, а на Бажу. Он крикнул: «Стреляй! Диверсанты!» — и вскочил.

Сон пропал мигом. Он немного посидел на постели, приходя в себя. Наконец, решив, что заснуть он не сможет, тихо вышел на веранду. По луне и расположению звезд он безошибочно определил время, до рассвета еще часа два. Без шума ступая по спальне, вынес на веранду свою одежду, быстро и привычно оделся, взял винтовку, сапоги и вышел на лестницу.

На лестнице, приставив винтовку к стенке, он натянул сапоги и спустился во двор. Следом за ним спустилась Ашура. Она прошептала: «Куда в такую рань, не позавтракав?» Он обнял жену и прижал ее к себе. «Все хорошо, дорогая, мне пораньше надо быть в Буршаге».

Быстрыми привычными движениями Бажа оседлал коня и, не оборачиваясь, вывел его со двора. У первых могильных плит на кладбище остановился.

Его окружали высокие в человеческий рост могильные плиты. Было тихо. Он прошептал Альхлам и провел обеими руками по лицу. Закинув уздечку, подошел к коню, проверил подпругу и, найдя в темноте стремя, вставив в него левую

ногу, легко взлетел в седло. Учувя седока, конь начал нетерпеливо перебирать ногами. Поудобнее устроившись в седле, Бажа слегка стукнул коня пятками. Плети он никогда не носил. Конь понимал его. И на этот раз конь, поняв хозяина, резвым шагом двинулся через кладбище, легко находя в темноте знакомую дорогу.

Только потухли звезды и едва рассвело, как в Буршаг, цокая копытами по каменистой дороге, въехал всадник на взмыленном коне. У первого дома он спрыгнул с коня и повел его в поводу по узкой улице. У ворот Абдулкерима, привязав коня к колечку, забитому в стену, он тихо постучался.

За воротами раздался знакомый голос Абдулкерима: «Подожди, открываю». Открыв ворота, он посторонился, пропуская гостя. Во дворе после обычных в таких случаях приветствий Бажа спросил:

– Где найденные вещи?

Абдулкерим ответил, что вещи подождут, сперва надо позавтракать.

– Завтрак потом, показывай вещи.

– Вещи в колхозном складе под охраной.

– Пойдем в склад, чего мы стоим?

У дверей склада сидел старик, который тяжело поднялся, увидев подходящих. Поздоровавшись со стариком, Бажа сказал: «Ну открывай». Склад плохо освещался из единственного маленького окна. Бажа остановился у окна, а Абдулкерим уверенно двинулся в темноту и через минуту появился с вместительным мешком из материи мышиноного цвета. В мешке оказалось два немецких автомата шмайсера, блестящие от масла. Бажа взял один из них и стал рассматривать на свет, подойдя к окну. Он обратил внимание, что масло на автоматах свежее, из них еще не стреляли. Почему автоматов два? – подумал он, и его осенило: значит диверсантов двое! Эта мысль немного успокоила его. В контейнере оказались, кроме автоматов, по три запасных рожка к ним, немецкий

коротковолновый передатчик с запасными батареями зарядки, несколько банок консервированного мяса, немецкие галеты и плитки шоколада. Осмотрев все содержимое контейнера, он сложил все обратно в мешок.

Наконец, Абдулкерим вытащил сверток из плотной бумаги, который он передал Баже. Тот отошел к окну и аккуратно развернул пакет. В пакете оказались два красноармейских билета, чистые бланки с печатями госпиталей. Это утвердило его в мысли, что диверсантов двое.

Приподняв упакованный мешок и отложив его в сторону, он спросил у Абдулкерима:

– А где парашют?

Тот замялся и, не смотря ему в глаза, проговорил: «Знаешь, до меня еще женщины разорвали на платья, говорят, больно уж хорош шелк, осталось только это». Он взял из ближайшего угла спутанные парашютные стропы и подал Баже.

Недовольно покачав головой, Бажа сказал: «Абдулкерим, дай указание, чтобы перерыли все село, но парашют до единого лоскутка вернули. Ты представляешь себе, какие могут быть неприятности, если об этом узнают в НКВД?!»

Сидя в кунацкой у Абдулкерима, Бажа напряженно думал, в каком направлении искать диверсантов. Он уже точно знал, что их двое. Было ясно так же, что контейнер сброшен где-то в стороне от условленного места. И тут он подумал, что выброска диверсантов должна бы быть осуществлена в районе Джуфудага. Местность безлюдная, самая высокая точка в окрестных горах, соответственно обозначена на всех картах. Когда Абдулкерим появился в кунацкой, он спросил: «Ты помнишь позавчера, ночью, на Джуфудаге был туман?» Абдулкерим, подумав, ответил: «Да, повыше села горы были в тумане. Это я точно помню».

«Получается вот что, – заключил Бажа: – Из-за тумана летчик не разглядел местность, а может, и световые сигналы, которые подавались с земли. Поэтому контейнер сбросили в

другом месте. Почему сбросили именно в этом месте, разберутся в НКВД. А нам, друг мой, надо будет не теряя времени, прочесать Джуфудаг и все окрестные отроги».

Наскоро позавтракав и прихватив с собой хлеба с сыром, они вышли из дома.

Через некоторое время по извилистой тропе, которая из села идет на вершину Джуфудага, двигались двое конных. Они долго еще были видны из села, пока не скрылись за последним поворотом. Преодолев крутой каменистый подъем, вспотевшие кони вывели их на относительно ровную тропу, которая, огибая вершину Джуфудага, выходит на гряду, где она двойится: на Табасаран и на Кайтаг.

Местность Бажа хорошо знал, в здешних горах он не раз охотился на уларов.

Стоял теплый сентябрьский день. Видимость была хорошая. Бажа подумал, что их видно за несколько километров. Он слез с коня и предложил Абдулкериму, чтобы тот двигался с обоими конями по тропе до развилки. Если эта тропа ими просматривается, то подумают, что кто-то едет в Табасаран или Кайтаг. У развилки есть тропинка, которая по нашей стороне спускается к кошаре в глубине ущелья.

– Знаешь эту кошару?

– Конечно, знаю.

– Вот к этой кошаре и спускайся с конями. Я пойду туда пешком. Там встретимся.

Передав Абдулкериму повод своего коня, легко прыгая по камням, как опытный охотник, он побежал вниз по южному склону Джуфудага. Когда потерял из виду друга, присел на валун, торчащий из земли, и внимательно осмотрел все отроги ближайших гор и начал думать.

Вряд ли они знают, что контейнер попал в наши руки. Значит, подумал он, враг думает, что из-за тумана контейнер еще не сброшен. Скорее всего, они ждут его сегодня ночью, поэтому далеко уходить не могли.

Бажа быстрым шагом перешел южный склон и остановился на краю каменистой лощины. Здесь он тоже спрятался в камнях и начал изучать лощину во всю ее длину. В середине лощины он заметил какое-то движение. Он тихо подтянул винтовку и напряженно смотрел в это место несколько мгновений, поняв, что это лиса, охотящаяся за мышами. Аккуратно ступая по камням, он преодолел лощину. Так же тихо он преодолел и второй отрог и в третьем вспугнул большую стаю уларов. Они поднялись с шумом и полетели вниз, огибая очередной отрог, в сторону Арсугских гор.

Выйдя на склон оврага, в котором находилась кошара, он хорошо видел все ущелье, а его трудно было различить – маскироваться он умел, будучи хорошим охотником. Он думал, что если диверсанты знают местность, то лучшего места переждать, чем эта кошара, поблизости нет. В это время чабаны перегоняли отары пониже, пастухи тоже пригнали стада к аулам. Поэтому он до боли в глазах изучал кошару. Не заметив ничего подозрительного, осторожно ступая по теневой стороне, Бажа начал спускаться к кошаре. Подойдя к кошаре, он втянул в ноздри воздух, надеясь учуять запах дыма, но его не было. Стараясь не шуметь, он приблизился к входу в землянку чабана (она обычно встраивается в кошару, чтобы было тепло). Никаких следов пребывания человека не было. На больших плитах, закрывающих вход в землянку, лежала не тронутая пыль. Обходя кошару с северной стены, тихо ступая, чтобы не шуршать обильной травой, которая обычно растет на навозе из кошар, он подошел к входу. Следов у входа тоже не было. Постояв немного у кошары, теперь уже не опасаясь шума, двинулся к роднику, который находился на южном склоне пониже кошары. У родника тоже следов не было. Он положил винтовку на каменные плиты, закрывающие родник, расстегнул гимнастерку и, фыркая от удовольствия, умылся.

Зачерпнул холодную воду в большие ладони и выпил. Какая хорошая вода, – подумал он. Напившись, сел на большой

камень у родника и начал напряженно думать. Он был уверен, что выбросили их на Джуфудаге, контейнер должны сбросить там же. Значит, искать надо здесь.

В это время на северном склоне на тропинке, гуськом ведя коней, привязанных друг к другу, появился и Абдулкерим. Бажа поднялся и помахал ему.

– Спускайся смелей! Здесь их нет! – крикнул Бажа. Освободив от удил и стреножив коней на краю кошары, где было много пожелтевшей травы, прихватив хурджины со своего коня, Абдулкерим подошел к роднику. Положив хурджины, он тоже умылся и выпил холодной воды.

– Ну, что ты увидел? – спросил Бажа.

– Ничего я не видел, на траве даже следов нет.

– Что будем делать?

– Будем обедать, – сказал Абдулкерим и вытащил из хурджина полотенце и развернул его на каменной плите. В полотенце оказались два небольших круглых чурека из ржаной муки с круглыми дырками и большой кусок жирного овечьего сыра.

Увидев это, Бажа сразу почувствовал голод и сказал: «У такого родника не обедать грех», – и поудобнее устроился на камнях.

Молча пообедав, запивая еду холодной водой из родника, они собрали остатки еды в полотенце.

Бажу, разморенного теплом и тишиной, клонило ко сну. Ему приснился опять начальник НКВД и тот, глядя ему в глаза, спросил: «Ну, что, товарищ Алиев, обезвредил диверсанта?» Он резко вскочил на ноги и вспомнил ночной сон. Зачерпывая холодной воды из родника, умылся и сон прошел. Он был бодр и сказал Абдулкериму: «Коней оставляем здесь, проверим две лоцины по этой стороне перевала». Легко ступая, он шел по едва заметной тропе, натопанной скотом.

Приснившийся сон не выходил из головы, но Абдулкериму об этом не говорил. Считал немужским занятием

рассказывать сны. Его беспокоило то, что у Абдулкерима не было даже охотничьего ружья, много ли навоюешь с наганом, думал он. В мужестве друга он не сомневался, знал его давно. Мыслями своими с Абдулкеримом он не делился и не забывал зорко глядеть за тропой, чутьем охотника находя ее в пожелтевшей осенней траве.

Вдруг он резко остановился и, опустившись на левое колено, что-то поднял из травы на тропе. Абдулкерим тихо подошел сзади и через плечо посмотрел на его находку. У него в руках был окурок от папиросы. Бажа долго осматривал свою находку, держа его кончиками пальцев. Обнюхав окурок, он заключил: «Он был здесь не раньше, чем сегодня утром». Поднявшись шага на два выше тропы, он прошел вперед, внимательно изучая траву, и вот заметил помятую траву, а чуть дальше едва заметный след от сапога. Сомнений не было: враг где-то рядом.

В такие минуты он резко подбирался, действовал быстро и решительно. Он понимал, что здесь прошел враг, шел, не ступая на тропу, чтобы не оставлять следов. Брошенный окурок его выдал. Следов не оставлял потому, что шел выше тропы по траве. Нормальный человек шел бы себе по тропе, не думая о следах, а этот не хотел оставлять следов.

Внимательно посмотрев на Абдулкерима, Бажа спросил: «Где ты прячешь наган?» Тот, засунув руку за пояс, под фуфайкой вытащил наган и показал его.

— Вот теперь держи его в руках, спустись шагов на пятьдесят ниже тропы и иди в сторону гребня. Сам поднялся примерно столько же выше и тоже пошел в ту же сторону.

На гребне он оказался раньше Абдулкерима и, посигналив тому руками остановиться, последние метры у самого гребня прошел на четвереньках. Не вылезая на гребень, он приглядел торчащие камни и решил выглянуть из-за этих камней. Лежа на животе, подполз к камням и выглянул в проем между ними. Дно лощины было усеяно камнями. Посреди этих

камней он увидел двух человек. Они о чем-то говорили, не подозревая, что за ними следят. Бажа минуты две следил за ними, не шевелясь. О чем они говорят, не было слышно. Он тихо отполз назад и нашел Абдулкерима, который стоял там же с наганом в опущенной руке. Поймав его взгляд, он рукой показал ему, чтобы тот отошел назад и поднялся к нему, и сам отполз немного назад.

Пока запыхавшийся Абдулкерим поднимался к нему, Бажа успел спланировать дальнейшие действия и проверить свое оружие. Оружием, будучи отменным охотником, он владел в совершенстве, стрелял без промаха из любого положения.

Позиция у него была удобная. Он прикидывал, что спрятаться им негде. Бежать по противоположному склону они не осмелятся. Видимость хорошая – из винтовки он снимет их как куропаток. Наверх, чтобы добраться до хребта, надо бежать метров сто – не рискнут. Вниз по дну лощины попытаются, да, но вниз он пошлет Абдулкерима.

В это время рядом с ним опустился запыхавшийся Абдулкерим.

– Ну что?

– Нашли, друг.

– Где, сколько?

– Да ты отдышись, никуда они от нас не денутся. Значит так, их двое, чем вооружены, пока не знаю. Они находятся на дне лощины немного ниже нас.

– И что мы будем делать?

– Ты сейчас спустишься вниз шагов на тридцать ниже того места, где ты стоял. Оттуда выйдешь в лощину, они это место не видят, и заляжешь там в камнях. На виду не появляйся, а когда я заговорю с ними, подашь оттуда голос. А теперь иди и не бойся, я не дам им добежать до тебя.

– А я и не боюсь.

– Правильно, пусть они нас боятся.

Бажа видел, как Абдулкерим достиг того места, где должен зайти в лощину, когда тот исчез из виду, подполз к своему наблюдательному пункту в камнях. Осторожно заглянув на дно лощины, он увидел, что его «подопечные» сидят в том же месте. Один из них закурил и, тыкая папиросой, что-то говорил своему собеседнику.

Бажа прикинул расстояние до них. Метров двести, не больше, подумал. На таком расстоянии из винтовки он мог, стреляя навскидку, поразить цель. А вот чем вооружен его противник? Он еще не знал, поэтому решил до выяснения этого себя не обнаруживать.

На дне лощины сидели двое в полевой красноармейской форме и о чем-то говорили.

Подождав еще немного и решив, что Абдулкерим занял свою позицию, он набрал в легкие побольше воздуха и крикнул: «Эй вы там, в лощине, кто такие?» Двое вскочили и выхватили пистолеты. Значит у вас только пистолеты, – подумал Бажа. В это время из лощины, ниже перепуганных незнакомцев, раздался голос Абдулкерима: «Бажа, я на месте!» По дну лощины пошло эхо.

– Э-э-э...

Это окончательно обескуражило двоих. Они быстро сообразили, в каком положении оказались. Метаясь по дну лощины, они не знали что делать. На открытый северный склон они бы по-любому не пошли. Вниз дорога закрыта, а где сидит обладатель грозного голоса, они не могли понять. В это время, убедившись, что у них, кроме пистолетов, ничего нет, Бажа появился на гребне лощины с винтовкой наперевес. Обращаясь к тем, кто в лощине, он громко приказал:

– Бросайте оружие и сдавайтесь!

В ответ раздалось два пистолетных выстрела, которые отозвались громким эхом в окружающих скалах.

Бажа, зная, что на таком расстоянии из пистолета его не взять, даже глазом не моргнул. Он повторил свое требование.

Опять прозвучал выстрел. Не успело смолкнуть эхо, как, не целясь, Бажа выстрелил в большой камень посреди его дуэлянтов. Пуля со звоном срикошетила и впиалась в соседние камни, поднимая пыль. Один из двоих опять выстрелил в сторону Бажи. Он понял, что сдаваться они не собираются, и, быстро поймав на мушку того, кто последний раз выстрелил, нажал на курок. Раздался оглушительный винтовочный выстрел, подстреленный противник, громко вопя, уронил пистолет и, хватаясь за ногу, покатился по камням.

По дну лощины, отдаваясь эхом в скалах, слышны стенания и проклятия раненого на непонятном Баже языке.

Немного подождя и загнав новый патрон в патронник, Бажа крикнул второму врагу, который стоял оцепеневший от страха:

– Заткни этого шакала, а то второй пулей я его сам успокою!

Проклятия затихли, раненый только скулил от боли.

Бажа подошел ближе и, обращаясь к тому, кто, не зная, что делать, стоял, хлопая от страха глазами, сказал: «А в тебя я попаду повыше, не сомневайся!»

Заикаясь от страха тот выдавил:

– А я сдаюсь...

– Отбрось пистолет. – Тот молча бросил пистолет и полными страхом глазами глядел на своего врага.

Бажа подошел вплотную и скомандовал:

– А теперь отбрось его пистолет туда же. – Тот выполнил и стоял в ожидании дальнейших указаний.

Бажа крикнул: «Абдулкерим, поднимайся!»

Пока Абдулкерим поднимался, держа в руке наган, он спросил у задержанного: есть еще оружие?

– Нет, – ответил он и с опаской взглянул на своего товарища.

Бажа понял, что раненый – главный. Подошедшему Абдулкериму он сказал, что надо обыскать. Тот молча обыскал

одного и вытащил из его кармана перочинный нож, а из нагрудного кармана красноармейский билет.

Раненый корчился от боли и сверкал глазами от ненависти. Скрипя зубами, он проговорил: «Мы – красноармейцы, вы ответите». Бажа направил на него винтовку и тихо сказал: «Еще одно слово – пристрелю».

Обыскав его, Абдулкерим вытащил и положил на плоский камень: немецкие папиросы, плитку шоколада – такую же, как в контейнере, и зажигалку.

Бажа подошел к камню, взял папиросы, понюхал их. Взяв в руки шоколадную плитку, он внимательно посмотрел на ее хозяина.

– Что же вы, красноармейцы, с немецкими шоколадками здесь в ущелье прячетесь, когда немец уже под Моздоком? Отвечай, шакал! – Он вплотную подошел к диверсанту. Тот, скрипя зубами от боли и ненависти простонал: «Ответил бы я тебе, если бы не эта винтовка».

– Ах, бедняжка, не дождался автоматов и рации не дождался, – съязвил Бажа.

Поняв, что их контейнер в руках врага и что зря торчали в этой проклятой лощине, немецкий диверсант взвыл от ярости.

– Заткнись! – прикрикнул на него Бажа и, обращаясь ко второму диверсанту, строго спросил: «Будешь говорить или тебя тоже пристрелить?»

– Я буду говорить.

– Откуда вы здесь появились?

– Позавчера нас сбросили с самолета.

– Где парашюты?

– Спрятали недалеко в камнях.

– Что делали в этой лощине?

– Ждали контейнер с оружием и рацией.

Далее диверсант рассказал, что две ночи они жгли костер и ждали самолет. В первую ночь они слышали гул низко

летающего самолета и подавали световые сигналы, но самолета из-за тумана они не видели.

Бажа устало сел на большой камень и подумал: свое дело он сделал, остальное пусть выясняют в НКВД.

Увидев корчащегося от боли раненого, он решил, что надо бы перевязать рану. Кивнув на раненого, спросил у диверсанта, только что отвечавшего на его вопросы и все еще стоявшего в позе ученика, рассказывающего урок, – сможешь перевязать его?

– Да, нас этому учили.

– Действуй, раз учили.

Пока диверсант, разорвавший нательную рубашку, умело перевязывал раненую ногу своего поделщика, Абдулкерим привел коней. Откопав в камнях парашюты, Бажа с трудом усадил на своего коня раненого.

К вечеру процессия спустилась через перевал в районе Худига в Кураг. Поглядеть на немецких шпионов собралось все село. Бажа запер их в сельсоветском чулане, поставив на охрану красного партизана – Кучлу Рамазана, который с важным видом разгонял любопытствующих.

На следующее утро в село прибыл сам начальник НКВД в сопровождении нескольких милиционеров. Коротко поговорив с диверсантами, осмотрев изъятое оружие и парашюты, он сказал: «Молодец, товарищ Алиев, задержал таки диверсантов! Объявляю тебе благодарность!»

– Да не один Алиев, – улыбнулся Бажа и похлопал по плечу друга Абдулкерима...

В послесловии считаю уместным добавить, что все герои этого рассказа – реальные люди, а события эти действительно произошли в суровые годы войны.

Надеюсь, что данный рассказ воскресит в памяти его земляков образ мужественного горца.

Выстрел из старой башни

Грозовые облака закрыли вершину Джуфудага²⁷ и окрестных гор. Подул холодный ветер. Магомед очнулся от кошмара, в котором он пребывал с утра, только когда первые капли дождя упали на его разгоряченное лицо. Сверкнула молния, грянул гром.

Магомед начал думать, где бы спрятаться от ливня. Где находился, он не знал. Только догадывался, что где-то далеко за селением Мисси, которое он пытался обойти большим кругом. Попасть в какое-либо из сел не входило в его планы.

Вдруг его взгляд выхватил из потемневшей перед ливнем местности большое зеленое пятно. Он понял, что это пустующая в это время кошара. «Здесь я и пережду непогоду», – подумал он. Добежав до кошары, локтями раздвигая обжигающую руки крапиву, он добрался до лаза в чабанскую землянку. Землянка встретила его темнотой и запахом сырости. Осторожно спустившись по кривым ступеням, он долго стоял, привыкая к темноте. Едва различив лежанку чабана, он лег на прошлогоднюю сухую траву, отдающую сыростью и плесенью.

Долго лежал он, не чувствуя усталости. В воспаленном сознании проходили картины его короткой жизни. А сегодня утром жизнь его разделилась на до и после. Он убил человека и убежал из села...

Магомед был у матери один. Жили они в небольшой сакле на краю Буркихана. Отец рано умер. Магомед помнил отца и гордился им. Отец его был свободным узденем – имел небольшой участок земли, держал немного овец и пару коров. Жил не хуже других. В селе его уважали за справедливость и отзывчивый характер.

²⁷ Джуфудаг – самая высокая точка в Кушандере.

Магомед вырос весь в отца: высокого роста, сильный и справедливый, он выделялся среди сельской молодежи. В играх молодежи он всегда выходил победителем. Это не всем нравилось, и завистников у него было достаточно.

Село делилось на три части: свободных узденей, чанков, которые считали себя не ниже беков, и на бесправных и безземельных крестьян – раятов. В Буркихане поселились две семьи беков – родственников Казикумухского хана. В связи с этим здесь ошивалась большая группа близких и дальних этим семьям людей. Среди них было немало прихлебателей и разного рода мошенников, искавших дармовой хлеб.

В этой своре особое место занимали чанки, которых ханы отсылали в Буркихан, подальше от дармового питания в ханском дворе, который уже не выдерживал их многочисленности.

В сборищах сельской молодежи они стояли обособленно, подчеркивая свою знатность. От всех остальных требовали почтительного к себе отношения. Злобу вызывало у них независимое поведение Магомеда.

На днях сельская молодежь соревновалась в метании камня. Магомед, подошедший позже других, увидел забитый колышек и метку самого дальнего броска. Узнав, что это кинул рябой чанка²⁸ Курбан, снял свой поясной ремень с кинжалом и передал его старику Нурадину, судившему соревнования.

Старик шепнул Магомеду:

– Обставь его, сынок.

Взяв в руки камень, Магомед посмотрел на Курбана, с презрительной усмешкой что-то шептавшего друзьям, и искал в толпе девушек, наблюдавших состязания, Муслимат. Он был влюблен в соседку с белым круглым лицом, высоким лбом, на который спадала челка, и большими серыми

²⁸ Чанка – незаконнорожденный сын хана или бека от дворовых женщин.

глазами. Эти глаза лишили Магомеда покоя. Увидев возлюбленную, он прошептал:

– Не волнуйся, милая, я его обставлю.

Предметом ненависти к Магомеду у Курбана была и Муслимат. Он знал, что и она его любит.

Магомед несколько раз перекинул камень из руки в руку и резким толчком швырнул его. Камень под восхищенные вопли толпы опустился шага на три дальше отметки. Рябой побагровел от злобы и побежал за камнем.

Судья спокойно подошел и перенес колышек, отмечая новый рекорд. Курбан подготовился к новому броску, но никто не сомневался, что он не докинёт камень до колышка. Сильно размахнувшись, он швырнул камень, который не долетел даже до прежнего его результата. Раздались опять крики одобрения, но они посвящались не ему, а Магомеду.

Рябой вырвал свою черкеску из рук друга и, произнося угрозы в чей-то адрес, ушел с площади.

Магомед спокойно натянул пояс, поправил на нем кинжал и подошел к сверстникам, восхищенно глядевшим на него.

После этого прошло несколько дней. Сегодня утром Магомед собирался на свадьбу друга. Он с утра привел в порядок свой костюм.

А костюм состоял из единственной чухи, залатанной в нескольких местах, сатиновой нательной рубашки со стоячим воротником, широких навыпуск шароваров, которые завязывались у щиколоток, и поршней из кожи.

Зато на поясе висел великолепный кинжал, который вызывал завистливые взгляды многих. Кинжал – память об отце.

«Настоящий Базалай²⁹», – приговаривал старый Нурадин, проверяя кинжал на остроту.

Одевшись, Магомед вышел во двор и долго через кизячную стенку заглядывал в соседний двор, надеясь увидеть

²⁹ Базалай – знаменитый мастер кинжальных дел из Н. Казанища.

любимую, но ее что-то не было нигде. Неужели ушла на свадьбу, – подумал он. Наконец, когда очередной раз выглянул из-за стенки, он увидел ее нарядную в середине двора. Серые глаза улыбались и вся она сияла от счастья и молодости. Он глядел не шевелясь и боялся вспугнуть ее. Вот она встретилась с ним взглядом и, смутившись, побежала в невидимый Магомеду угол двора.

Увидев возлюбленную и сияя от радости, он пошел поздравлять друга со свадьбой. Во дворе было шумно и многолюдно. Магомеда завели в большую комнату, застеленную в центре скатертью. Молодежь уселась на подушках по краю скатерти и готовилась к угощению. Магомед, как припоздавший, оказался у самых дверей. Это его не расстроило. Он был в хорошем настроении. В дальнем углу комнаты, поигрывая на чунгуре, пел сельский ашуг. У стены, напротив входа, на высоких подушках, по-хозяйски, полуразвалясь, сидели несколько чанков, которые считали себя почетными гостями и требовали соответствующего угощения.

Появление Магомеда не понравилось чанкам. Рябой, глядя в потолок, буркнул что-то про безродных собак. Увидев, что его никто не поддержал, начал уговаривать друзей покинуть пиршество. Те отказались. Это было выше их сил. Покинуть обильное дармовое угощение они не могли, даже если это стоило дружбы рябого.

Магомед сделал вид, что ничего не услышал. Пир продолжался в установленном порядке. Чауш³⁰ разносил по кругу глиняный кувшин с бузой. Звучали тосты и поздравления. Рябой успевал по нескольку раз подзывать к себе чауша. Все больше багровея от выпитого, он начал бросать недобрые взгляды в сторону Магомеда, скромно сидевшего на своем месте.

³⁰ Чауш – помощник тамады, ведущего свадебного торжества.

Еще недавно веселившиеся гости перестали шутить. Ашут перестал петь и брэнчать на чунгуре. В комнате установилась напряженная тишина. Слышно было только сопение рябого, который жадно отрывал зубами от берцовой бараньей кости большие куски мяса. Все уставились на него. Вдруг он остановился и громко засмеялся, глядя на Магомеда. В следующую минуту со словами «на, подавись, пес» он бросил обглоданную кость в Магомеда. Того подбросило, как на пружине. С легкостью птицы он перелетел на противоположную сторону комнаты, чудом не задев ни одного блюда, которыми была уставлена скатерть, обнажая в прыжке кинжал. Стальное лезвие кинжала, с хрустом ломая кости, пронзило грудь рябого и вышла со спины. Раздался только громкий вопль обреченного.

Магомед в один прыжок оказался у двери и очутился на крыше сарая, служившего площадкой перед гостевой комнатой. Из комнаты послышались крики, но Магомед уже ничего не слышал. Прыгнув с крыши, он помчался вниз по узкой сельской улице.

Остановился далеко за селом у мелкой речушки. И только сейчас обратил внимание, что в его руке обнаженный кинжал. Кинжал, вся правая его рука и поля чухи были в крови.

Широко расставив ноги, он первым делом тщательно промыл кинжал и опустил его в ножны, затем отмыл кровь с чухи и поршней. Он еще не совсем осознавал того, что наделал. Не торопясь, проделав все это, он сел на большой камень у самой кромки берега. Сидя на камне, он начал думать над тем, что произошло. Вдруг он осознал всю серьезность положения и опасность, которая могла преследовать его ежеминутно. Осознание опасности заставило его думать быстро и принять решение. Первое, что он сделал, — решил поменять направление бегства.

Он думал так: раз он побежал из села в направлении основных дорог, значит его будут преследовать на тигской

или ричинской дорогах. Побежав по руслу реки до первого поворота, он двинулся в обход села с севера. Держась горной кряжи, скрытой от посторонних глаз, он обошел село, описав большой круг. Осторожно перейдя дорогу на Амух, он двинулся по горам, не разбирая пути.

И вот лежит он теперь в чабанской землянке и думает о двух самых дорогих ему людях – о матери и Муслимат. Вспомнив любимую, как всегда улыбнулся, как наяву представил себе светлую улыбку ее серых глаз, темную челку, закрывающую высокий красивый лоб и небольшой прямой нос. Где же она сейчас? Наверное, и ей не легче, чем ему?

Долго он предавался воспоминаниям и переживал за близких. Сон не шел, только перед самым рассветом он забылся коротким тревожным сном.

Короткий сон не освежил его. От множества вопросов болела голова. Он вылез из землянки. Первые лучи солнца заблестели на снежных вершинах Алахундага³¹.

Окрестные горы, омытые обильным ночным дождем, выделялись сочной зеленью.

Птичий гомон заполнял все вокруг. Как красиво поют, подумал Магомед. Раньше на такие вещи он не обращал внимания. Поискав в густой зелени родник, он умылся и привел в порядок свою одежду. Сидя у родника, долго думал, в каком направлении идти. В соседние села идти нельзя, там его ищут. Да и здесь нашли бы, если бы не запутал след вчера.

Хотя не знал, где конкретно находится, он догадывался, что где-то на перевале, разделявшем Агулдере и Кушандере.

Тут он вспомнил, что в Кураге живет его тетя Залихахлабав. Как же звали ее мужа? Вспомнил – Хлюьсуклай. Туда и пойду, – решил он. В детстве он с матерью был в гостях у тети. Вспомнил ее дом, который находится в центре села недалеко от речки.

³¹ Алахундаг – ледниковая вершина.

Поднявшись на очередную вершину, он увидел ущелье Кушандере. Вдали угадывались села. Какое-то время он замешкался, а какое из них Кураг? В других селах он не бывал. Наконец, разглядев ущелье, пришел к выводу, что Кураг внизу – в глубине у реки. К этому месту он двинулся, переваливая через вершины.

К обеду он оказался на вершине прямо перед селом. Зайти в село днем не осмелился, хотя его мучил жестокий голод. Дождавшись темноты, спустился к селу, перешел речку и нашел улицу, где жила его тетя. Волнуясь, он робко постучал. На стук сразу отозвались со двора. Магомед узнал голос мужа тети. Хлусуклай пропустил Магомеда во двор, ответил на его приветствие и пригласил в дом. Конечно, позднего гостя он не узнал, только поговору догадывался, что он из Буркихана.

Заходя в комнату, где горел камин, и в свете керосиновой лампы женщина готовила ужин. Хлусуклай сказал: «Принимай гостя».

Залихахлабав поднялась и посмотрела на вошедшего. Магомед стоял, неловко переступая с ноги на ногу. Наконец он выдал из себя: «Это я, тетя Залихахлабав». Она узнала племянника и с радостью обняла его. Хлусуклай посадил гостя рядом с камином, отстранив жену, которая еще долго выражала восторг по поводу неожиданного появления племянника. Терпеливо ожидая, когда женщина замолкнет, он внимательно разглядывал гостя. Он обратил внимание на состояние Магомеда и догадался, что неспроста он появился в такое позднее время.

Дождавшись, наконец, когда жена прекратит расспросы и займется подготовкой ужина, тихо спросил гостя: «Ну, а теперь скажи, что случилось». Магомед исподлобья посмотрел в сторону тети и сказал: «Я убил человека и убежал из села». Хлусуклай посмотрел на жену и понял, что она, занятая своими делами, не услышала сказанного Магомедом. Он покачал головой и ничего не сказал. В комнате установилась тишина,

которую нарушила Залихахлабав. Довольная приездом любимого племянника, она с упреком посмотрела на мужа и громко посетовала: «Что ты молчишь? Поговори с гостем».

– Поговорим после ужина, а ты побыстрее там. Человек с дороги, а ты тараторишь.

Опять все замолкли. Залихахлабав постелила перед племянником скатерть и начала раскладывать кушанья. Хлусуклай переставил подушку и подсел ближе к скатерти. После услышанного есть расхотелось, но при госте он не подавал виду, громко произнес «бисмиллах» и принялся за еду.

Магомед, который не ел второй день, считая неприличным кидаться на еду, тоже спокойно приступил к трапезе. Залихахлабав, занимаясь своими женскими делами, изредка поглядывала на племянника. Она заметила, как он вырос и стал похож на своего отца. После ужина Хлусуклай подождал, пока она уберет скатерть с остатками еды. Внимательно посмотрел на жену и тихо сказал: «Слушай, жена, и не шуми, случилась беда». «Что случилось?» – прошептала Залихахлабав, опускаясь рядом с мужем.

– Да вот, племянник твой убил человека и убежал из села.

– Какого человека? – прошептала она еще тише и бледная, как скатерть, уставилась широко открытыми глазами на Магомеда.

Наступила тишина, которую нарушил Хлусуклай.

– Что случилось, то случилось. Расскажи, что произошло...

Магомед, запинаясь, рассказал о том, что произошло, и замолк.

Хлусуклай наконец поднял голову и спросил:

– А может, он не умер?

– Не должен выжить, – промолвил Магомед и взглянул на свой кинжал.

Слышались тихие рыдания Залихахлабав, которая то хваталась обеими руками за голову, то била ими себя по коленям.

Магомед сидел, низко опустив голову, и молчал. Хлусуклай ходил по комнате и напряженно думал, что же делать. Он хорошо себе представлял, как трудно будет уладить это дело с чанками. Причитания Залихахлабав, которые становились все громче, вернули его к действительности. «Тихо ты, женщина, разбудишь ребенка», – цыкнул он на жену.

* * *

Буркихан в эти дни был похож на встревоженный улей. Убитого похоронили в тот же день, после обеденного намаза. Слова муллы, призывавшего к спокойствию и благоразумию, были приняты чанками с возгласами неприятия и обещаниями жестокой расправы. Сразу же после похорон вооруженные разъезды чанков и их приспешников уехали по разным дорогам искать виновника, но к вечеру все вернулись ни с чем. В соседних селах и окрестных горах следов пребывания Магомеда не было обнаружено.

На следующее утро несколько вооруженных групп покинули село и направились на поиски.

Хлусуклай рано утром оседлал коня и, строго наказав жене никому не говорить о госте, а малыша Рамазана не выпускать на улицу, отправился в Буркихан, под видом купли скота, чем он иногда занимался. Всю дорогу он думал, как же быть. Вспомнил все случаи убийств и как эти конфликты разрешались. В этих случаях активно участвовали в примирении старшие из враждующих родов, уважаемые люди. Обычно удавалось примирить враждующих, но здесь вряд ли удастся договориться с чанками. Вздорность и спесивость этих людей была общеизвестна.

В Тпиге от кунака он узнал о том, что произошло в Буркихане. Он не подал виду, что знает об этом. Наспех и без аппетита пообедав у кунака, он собрался в Буркихан.

Прямо за селом он встретил группу конных, которые нехотя ответили на его приветствие и поторопили коней в сторону

Тпига. По заносчивому виду и дорогой конской сбруе он понял, что это один их чанковских разездов, которые рыскали в поисках Магомеда.

В Буркихане он, как обычно это делал, в поводу повел коня к дому своего тестя Амая. Привязав коня к колышку, который торчал из стены, он тихо вошел во двор. Тесть всегда шумно встречал его и не мог нарадоваться приезду зятя. На этот раз во дворе было тихо. Негромко постучав ручкой плетки, он открыл дверь жилой комнаты. Навстречу ему поднялся Амай, который, сдержанно ответив на приветствие, усадил его на подушки, разложенные у стены.

Хлусуклай довольно долго слушал причитания женщин, доносившиеся из соседней комнаты.

Хлусуклай попытался как мог успокоить женщин, но это ему не удалось. Поговорив с тестем, он вышел на улицу и решил пойти в дом погибшего, выразить соболезнования. Он понимал сложность ситуации. Увидев двигавшегося в его сторону Нурадина, он обрадовался, зная, что тот посоветует ему как быть. После обычных слов приветствия, они были давно знакомы, Нурадин спросил у него, что он собирается делать. Хлусуклай сказал, что следовало бы почитать «Альхам³²» по погибшему.

– Вот, думаю, как они воспримут мой приход?

– Люди они, конечно, скверные, – сказал Нурадин, – но соболезнования надо бы выразить. Одному тебе нельзя там появляться, я пойду с тобой, – твердо заключил старик.

У дома убитого на бревнах и камнях сидело много мужиков. Мулла нараспев читал Коран. Подождав, когда тот закончит, Нурадин поздоровался и громко произнес «Фатиха³³». Сидящие выставили руки и прочли «Альхам». После этого Нурадин и Хлусуклай пожали сидящим руки и сказали приличествующие случаю слова.

³² Альхам – заупокойная молитва по умершему.

³³ Фатиха – призыв к чтению молитвы у мусульман.

Воцарилась тишина, из дома были слышны женские причитания. Мужчины тихо разговаривали, как обычно бывает в таких случаях. Нурадин и Хлусуклай тоже опустили на камни в сторонке.

Посидев с полчаса, Нурадин незаметно толкнул Хлусуклая и, поднявшись, громко произнес «Фатиха». После этого, пожелав остающимся здоровья, они двинулись в сторону дома Магомеда. По дороге оба молчали.

Во дворе у Магомеда Нурадин спросил у Хлусуклая, не знает ли он, где прячется беглец. Хлусуклай подумал, посмотрел по сторонам и тихо сказал, что у него. В надежности Нурадина он не сомневался.

Нурадин потянул его за собой. Они, не обращая внимания на сидящих женщин, прошли в другую комнату.

Хлусуклай спросил, что делать.

– Парня надо спрятать в другом месте, у тебя они его найдут.

– Я отправлю его к кунаку в Табасаран. Ну, а как быть, неужели нельзя как-нибудь успокоить родственников убитого?

– Чанки не те люди, с которыми можно договориться. Уже пытались, слышать не хотят. Может, забереешь коня Магомеда? Может пригодиться.

– Нет, если заберу коня, догадаются, где он. Этого делать нельзя.

– Ну, как знаешь...

На этом они закончили свой разговор. Нурадин ушел, а Хлусуклай вошел в комнату, где сидели женщины. Они сидели в скорбных позах и тихо всхлипывали.

Хлусуклай подошел поближе к матери и спросил:

– Кто эта девушка?

– Это невеста Магомеда, Муслимат зовут.

После этих слов Муслимат перешла на рев, вскочила и, размазывая слезы по круглому красивому лицу, выбежала из комнаты. Стало тихо.

– Магомед пока у меня, об этом никто не должен знать, – шепнул Хлусуклай матери. Мать опять начала тихо причитать.

Хлусуклай оставил плачущую женщину, тихо вышел на улицу, отвязал коня и медленным шагом повел его к выходу из села, в сторону Амуха. За селом он вскочил в седло и тронул коня. Он хорошо знал все тропинки в горах и поздно вечером был уже в дома.

* * *

Теплые летние дни Магомед проводил на плоской крыше соседнего дома, которая примыкала к дому Хлусуклая. На улицу выходить он не мог. И вообще, в селении о его пребывании никто не знал, кроме членов семьи. Маленький Рамазан постоянно находился при нем.

С этой крыши, закрытой от посторонних взоров, он видел старое кладбище и сельские луга, куда в такое время никто не ходил. Зато прямо на крышу смотрели бойницы старой башни, которая возвышалась над соседскими домами.

Вчера за ужином дядя Хлусуклай сказал ему, что через пару дней, когда все немного успокоится, он отправит его в Табасаран к кунаку.

Дни, проведенные на крыше, казались Магомеду бесконечно долгими. Сидя в углу крыши, схватив обеими руками голову, он вспоминал и жалел мать. Вспоминая Муслимат, он тяжело вздыхал, ее большие серые глаза присутствовали во всех его грезах. Что же она делает? – думал Магомед.

* * *

В очередной раз, находясь на крыше, Магомед почувствовал, что на него кто-то как будто смотрит. Он внимательно осмотрел места, откуда можно видеть угол крыши, где он постоянно находился, но никого не обнаружил.

За ним действительно внимательно следили два зорких глаза. Следили с самой вершины старой башни. Вершина

башни представляет собой ровную площадку, окруженную в человеческий рост бойницами для круговой стрельбы, а посередине площадки находится лаз, который винтовой лестницей уходит вниз, к выходу из башни.

Кровник расположился на этой площадке, расстелив бурку и приставив к стенке кремневое ружье с длинным дулом. Из бойниц хорошо просматривается основная часть села, а крыша, на которой проводил время Магомед, была как на ладони.

Жертву свою кровник заметил сразу, как только он появился на крыше. В этот день с Магомедом неотлучно находился и маленький Рамазан. За последние дни он привязался к нему. Магомед устроился на круглом камне для обкатки крыши и выгачивал ножом деревянную игрушку для Рамазана. В таком виде он плохо был виден из башни. Враг в башне терпеливо выжидал удобного момента. Наконец, Магомед посмотрел на солнце и решил, что наступило время обеденного намаза. Вручив Рамазану деревянного коня, он постелил на середине крыши коврик и стал молиться.

Тот, кто в башне решил, что наступило и его время. Магомед в центре крыши представлялся ему идеальной мишенью. В одну из бойниц убийца вставил ствол кремневки.

Магомед стал на колени, совершая обычные в намазе процедуры. Стрелку мешал мальчишка, который мельтешил возле молящегося. Попасть в малыша не входило в планы стрелка, он знал, чем это чревато, и нервничал. Долго ждать, высунув ружье, он боялся.

Наконец, Магомед поднялся в полный рост и, держа руки на груди, зашептал молитвы. Вдруг тишину небольшого горного аула нарушил грохот выстрела. Над башней поднялось небольшое облако порохового дыма. Вслед за этим выстрелом раздался другой на вершине Хулан кил³⁴, который возвышается перед селом.

³⁴ Хулан кил – вершина горы перед Курагом.

Магомед свалился, как подкошенный. Пуля пробила ему висок и вышла с другой стороны, разворотив полчерепа.

Выстрел встревожил все село. Многие увидели пороховой дым над башней и побежали туда. На крики Залихахлабав сбежались люди. Магомед был мертв...

В Буркихане сразу узнали о случившемся. Выстрел из башни по сигнальной цепи дозвучал до села.

Кураг в эти минуты лихорадило. Люди не понимали, кто кого убил. Башня была окружена, засевший там стрелок предупредил, что будет стрелять, если кто попытается подняться в башню.

Осаждавшие попытались вступить в переговоры с тем, кто в башне, но тот отказался что-то объяснять, заявив о том, что за ним приедут.

По слову осаждавшие поняли, что он буркиханец, но больше ничего не было понятно. Нашлись горячие головы, которые грозились выкурить его из башни. Старики успокоили молодежь. Было решено подождать тех, кто за ним приедет. Старый горец Ахмед объяснил людям, что выстрел на вершине Хлулан кил – это сигнал для тех, кто приедет.

К вечеру того же дня в село приехало человек десять из Буркихана. Все они были без оружия и остановились на небольшой площадке перед мечетью. Туда же подошли и сельские старики. Седобородый буркиханец начал вежливо спрашивать о здоровье стариков. После положенных в таком случае добрых пожеланий он сказал.

– Мы приехали от джамаата села Буркихан попросить ваш джамаат отпустить нашего человека из башни. Он по законам шариата убил своего кровника. Мы понимаем, что причинили вам беспокойство и просим назвать сумму причиненного ущерба, которую мы обязуемся возместить.

Старый Ахмед, опираясь на тросточку, посмотрел на насупившегося Хлусуклая и, обращаясь к гостям, сказал:

– Мы не привыкли брать за такие дела баранов или быков, надо было уладить это дело миром. Ваши дела решайте в Буркихане. Покойник убит был на молитве. Его душа уже в раю. А сейчас почитаем убитому «Альхлам», забирайте своих. – И громко крикнул: – Фатиха!

Так закончилась маленькая история, связанная со старой башней, которая с незапамятных времен смотрит на село своими бойницами. Кто знает, сколько таких историй она хранит.

Откровение шейха

С утра в доме Рамазана-хаджи царило оживление. Женщины убирали в комнатах, во дворе свежевали барана. Рамазан-хаджи в высокой каракулевой папахе, обвязанной белым шелком – знак посещения священной Мекки, в новой черкеске с газырями, которую он одевал только по особенно торжественным случаям, нетерпеливо ходил по дому, заложив руки за спину.

Он ждал своего кунака – Али-Гаджи из Акуша, известного на Кавказе шейха. Когда Рамазан-хаджи вышел на улицу, там уже собралось человек тридцать мужчин, которые знали о приезде шейха. Рамазан-хаджи, увидев готовность сельчан встретить его знаменитого кунака, с улыбкой поздоровался за руку со всеми.

Стоял теплый сентябрьский день. Сельчане стояли в летних чоха, а некоторые по случаю особого торжества в черкесках, подпоясанных дорогими наборными ремнями, на которых висели не менее дорогие кинжалы. Рамазан-хаджи недовольно осмотрел дорогие наряды сельчан, но ничего не сказал. Он знал, что шейх не любит напыщенности и излишеств. «Ну что, хаджи, можно уже седлать коней?» – спросил один их хозяев дорогого кинжала.

– А коней не надо, – ответил хаджи. – Шейху не понравится пышность встречи. Пойдем пешком.

Встретили шейха далеко за селом. Он сидел на отменном жеребце. Сухощавый, с аккуратно подстриженной бородкой, в высокой каракулевой папахе с традиционной повязкой угадывалась посадка опытного наездника.

Его сопровождали пять мюридов, тоже на породистых конях.

«Да, акушинцы знают толк в конях», – подумал Рамазан-хаджи. Ему пришла на память поговорка: «В Акушах не хвалялись конем своим, а в Кумухе мужеством».

Увидев группу встречающих, Али-Гаджи остановил коня, спешился, передал поводья одному из мюридов и шагом подошел к встречающим. Шагах в трех он остановился, громко произнес: «Салам алейкум». Встречающие хором ответили ему и склонили головы. Звание шейха требовало от них особой почтительности.

Али-Гаджи подошел к Рамазану-хаджи, который на шаг выступил вперед, крепко пожал ему руку и приобнял. Затем Али-Гаджи обошел всех встречающих, пожимая им руки и внимательно заглядывая в глаза каждому. После этого он обменялся несколькими фразами с Рамазаном-хаджи на арабском. Никто не понял, о чем они говорили.

Рамазан-хаджи кивнул сельчанам и они громко запели мавлид³⁵. Под дружное пение «ла илаха илла ллах» группа двинулась в направлении села. Впереди шли шейх и Рамазан-хаджи, а за ними остальные. Громкое пение мавлида слышалось далеко.

Кавалькада двинулась к мечети в центре села, куда они добрались прямо к обеденному намазу. Мечеть в этот день была наполнена народом.

³⁵ Мавлид – чтение праздничных стихов в честь рождения пророка Мухаммеда.

После намаза Али-Гаджи обратился к правоверным с пожеланиями добра и усердия в молитвах. Говорил он на тюркском, который многие из присутствующих понимали.

После проповеди шейха люди разошлись по домам. Али-Гаджи и мюриды в сопровождении Рамазана-хаджи двинулись к его дому.

Был месяц рамазан. Все правоверные держали пост. Али-Гаджи зашел в кунацкую и прочитал какую-то молитву и устроился на подушке, подвернув ноги. Долгое время он молчал, закрыв глаза и шевеля губами, перебирая четки, видимо, читал молитвы. Когда закончил молиться, он необычно бодрым голосом справился у Рамазана-хаджи о его делах. Они то говорили на арабском, то переходили на тюркский, предаваясь воспоминаниям.

Шейха и хаджи связывала многолетняя дружба, родившаяся в пустынях Аравии. Они вместе совершили хадж в священную для мусульман Мекку.

Зная осведомленность шейха о всех дагестанских делах, Рамазан-хаджи осторожно справился: «Как же отнестись к призывам нового имама Нажмудина?»

Шейх внимательно посмотрел на хаджи и тихо произнес: «Имамом Нажмудин объявил себя сам, а борется он не за веру, а за своих баранов. – Промолчав немного, добавил: – Войну в Дагестане надо закончить». (В Дагестане в те дни еще шла гражданская война.)

Вечером, после намаза, в доме Рамазана-хаджи собралось множество народа. Шейх возмутился обилием еды. Он был аскетичен и не терпел излишеств в еде. Ночью в доме хаджи проводили мавлид в честь прибытия шейха. Вел мавлид шейх со свойственной ему энергичностью. После мавлида он долго беседовал с мусульманами, отвечал на их вопросы, поражая присутствующих обширными знаниями и хорошим толкованием Корана.

Али-Гаджи провел в селе несколько дней. Все свободное время от молитв и чтения книг на арабском языке, которых в доме у Рамазана-хаджи было много, он ходил по окрестностям села.

Вот в один из дней он оказался у речушки Ацдирух³⁶. Двигаясь по течению речки, он остановился у большого камня за первым поворотом. Сняв с себя черкеску и аккуратно положив ее на камень, он подошел к воде, снял ичиги и закатал штаны до колен. Засучив рукава, сел на прибрежный камень, намереваясь делать омовение. Близилось время обеденного намаза.

Набрав в ладонь воды, он уставился в нее. Вдруг он вылил воду из ладони, резко встал и начал одеваться. Ничего не говоря мюридам, удивленно стоявшим на почтительном расстоянии, он двинулся в селение.

Али-Гаджи быстро вошел в дом хаджи. На немой вопрос хаджи он спросил: «Как называется та речушка, где я был?» – спросил он и жестом показал в направлении речки.

– Ацдирух, – ответил Рамазан-хаджи. – А что случилось?

– В воде той речки лежит труп человека, – тихо произнес шейх. – Пошли-ка людей вверх по течению.

Хаджи вышел из дома, подозвал на улице несколько молодых мужчин и рассказал им о сказанном шейхом.

Шейх и хаджи совершали обеденный намаз в сельской мечети и не успели из нее выйти, как услышали женские крики и причитания. Оказывается, в речке нашли труп молодого чабана, погибшего от камня, который скатили бараны. Произошло это в местности Сулан удуларик³⁷. К вечеру того же дня погибшего похоронили. Возвратившись с кладбища, Рамазан-хаджи спросил у шейха: «Как ты узнал, что в воде лежит труп человека?»

³⁶ Ацдирух – небольшая речушка у въезда в Кураг с восточной стороны.

³⁷ Сулан удуларик (букв. у лисьих нор) – название местности в Кураге.

Шейх остановился, посмотрел в глаза хаджи и по своему обыкновению тихо произнес: «На все воля Аллаха!» Он был немногословен.

Об этой истории автору рассказала 90-летняя родственница, которая была свидетелем приведенных событий.

Знаменитый шейх Али-Гаджи Акушинский действительно несколько раз гостил в Кураге у своего кунака Рамазана-хаджи.

Как наказали вора

Короткий зимний день заканчивался. Курбан, молодой чабан, повернул стадо в сторону кошары и, опираясь на палку, осматривал окрестные горы. Из-за Алахундага выползали густые, темные тучи. Он знал, что эти тучи принесут снег. Снег его особо не тревожил. С осени он не пас свое стадо на нескольких участках поближе к кошаре на случай снежной погоды.

Было холодно, и сытое стадо направилось к кошаре. Закрыв кошару, он схватил ведро и широкими шагами двинулся к роднику, который находился недалеко под козырьком скалы. Тяжелой медной кружкой он проломил лед и набрал воды.

Спустившись по крутым ступеням в кума³⁸, в темноте поставил ведро на каменную полку. Затем он разгреб золу в очаге и вытащил едва тлеющие уголья, и положил на них куски кизяка. Через некоторое время кизяк задымил и показались язычки пламени. Тонкий прутик, который достал из стенки, он воткнул в горящие угли. А когда он загорелся, поднес его и зажег фитилек небольшой керосиновой лампы. Лампу он зажигал только на время, пока готовил ужин. Экономил керосин.

³⁸ Кума – землянка чабана в кошаре.

В слабом свете лампы Курбан быстро приготовил себе ужин. Остатками ужина накормил собаку, которая, виляя хвостом, ждала его прямо у лаза в кума. Было темно и дул холодный ветер. Ни луны, ни звезд не было видно. К утру обязательно пойдет снег, – подумал он. Многолетние наблюдения научили его безошибочно угадывать погоду.

Спустившись в кума, он потушил лампу, закрыл горящие угли кизняка золой и растянулся на лежаке, укрывшись старым тулупом.

Сон не шел, в голову приходили разные мысли. Мальчик, который недавно принес ему еду, рассказал, что в другой кошаре на днях ночью украли овец. Говорили, что воры вскрыли кошару и вытащили овец через крышу. Долго лежал он, думая об этом. А что чабан ничего не почувствовал что ли? – думал он. А что чабан мог делать? – были его дальнейшие мысли. Мог залезть в кошару и там затаиться. В таком случае даже самый дерзкий вор не мог залезть в кошару. С этими мыслями он пощупал под головой свой старый кинжал и вспомнил, как летом он неосторожно поломал его кончик.

Думая обо всем этом, к полуночи, наконец, он заснул. Разбудил его громкий собачий лай. Резко поднявшись на лежак, он прислушался к лаю и понял, что собака лает и мечется из стороны в сторону.

«Что бы это могло быть? – Сидя на лежаке, он напряженно думал. – Вот собака отбежала в сторону, значит кто-то ее гонит. Тут он понял, что собаку отгоняют камнями. – Человек с добрыми намерениями крикнул бы».

Курбан схватил кинжал и ногами вперед залез через дыру в кошару. (В кума оставляется дыра для поступления теплого воздуха из кошары.)

В кошаре, встав на четвереньки, он наощупь добрался до середины и стал прислушиваться. Слышно было, что собака лает далеко от кошары. Через некоторое время он услышал тяжелые шаги на крыше кошары. Они шли к нижней части

кошары. Вслед за шагами он тоже двинулся к нижней части. Слой навоза на крыше скрадывал шаги. Но острый слух Курбана улавливал, что двигается не один человек.

Шаги затихли, затих и Курбан, не выдавая своего присутствия. Наконец, послышались звуки, это воры ногами сгребали навоз, обнажая плиты, закрывающие кошару. Послышались звуки сдвигаемых плит. Вот одну небольшую плиту убрали, и было слышно, как один из воров говорит, что надо убрать еще пару плит. Вторая плита, видимо, оказалась покрупнее. Наверху решили, что достаточно. Курбан вытащил из ножен кинжал и сидел на корточках прямо над проделанной дырой в крыше.

«Я залезу внутрь и буду подавать, а вы режьте их прямо здесь. Живыми таскать будет трудно», – слышалось сверху.

Один начал лезть в дыру. Курбан понял это по сопению. Когда вор по пояс оказался в дыре, Курбан со всей силы всадил кинжал с обломанным кончиком прямо ему в ягодицу. Вор издал нечеловеческий вопль и резким движением вырвался наружу. Раздались голоса:

– Что случилось?!

Раненый только стонал и орал от боли. Курбан по голосам определил, что их четверо.

Слышно было, что воры бегом тащат своего раненого по крыше кошары. Курбан еще долго сидел, глядя в безмолвную дыру в крыше кошары.

Так закончилась одна попытка кражи. А сколько же совершалось безнаказанных краж?! Кто его знает!

Суар и Кафтар³⁹

Моему соседу, каменщику Бегьедайдаду, ампутировали ногу. Строить с одной ногой ему было трудно. Колхозное начальство назначило его мельником.

Своим новым положением Бегьедайдад был вполне доволен. С нехитрым хозяйством водяной мельницы он неплохо справлялся.

Зимой мельница не работала. Река заковывалась льдом, да и молоть особенно было нечего. В связи с этим начальство придумало ему новые обязанности – охранять колхозный ток, где забот хватало. Охранять ток ему помогала старая лохматая сучка Кафтар.

Ток находился на окраине села, а жил он в шалаше из соломы прямо на току. На току каждый день конями молотили солому, которую доярки в больших плетеных корзинах сносили на ферму, находящуюся в нескольких метрах.

В последнее время подрядились ему помогать Зукь и Абдул, которые готовы были делать что угодно, лишь бы не ходить в школу.

Бегьедайдад это понимал, но ничего друзьям не говорил. О том, что у друзей был еще и другой интерес, конечно, он не догадывался. Ровно в обед, когда надо было идти в школу, друзья появлялись на току. Довольный ребятами Бегьедайдад, цокая костылями, уходил домой обедать.

Друзья наши в это время ловили голубей, прилетающих на ток. Оба друга вполне были довольны своим положением. Голубей вечером они жарили. Друзья хорошо отработали многие приемы ловли голубей и ели их под обрывом за фермой. Абдул переживал по поводу визита директора школы к его отцу. Дома он еще не был, но хорошо знал, о чем шел разговор. Он за две недели ни разу не был в школе.

³⁹ Суар и Кафтар: суар – сушеные фрукты, Кафтар – кличка собаки.

- Что сказал Хлежимурад отцу, интересно?
- Надоел он со своими друзьями и двойками⁴⁰.
- Может, завтра пойти в школу?
- Хлежимурад тебе даст таких голубей? – взглянул на Абдула Зукъ, размазывая по лицу голубиный жир и сажу от ржаной соломы, на которой жарились голуби.

Вкусная голубятина подействовала на Абдула. Он решил в школу не ходить.

На следующий день Абдул сообщил Зукъу, что к Пай Джамалу приехала старуха из лезгинского села. Она меняет сурар на шерсть.

- Сурар? – переспросил Зукъ.
- Да, говорят, такие вкусные.
- А где взять шерсть?
- Не знаю, у нас шерсти нет.

Поговорив о том, какие вкусные бывают сурар, друзья занялись своими делами.

На следующий день, проведив Бегъедайдада на обед, Зукъ приглядывался к Кафтар и загадочно улыбался. Абдула он еще не посвящал в свой коварный план. Хотя все доярки давно ушли с тока, он не спешил ловить в этот день голубей. На вопросительный взгляд Абдула он глазами показал на Кафтар. Тот ничего не понял.

Возмущенный непонятливостью друга Зукъ прошипел:

- Сбегай в село и где хочешь найди ножницы для стрижки овец.
- Ножницы для стрижки овец? – повторил Абдул, напряженно думая, где их достать.
- Я попрошу у соседа Магъагайдада.
- Для чего ты попросишь? – проворчал Зукъ.
- Ну, для стрижки...

⁴⁰ Друзьями и двойками – дробь и двойки (директор школы Хлежимурад преподавал математику).

– Дурак, кто зимой стрижет? – возмутился Зукъ очередной раз.

Видя, что друг начинает злиться, Абдул прошептал:

– Я знаю, где они у него лежат. Придется своровать.

– Ну, делай что хочешь.

Через полчаса Абдул появился, пряча подмышкой ножницы. Зукъ посмотрел по сторонам. Никого не было.

Тихим зазывным свистом он подозвал к себе ничего не подозревающую Кафтар. Собака подошла, виляя хвостом, и доверчиво легла у ног Зукъя. Он погладил ее по голове и осторожно взял за загривок.

Собака спокойно последовала с Зукъом в помещение фермы. Зукъ зажал ее голову в проеме двери и приказал Абдулу крепко держать дверь, чтобы Кафтар не выскользнула. Сам же, щелкая ножницами, принялся за дело.

Бедная Кафтар молча стояла, пока неумелый стригун пару раз не прихватил по коже. От боли Кафтар начала визжать и скулить на всю ферму. На ферме в это время никого не было. На помощь Кафтар никто не явился.

Закончив дело, Зукъ скомандовал:

– Можешь отпустить.

Напуганная до смерти Кафтар с визгом полетела вдоль по речке.

Довольный своей проникательностью Зукъ собрал все лохмотья Кафтар. Получился внушительный шматок шерсти. Снятую с Кафтар шубу Зукъ спрятал у себя под фуфайкой. Во рту у него появился ароматный вкус грушевых суар. Не то ожидание сладости, не то теплая шуба Кафтар до самого вечера грела душу и живот Зукъя.

Абдулу не терпелось полакомиться суар, а Зукъ что-то не торопился. Наконец, он понял смысл нетерпеливых взглядов друга.

– Потерпи до вечера. Как только стемнеет, пойдем.

В сумерках друзья, воровато оглядываясь, появились у желанного дома. Продавщица сурар обрадовалась очередным клиентам.

За роскошную шубу Кафтар она отвалила друзьям две полные миски сурар. Вот была радость!

Кафтар допоздна не было видно. Поздно ночью, замерзнув до смерти, она попыталась залезть под теплый тулуп, которым укрывался Бегъедайдад. Старик ударил ее костью и выгнал из шалаша. Стояли трескучие январские морозы.

Кафтар жестоко мерзла.

От безвыходности она выла по ночам, оглашая зимнее небо проклятиями в адрес Зукъа.

Ток стоял на краю старого кладбища. Жуткие рулады Кафтар пугали поздних путников. Старухи из ближайших домов думали, что это воют духи на старом кладбище, и посылали по четвергам на кладбище большие шматки халвы.

Наши герои успевали насладиться и халвой. Кафтар послала протесты до самой весны.

Три друга

В летней кухне Исы собрались его друзья Марал Хлесан и Вахид. Друзья собрались у очага, где прямо над огнем на цепочке свисал казан, в котором варился украденный где-то ягненок. По кухне уже разносился аппетитный запах молодой баранины.

Марал Хлесан то и дело поглядывал на бурдюк, свисавший с потолка в углу кухни.

– Что, не терпится? – толкнул его в бок Вахид.

– Наверное, уже сварился, – облизнул губы Хлесан.

– Вот человек, никакого терпения! – возмутился Вахид. Хотя сам нет-нет да поглядывал на бурдюк. В бурдюке было вино, которое Иса недавно привез из Дербента.

И вот друзья с нетерпением ждали, когда сварится ягненок, чтобы отведать этого «нектара» (так называл вино, хватаясь перед друзьями, Иса).

В конце концов ягненок сварился и начался настоящий пир. Густое красное вино друзья выцеживали прямо из бурдюка в глиняные пиалы. После очередных пиалок крепкого вина настроение у друзей было на уровне. Наконец, друзья начали петь, хотя петь никто из них не умел. Зато поддерживали друг друга, дружно выкрикивая слова одобрения и щелкая пальцами.

В затуманенном от выпитого мозгу Вахида созрел, как он называл, замечательный план.

Сообщив о «замечательном» плане, он вздремнул, уронив голову на грудь.

– Э-э! Что ты придумал? – толкнул его в бок Марал.

Вахид очнулся от сна, потряс головой и потянулся за пиалой с вином. Марал Хлесан вырвал из его рук пиалу и заявил:

– Сперва расскажи о своем плане.

Икая от избытка еды и выпитого вина, Вахид заплетающимся языком изложил свой план:

– Вы знаете, что в местности Арал даргинцы пасут большое стадо овец?

– Ну и что, что пасут? – не понял Иса.

– А то, друг, что завтра мы разживемся у них мясом и сыром.

– Сыром – это неплохо, – вставил Хлесан.

– Как это сделать, решим завтра на месте, – заключил Вахид.

Выпив за успех задуманного, друзья расстались, договорившись встретиться завтра в ущелье за селом.

Летний день клонился к вечеру. В ущелье за селом нещадно дымили самокрутками Иса и Вахид. Марал Хлесан почему-то задерживался. Друзья нервничали. Наконец, щуря единственным глазом, в конце ущелья появился Хлесан. Друзья слегка поругали опоздавшего и двинулись по ущелью наверх.

Когда наши герои появились на самой высокой точке местности Арал, еще было светло.

Спрятавшись за обломками скал, они детализировали свой план. Стоянка чабанов находилась в низине. С одной стороны стоянка была закрыта ребром скалы, с другой стороны проходил неглубокий овраг. Они насчитали четыре собаки.

– Наверное, очень злые, – решил Хлесан вслух.

Друзья прыснули от смеха.

– Ну, прямо очень злые, – передразнил его Иса.

Решено было близко не подходить, хотя были уверены, что кроме кинжалов у чабанов оружия нет. Собак, если кинутся на них, решили отпугнуть камнями.

Палки свои они у кончиков обмотали тувлекъями⁴¹, при лунном свете они были похожи на ружья. Хлесану вручили единственный харбукский пистолет и два патрона.

Договорились, что с появлением луны двое появятся на ребре скалы и на тюркском грозно потребуют, чтобы чабаны погрузили на осла одного барана бурдюк сыра и погнали до хребта.

– Говорить с ними буду я, – заявил Хлесан.

– Твой гундосый голос знают от Дербента до Ширвана, – захихикали друзья.

– Говорить будет Вахид, – отрезал Иса.

– А ты, Хлесан, по оврагу дойдешь вот до той расщелины.

– А с этим что делать? – показал на пистолет Хлесан.

⁴¹ Тувлекъэр – онучи, краги, обмотки на икры ног при ношении шумар или шаламар (вид традиционной обуви).

– А этим, когда я второй раз заговорю, выстрелишь в воздух, пусть думают, что нас много.

Договорившись обо всем, они легли и стали наблюдать за стоянкой. Чабаны согнали отару к месту ночевки. Рядом со стоянкой паслись два осла. Чабаны, их было четверо, разожгли костер, готовили ужин.

– У них, наверное, вкусный хинкал, – проглотил слюну Хлесан. Друзья засмеялись.

Появилась полная луна. Стоянка чабанов хорошо освещалась.

Герои начали рассредотачиваться по условленным местам. Хлесан, нагнувшись, пошел по оврагу, а Иса с Вахидом пошли в обход, чтобы взобраться на скалу.

В лунном свете на скале появилась фигура человека с ружьем, которое он держал наперевес. Залаяли собаки на стоянке. Человек заговорил на чистом тюркском языке громко:

– Эй, вы, там, на стоянке. Говорю с вами я, главарь банды. Быстро приготовьте одного барана, бурдюк сыра, погрузите их на осла и погоните вон на ту вершину, – и показал ружьем, куда погнать осла.

Чабаны разом вскочили на ноги и о чем-то оживленно начали говорить между собой.

В нескольких метрах от говорящего появилась еще одна фигура, так же с ружьем.

Первый заговорил еще более грозно:

– Долго вы там будете разговаривать? Сейчас перестреляю всех вас и ваших собак, а отару всю угоним.

В овраге за стоянкой раздался выстрел. Это возымело действие. Со стоянки раздался голос, который на плохом тюркском сообщил:

– Не стреляйте, мы сделаем, как вы хотите.

– Ну, делайте быстрее, нам некогда с вами возиться.

На стоянке пришли в движение. Один пригнал и начал седлать осла, двое начали резать барана.

Через двадцать минут один из чабанов погнал груженого осла в указанное место. Когда осел достиг вершины, Вахлид скомандовал чабану, чтобы тот вернулся на стоянку.

Осла по теневой стороне лощины сперва погнали в сторону дороги, уходившей в Табасаран, а потом на травянистом месте, чтобы не оставить следов, повернули назад.

Спускались с перевала в районе Худига.

* * *

Не доходя до села, у окрыленных успехом друзей возник еще один авантюрный план. Ферма недавно организованного худигского колхоза находилась напротив села, как раз по пути наших героев. В углу этой фермы содержались и несколько десятков колхозных кур.

– Неплохо было бы прихватить и пару курочек, – предположил Иса.

– Я люблю курятину, – добавил Хлесан.

Решение было принято быстро.

Вахлид гонит осла, а Иса с Хлесаном прихватят кур и догонят его.

Проникнув в помещение фермы, вору пробрались в закуток, где содержались куры. Слепой на один глаз Хлесан наступил на петуха, который почему-то сидел на полу. Шарахнувшись от крика петуха в сторону, он сбил насест с десятком кур. На ферме поднялся невообразимый шум. Прибежал сторож с фонарем. Наши герои спрятались в дальнем углу фермы.

Перепуганный сторож начал орать. Слышны были крики из села. Вору выбрались в маленькое окошко на краю фермы и кинулись в ячменное поле за фермой.

На поле, падая в ячмень, Хлесан повредил ячменным колосом единственный зрячий глаз. Иса выполз из ячменя и побежал вниз на речку. По речке он двинулся в сторону села и догнал Вахлида. Вахлид спросил:

– А где Марал?

Иса рассказал ему о том, что случилось. О том, как они вместе оказались на ячменном поле, а дальше он Марала не видел.

С рассветом они вошли в село. Ишака они спрятали, а ворованное делить не стали, решив дождаться друга.

С утра пораньше оба появились на годекане. Простояв там достаточное время и не дождавшись друга, направились к Исе. Выпили по пиале вина и вышли на улицу. Отсутствие Марал Хлесана уже начало их тревожить. Наконец, они решили, может, он пошел к себе домой?

Жена Хлесана сообщила друзьям, что его со вчерашнего дня нет дома.

Обеспокоенные друзья кинулись на его поиски. Нашли Марал Хлесана к вечеру в районе красных скал, далеко от Худига, куда он на ощупь добрался, не видя дороги.

Дома друзья отварили хорошую порцию баранины и взяли за вино. После нескольких пиал вина доброе сердце Марал Хлесана смягчилось и он простил друзей.

Ячменное поле, где блуждал ослепший Марал Хлесан, было истоптано как при молотье.

Друзья потом много лет подшучивали над Хлесаном, предлагая его вместо коня на молотье.

Пир влюбленных

Ворота дома Али были распахнуты с утра. В его скромной сакле никогда не собиралось столько народа. Сегодня день особенный. Вернулся из хаджа его сын Сулейман, о котором не было слышно вот уже полтора года.

Сулейман сидел на подушке в гостиной комнате, поминутно поднимаясь, чтобы встретить очередного сельчанина, приходящего поприветствовать его. Выглядел он изможденным. Труды далекой дороги оставили свой след на бледном лице

юноши. Большие черные глаза впали, под ними образовались черные круги.

Юноша с детства отличался большой набожностью и тщанием в отправлении исламских обрядов. До совершения далекого и рискованного путешествия он успел хорошо выучить Коран. Сельчане отдавали должное его познаниям Священной книги и мусульманского права. Статус хаджи теперь вызывал к нему особенное почтение сельчан. Был он немногословен, трудолюбив и необыкновенно скромен.

Была у него небольшая тайна, которую тщательно скрывал от всех. Он был страстно влюблен в красавицу Айшат – свою дальнюю родственницу, засватанную за него со дня ее рождения. И сейчас, часто отвлекаемый сельчанами, он думал только о ней. Каждый раз, когда открывалась дверь, он успевал оглядывать двор, в надежде увидеть там невесту. Айшат не было среди женщин, спящих по двору. Спросить о ней в силу своей скромности он стеснялся.

Быстро прошли три дня радости, связанной с возвращением Сулеймана-хаджи. На четвертый день Сулейман слег в горячке и несколько дней ничего не ел. Он прихватил в пустынях Аравии какую-то неизвестную здешним лекарям болезнь. Трудности пути и болезнь подтачивали здоровье юноши.

Вернуться домой помогли ему искренние мольбы к Всевышнему и любовь к Айшат. И сейчас, когда горячка отступала, он молился, тихо шевеля губами. Между молитвами он улыбался – это он мысленно общался с любимой.

Узнав о болезни, приезжали лекари со всей округи, но беспомощно разводили руками. Сулейману становилось все хуже. На двадцатый день он открыл глаза и увидел у своих ног Айшат, которая упросила мать привести ее к больному.

Сулейман неотрывно следил за каждым ее движением, удивляясь, чего она так горько плачет, размазывая слезы по красивому лицу. Говорить он уже не мог. Как Айшат ушла, он опять впал в горячку.

На рассвете следующего дня он неожиданно пришел в себя и начал что-то шептать. Отец нагнулся над Сулейманом, пытаясь понять, что он шепчет.

Вдруг он выпрямился и в тяжелых рыданиях свалился на Сулеймана, который читал «Ясин»⁴².

С первыми лучами солнца, осветившего вершину Хулан кил, жизнь покинула Сулеймана-хаджи. Последним словом, которое он произнес, было «Айшат».

Весть о кончине Сулеймана-хаджи быстро облетела село.

Айшат, которая прибежала первой, в глухих рыданиях свалилась у ног любимого. Когда собралось много народа, она безумными глазами глядела на людей, хватала за их руки и о чем-то просила. В шуме рыданий никто не слышал, что она говорила. Одна старуха вывела обезумевшую от горя девушку и услышала, что она повторяет одно и то же.

– Похороните его вот там, чтобы я могла видеть хотя бы его могилу. – Она жестом показала на небольшое поле Тулакь напротив села.

Старуха сделала доброе дело, уговорив сельского муллу выполнить просьбу несчастной невесты рано ушедшего праведника. После обеденного намаза Сулеймана-хаджи при большом стечении народа похоронили напротив села.

Но этим дело не кончилось. От тяжелого стресса впала в беспамятство Айшат. На пятый день она пришла в себя, но ничего не говорила. На просьбы матери поесть чего-нибудь она глядела в окно, откуда была видна могила Сулеймана, и беззвучно рыдала. Она начала сохнуть на глазах и на тридцатый день тихо умерла. Ее похоронили рядом с Сулейманом. Так в Тулакье появились две свежие могилы. Года два в селе-нии ходили слухи, что многие по ночам видят на этих могилах какое-то свечение.

⁴² «Ясин» – сура из Корана, которую читают у изголовья умирающего.

Затем нашелся добрый человек, который возвел над двумя этими могилами мавзолеей.

Случилось это в незапамятные времена. Проходя мимо, люди читают перед этим местом молитвы и тихо идут по своим делам.

Легенда это или быль, не берусь судить. Я рассказал только то, что в далеком детстве мне рассказывала бабушка. От себя добавил только имена влюбленных. Каюсь! Забыл настоящие.

В последующие столетия рядом с пиром появилось несколько могил. И называют эти могилы Целеларин некъвар⁴³.

Наверное, герои наши происходили из этого рода.

Старая обида

Голодно было в селе. Шла война. Люди с трудом перебивались с хлеба на воду, особенно зимой. Летом можно было как-то утолить голод съедобными травами, которые в изобилии произрастают в горах. С наступлением лета мать решила определиться Абдулмажида к чабанам.

Абдулмажид был младшим в многодетной семье. Такая перспектива с радостью была воспринята мальчишкой. Вот уже несколько дней он жил с чабанами. Днем подгонял овец во время дойки, а в другое время то пас ягнят, то выполнял разные поручения чабанов.

От чего-то мальчика с первого дня невзлюбил Мустафа, один из чабанов. Это почувствовал и Абдулмажид, который с особенным рвением старался выполнить требования Мустафы.

⁴³ Целеларин некъвар – могилы рода Целелар.

Отношение к нему чабана, который решил отослать мальчика в село, становилось все сложнее. Вот сегодня Мустафа первый пришел на стоянку, отбросил тяжелую, толстую палку, которую с грохотом тащил за собой, как бревно, повесил на къяйтугь⁴⁴ сумку и начал искать, как бы и к чему придраться.

Обводя взглядом стоянку, заметив, что все стоит на своих местах, он из-под бровей посмотрел на мальчика и буркнул:

– Что, тяжело за водой сбежать?

Подняв каменную плитку, которая закрывала ведро, Абдулмажид робко произнес:

– Есть же вода, дядя Мустафа.

– Вылей эту воду, принеси свежую.

Делать было нечего. Абдулмажид вылил воду, которую недавно с трудом дотащил до стоянки, и побежал в сторону родника.

Когда мальчик отбежал шагов двадцать от стоянки, Мустафа крикнул:

– Эй, куда ты с одним ведром?

Абдулмажид вернулся, схватил второе ведро и побежал назад. Отпустив на этот раз немного дальше, опять прозвучал суровый оклик:

– Ну куда опять с двумя ведрами?

Абдулмажид в недоумении смотрел на чабана. Вытянув вперед обе руки, занятые ведрами, он говорит:

– Дядя Мустафа, у меня две руки, вот я несу два ведра.

– А третье не можешь нести?

– А третье, что, в зубах нести?

– Если третье ведро в зубах не можешь нести, ты нам здесь не нужен, – с расстановкой изрек Мустафа.

Приговор чабана был суровым, но мальчишке ничего не оставалось делать. Отменить это решение никто не мог.

⁴⁴ Къяйтугь – большое суковатое бревно, использовавшееся в качестве вешалки на чабанской стоянке.

Абдулмажид поставил ведра на место и, опустив голову, уныло двинулся в сторону села. На глаза мальчика навернулись слезы, но их никто не мог видеть.

Вечером мальчишка со слезами рассказывал матери о своей беде. Матери стало жалко Абдулмажида, она обняла его и сказала:

– Ничего, сынок, проживем как-нибудь.

* * *

Шли годы. Абдулмажид вырос, окончил школу. Чабанов с их баранами и собаками он не любил. Окончив медицинское училище, стал сельским фельдшером. Лечил людей и отличался веселым нравом. В селе его уважали и звали доктором, но обиды, нанесенной в детстве, он не забыл.

И вот однажды, зимним вечером, в узкую дверь сельского медицинского пункта боком затиснулась узловатая большая фигура дяди Мустафы.

Абдулмажид быстро вскочил и подчеркнуто вежливо поприветствовал старика:

– Что пожаловал, уважаемый дядя Мустафа?

– Да вот болею, плохо мне.

– Я тебя, дядя Мустафа, мигом вылечу.

Усадив старика на свой стул, Абдулмажид быстро выяснил, что у старика высокая температура. Прослушав легкие, он определил, что воспаления, слава Богу, нет. Значит, старик простудился, но дело еще исправимо. Набрав хорошую дозу жаропонижающего препарата с обезболивающим эффектом, несмотря на протесты старика, Абдулмажид ввел ему в ягодицу.

По мере впрыскивания лекарства в ягодицу старика у Абдулмажида возник мгновенный план мести.

Усадив опять старика, нарочно гремя инструментами, подобрал три шприца побольше диаметром и расположил их на белой скатерти стола.

Зловещие иглы трех невероятных размеров шприцов глядели на дядю Мустафу.

– Так! – произнес Абдулмажид, с подозрительной усмешкой уставившись на старика. Старик начал беспокойно озираться на шприцы.

Абдулмажид, делая вид, что занят серьезным делом, поставил рядом со шприцами три большие склянки с какими-то растворами.

– Ну, что, дядя Мустафа, сколько воды я должен был принести, когда мы чабанили?

– Когда это ты со мной чабанил? – возмутился Мустафа.

– Как это не помнишь, как ты заставлял меня разом принести три ведра воды?

Доктор не успел отвернуться, чтобы спрятать улыбку, как старик пулей вылетел из медицинского пункта. Долго хохотал Абдулмажид, хлопая себя по коленям.

Прибежав домой, дядя Мустафа укрылся тулупом и лег рядом с печкой. Под действием введенного препарата жар спал и старик заснул. По лицу его блуждала улыбка. Снился ему счастливый сон: светит солнце, он лежит в цветах у своей чабанской стоянки, а Абдулмажид тащит три ведра воды – два в руках, а одно в зубах.

Прямо под старой башней стоял дом Іалин Байрана. Байран давно переселился в Дербент. Дом стоял заброшенный. Крыша вся обвалилась. Лестница, поднимающаяся на жилой этаж, была разобрана. Зато сараи сохранились и стали местом игр ребятни. В самом углу крайнего сарая располагался узкий вход в склеп. Этот склеп и был основанием старой башни.

В этот склеп редко кто из ребят осмеливался зайти. Говорили, что там живет рукъан даги.

В сараях этого дома устроили свой, так называемый штаб, два известных на весь аул хулигана Зукъ и Бажа. Вот сегодня, под вечер, с большими осторожностями, чтобы не нарваться на старого Хаджи-баба, у которого летом своровали полный улей душистого меда, они шмыгнули во двор.

Ребятню, игравшую в прятки, друзья пинками собрали во дворе. Зукъ обратился к играющим с короткой речью:

– Вы что здесь ерундой занимаетесь? Что, не знаете, что до хьидин ъуш⁴⁶ осталось совсем немного времени. Ребята на тех улицах уже начали собирать материал для костра, а у вас что есть?

Село в таких случаях условно делили на две части, ровно посередине, границей служила турариг⁴⁷. Все, кто жил по ту сторону турариг¹, назывались те мехлелар⁴⁸.

Часто в день первой борозды в селе зажигали два костра в разных местах. Шло негласное соревнование, чей костер будет больше. Это ребята знали и быстро загорелись идеей начать собирать материал для костра.

В костер шло все, что горит.

⁴⁵ Рукъан даги – (агульск.) железный осел.

⁴⁶ Хьидин ъуш – (агульск. букв. весенняя ночь) праздник прихода весны.

⁴⁷ Турариг¹ – узкая улица в Кураге.

⁴⁸ Те мехлелар – (агульск.) те улицы, живущие на тех улицах.

Зукъ объявил, что с сегодняшнего дня создается отряд нашей стороны села. Себя и своего друга Бажу с молчаливого согласия ребят объявил «командирами». Попробуй что-нибудь сказать!

– Все, что соберете, вечером приносите сюда, – скомандовал Зукъ.

Всем, кто хочет войти в отряд, было предложено изготовить шашки из толстой проволоки. На следующий день был назначен смотр шашек.

Только что организованный отряд начал собирать материалы для костра. В результате не одна зазевавшаяся бабушка в селе лишилась своих последних галош. Особо у организаторов костра ценились старые автомобильные шины. В результате то в одном, то в другом дворе начали пропадать кормушки из резаных шин.

На следующий день Зукъ явился с шашкой громадных размеров из проволоки-сотки. Худая фуфайка командира была подпоясана куском веревки, через которую командир пропустил шашку, с шумом ползущую по земле. Шашка Бажи ничем не уступала шашке друга.

Прохаживаясь перед ребятами с шашечками из тонкой алюминиевой проволоки, командиры мнили себя если не чингисханами, то надиршахами точно.

Собранные старушечьи галоши и кормушки командиры сложили в жилище рукъан даги, куда детвора боялась даже приблизиться. На следующий день командиры стащили со двора колхозной фермы пару кормушек. По поводу этого случился большой скандал, устроенный дядей Махаем – заведующим фермой.

Костер обещал быть грандиозным. Вечером командиры удивили ребят, уверявших, что кормушек больше нет, своим уловом.

Строго-настрога предупредив ребят о том, чтобы никто не говорил об этих делах, командиры схватили по кормушке и двинулись в жилище рукъан даги.

Только оба оказались в склепе, раздался такой жуткий рев, усиливаемый низкими сводами, что онемевшие от животного страха командиры упали на кучу галош. Вырывающийся из низкого входа в склеп ужасный крик отражался от стен развалин эхом. Этот ор усиливался воплями ужаса детей, заметавшихся по двору. Отцы-командиры, сметая на пути обезумевшую от страха чумазую гвардию, вырвались на улицу. Шашка «Надир-шаха» запуталась в ногах, и Зукь растянулся прямо у ворот. Не замечая боли, он вскочил на ноги и бежал прочь, обгоняя свой бегущий в панике отряд.

А случилось вот что. Утром того злополучного дня дядя Базиклай Рамазан, живший рядом со старой башней, поймал на улице осла из соседнего села. Намереваясь на следующий день вывозить на осле золу на свой участок, он закрыл его в склепе – жилище рукьян даги. О своем намерении он, естественно, никому не сказал.

Когда наши герои оказались в склепе, голодный осел во все свое ослиное горло заорал, требуя еды.

А праздничный костер тот получился на славу.

Зукь и Бажа ходили, вооруженные грозными шашками, вокруг костра. С тех улиц (те мехлелар) к костру никто не был допущен.

Умное животное

Кух и Лал давно промышляли кражей скота. Оба были довольны собой и своими занятиями. Кража скота в то время считалась удастью и достойным для джигита делом. Как сошлись на этом деле, стали вести себя несколько обособленно от остальных сельчан. Даже на годекане, куда они приходили, чтобы разузнать где-что угнать, садились отдельно.

Сельчане знали об их делах, но никакие увещевания стариков на них не действовали. Иногда, после удачных дел, они даже хвастались перед молодежью.

Давно у них не было серьезных дел. Стояла зима. Бараны были худые, а крупный скот держали в сараях под домами. Все, что можно своровать по всему Кушандере, они еще с осени зарезали, высушили или перегнали в Табасаран через перевал.

Кух долго думал, где бы разжиться. Наконец, он придумал, как выяснить, где найти корову или быка, которых можно украсть. На следующий день, встретив мужчину из соседнего села, он спросил:

– Слушай, у вас в селении никто не продает корову или быка?

– Зачем тебе вдруг понадобились быки-коровы? – подозрительно посмотрел мужчина на Куха.

– Понимаешь, хочу хайрат⁴⁹ раздать сельчанам за отца, – нашелся Кух.

– Зачем хайрат раздавать зимой?

– Отец умер зимой. Вот приснился ночью. Скотина у меня худая.

– Ну раз уж так, ясно, – понимающе кивнул мужчина.

Поняв сложность ситуации, в которую попал Кух, мужчина подсказал ему, что у некоего Магомеда имеется жирная телка. Обрадовавшись, Кух от всего сердца благодарил мужчину.

Кто хозяин телки, он понял сразу, хотя придуривался перед женщиной, что не знает, о ком идет речь. Чужие сараи и скотные дворы по всему Кушандере он знал лучше, чем свое хозяйство.

Только попрощался с женщиной, Кух побежал к своему поделнику.

У ворот Лала друзья долго шушукались. Проходивший мимо старик недовольно проворчал:

⁴⁹ Хайрат – милостыня, раздаваемая на помин душ умерших

– Интересно, что задумывают два угъраша⁵⁰?

Договорившись встретиться ночью за селом, Кух догнал старика и начал необыкновенно вежливо интересоваться его здоровьем.

– Вряд ли тебя так волнует мое здоровье, Кух, – покачал головой старик. – А вот интересно, что ты замышляешь?

– Чего я замышляю? Ничего не замышляю. Даже здоровьем поинтересоваться нельзя, – недовольно проворчал Кух и побрел домой.

Дома он заштопал старые чарыки, наточил кинжал, который с осени не трогал, и весь вечер суетился. На вопрос жены: «Куда он собрался?» – ответил: «Никуда, что, я не могу свои вещи в порядок приводить?»

Поздно ночью друзья встретились на кладбище, за селом. Ночь выдалась темная, луны не было видно. Это им и было нужно.

До соседнего села они добрались быстро. Расположившись на скале, напротив села, они долго наблюдали за селом.

Дом, куда они должны были попасть, Кух безошибочно определил. В маленьком окне этого дома тускло горела керосиновая лампа. Несмотря на позднюю ночь в некоторых домах тоже горел свет. Наконец, в нужном им доме потушили свет. Потихоньку погасли лампы и в других домах. Село погрузилось в темноту.

Лал предложил еще часок подождать, чтобы люди крепко заснули. После полуночи по узкой улице села заскользили две тени. Только в одном дворе лениво гавкнула собака и замолчала. Такой беззлобный лай не мог никого тревожить.

Воры спокойно добрались до ворот интересующего их сарая. Кух начал, пыхтя от напряжения, возиться с каменным засовом. Через короткое время засов с глухим стуком уступил

⁵⁰ Угъраш – негодник.

опытному вору. Дверь с тихим скрипом открылась, и Кух проскользнул в сарай. Лал засунул голову и шепотом спросил:

- Мне зайти?
- Не надо, оставайся на улице.
- Смотри не ошибись.
- Не учи, первый раз, что ли?

Кух наощупь двигался в темноте. Вдруг он наткнулся на животное. Опытная рука машинально начала щупать бока животного. Схватив за крутую ляжку, он отметил – очень жирная. Добравшись до шеи, понял, что она не привязана.

Кух молча толкнул животное в сторону выхода. Чувствуя открытые двери, оно спокойно вышло на улицу. Вслед за ним появился и обрадованный мирным поведением животного Кух.

У дверей он прошептал другу:

- Ты иди впереди, я буду подгонять.
- Понял, иду, – прошептал Лал.

В таком порядке процессия тихо покинула село. Друзья чувствовали, как что-то темное, цокая копытами, послушно идет между ними. В темноте ничего не было видно.

Проходя через узкий мост на краю села, Кух похвастался:

– Знаешь, Лал, какая жирная телка? Смотри, как спокойно идет, умное животное.

Они гуськом без шума поднялись по узкой тропинке за селом. Оказавшись на почтительном расстоянии от села, наши герои начали вслух обсуждать, как они будут резать телку.

Преодолев очередной подъем, Кух, идущий сзади, заметил на фоне светлеющего неба, как странно шевелятся рога у ворованной телки. Пораженный увиденным, он прошел еще несколько шагов и крикнул:

– Лал, останови-ка телку.

Лал, испугавшись схватился за рукоятку кинжала.

– Что случилось?

Кух, добравшись до ушей «умного животного», разразился сильнейшим матом.

– Оказывается, он в темноте не разобрался – своровал осла. Когда запас ругательств Куха был исчерпан, Лал съехидничал: – Вот тебе, не учи, первый раз, что ли?

Это окончательно вывело из себя и так несдержанного Куха. Друзья чуть не сцепились на кинжалах.

Осла повернули назад и пару раз ударили палкой. Обрадованный, что никакой работы не предстоит, осел галопом почмался в сторону родного сарая.

Злые и замерзшие за долгую зимнюю ночь незадачливые воры к рассвету вернулись в село.

Вот так тоже бывает.

Пир у дороги

Осень в этом году выдалась теплой. Стояли последние дни сентября. Полевые работы только что закончились. Сельчане завершили осенний сев. Многие мужчины целыми днями пропадали на годекане. Все сельские токи были заполнены свеженной с полей соломой.

Жаркие дни наступили для Базагая, который владел мельницей у въезда в село. Хотя в селе имелось семь мельниц, в каждой из них надо было выждать несколько дней очереди. Рожь и ячмень последнего урожая свозили к мельницам и из соседних сел.

Базагай уже несколько дней не уходил из мельницы. Забот у него хватало. Надо было следить за несложным механизмом водяной мельницы и по несколько раз за день поправлять канавку. По скорости жернова он определял, что канавку где-то прорвало. Увидев, что жернов замедлил ход, Базагай весь белый от мучной пыли быстрым шагом двигался от мельницы до водозабора.

И вот сегодня, возвращаясь после очередного ремонта канавы, он заметил, что по речке в сторону мельницы движется человек. Базагай остановился на пороге мельницы и начал стряхивать мучную пыль со старой залатанной во многих местах чухи и брюк из овчинной кожи.

Незнакомец еле передвигал ноги. На его бледном лице выделялись глубоко запавшие черные глаза. Подойдя к Базагаю, он тихо поприветствовал его. Базагай заметил капли пота на его лице и понял, что человек этот смертельно болен и еле держится на ногах.

Он стоял, опираясь на палку, и что-то тихо говорил. Слов его невозможно было разобрать. Базагай успел его подхватить, не дав упасть. Без чувств он затащил его в мельницу, положил на свой лежак из соломы и укрыл тулупом.

Через некоторое время путник пришел в себя и попросил воды. Отпив немного воды из глиняной чаши, он отдышался и тихо заговорил. Базагай понял только то, что его послал Аллах или он идет по пути Аллаха, и что зовут его Бари.

Поняв, что Базагай его не понимает, Бари начал шептать молитвы.

В очередной раз, восстанавливая злополучную канаву, Базагай услышал крики со стороны села. Небо над селом заволкло дымом, который густыми космами разносило в разные стороны поднявшимся сильным ветром, поминутно менявшим направление. Базагай понял, что горят сельские токи. Нетрудно было догадаться, что при таком ветре сгорит все село. Встревоженный Базагай забежал в мельницу.

Бари взглядом больших черных глаз спросил: «Что случилось?» Базагай, сбиваясь, начал торопливо объяснять, что горит село. Бари жестом попросил помочь ему выйти. Базагай, взяв под руки, помог еще слабому гостю выбраться из узкой двери мельницы. Отойдя немного от мельницы, Бари высвободил руку и самостоятельно сделал несколько шагов в сторону села.

На ровном месте он остановился и быстро скинул с себя чуха и остался в одной нательной рубашке. Чуха он аккуратно постелил в направлении села и, став на него, начал молиться, часто опускаясь на колени и преклоняя голову.

Базагай, в изумлении глядевший на происходящее, заметил, как над ицимом⁵¹ появилась черная грозовая туча и начала продвигаться в сторону села. Прямо над селом она остановилась. Вдруг раздался гром, ударила молния и полил такой силы ливень, что никто не помнил такого. За какие-то минуты ливень потушил огонь, горевший во многих концах села.

Грозовая туча так же быстро, как появилась, исчезла. Снова засветило осеннее солнце.

Пораженный происходящим, Базай не заметил, как Бари упал. Когда он подбежал, тот лежал на своем чуха без чувств.

Второй раз он затащил его в мельницу. На этот раз он положил его на лежак с волнением и заботливо укрыл тулупом. Трясущимися руками он развел огонь в небольшом очажке и долго сидел на корточках, глядя на своего незваного гостя. Жернов не крутился, поднявшаяся после ливня река смыла канаву у водозабора.

Базагай заспешил в село. У мечети толпился народ. Запыхавшийся, он подбежал к мулле, который стоял на коленях и шептал молитвы. С трудом ему удалось объяснить, что у него в мельнице святой, вызвавший ливень. Люди, слушающие Базагаю, изумленно качали головами. Действительно, ливень прошел только на территории села.

Несколько человек отправились на мельницу вместе с Базагаем. Не доходя до мельницы мулла остановился около чуха⁵², на которой молился Бари и которая осталась на месте.

⁵¹ Ицима – грозовой перевал на оконечности Кушандере.

⁵² Чуха – черкеска, разновидность верхней одежды из домотканой шерстяной материи.

В мельнице пришедшие увидели молодого человека, который уже с трудом дышал. Сельский лекарь, пощупав его, покачал головой. Мулла начал читать «Ясин». Больной открыл глаза, легкая улыбка осветила его красивое, молодое лицо.

Он ничего не произнес, жизнь покинула его. На расспросы муллы Базагай объяснил, что зовут его Бари.

– А что, он больше ничего не сказал? – вспыхнул мулла.

– Он сказал, не то идет к Аллаху, не то идет по пути Аллаха, я больше ничего не понял, – ответил Базагай.

– По пути Аллаха, – повторил мулла и громко крикнул: – Фатиха!

Все стоящие прочитали «Альхам».

Тело Бари в тот же день было перенесено в сельскую мечеть. После омовения и облачения в саван мулла принял решение похоронить его на том месте, где путник совершил свою последнюю молитву, которая отвела от села беду.

Благодарные сельчане возвели над могилой святого мавзолей, который много столетий стоит у дороги. Редко кто знает эту историю, но у этой могилы все останавливаются и читают «Альхам». Когда это произошло, тоже никто не знает. Я решил пересказать то, что знаю сам. Пир там действительно стоит, а от мельницы не осталось и следа, но она там была. Мельника я придумал сам. Если есть мельница, значит был и мельник, а как его звали – какая разница. Пусть будет Базагай.

Мавзолей в наши дни отреставрировал уроженец села Магомед Маллаев.

Превратности судьбы

Несколько лет тому назад мне пришлось навестить в огинской больнице старуху – сельчанку. Мне сообщили, что женщине больше 90 лет. Поэтому ожидал, что увижу немощную старушку, которая вряд ли поймет, кто к ней пришел. К моему удивлению, женщина, как только услышала мое имя, узнала, кто я, и начала по порядку спрашивать всех родственников, близких и дальних.

Дождавшись, когда закончится поток вопросов, я спросил у нее о здоровье.

– А что здоровье? Я прожила долгую жизнь, но вот в последнее время болят суставы и тяжело дышать. В больнице мне стало лучше, – ответила она и начала хвалить врачей, которые очень внимательно к ней относятся.

Я обратил внимание, что старуха говорит с сильным табасаранским акцентом. Зовут ее Фатимат. Почему зовут? Да потому, что она еще жива.

Пораженный ясностью ума старой женщины, я поинтересовался у нее:

– Тетя Фатимат, как получилось, что вы вышли замуж за табасаранца?

Старуха на минуту закрыла глаза. Когда она открыла их, я заметил в них легкую грусть. Тяжело вздохнув, она произнесла:

– Судьба, сынок. Я еще не родилась, когда меня засватали...

Начало было интригующее, и я придвинул стул поближе к тете Фатимат.

* * *

Стояло жаркое лето 1917 года. В горах было беспокойно. На сельском годекане разговоры велись только о том, что в Петербурге уже нет пачагья⁵³. «Он отказался быть пачагьом»,

⁵³ Пачагь – царь.

– рассказывал Рамазан, недавно вернувшийся из Баку. Седобородый старик не верил этому. Как можно отказаться от того, чтобы быть пачагьом?

– Может, пачагь Никлалай в Баку с тобой будет ездить? – съязвил старый Махмуд, выставив седую бороду.

– Не хотите не верьте, – разозлился Рамазан и отошел в сторону.

– Рассказывают, волка попросили попасти ягнят, но он, верите, говорят, наотрез отказался. Как мол я с ними управлюсь? – хихикнул Мустафа, выпуская густую порцию махорочного дыма. – Это точно про твоего Никлалая, – добавил он, направляя самокрутку в сторону Рамазана.

Зная, что его сейчас поднимут на смех, Рамазан махнул рукой и двинулся в сторону дома.

На годекане еще долго смеялись над тем, что сказал Рамазан. Так мужчины коротали дни. Страда летняя еще не наступила.

В самом начале лета Курбан женился. Женился он по любви, и жили они с молодой женой душа в душу. Ничто не предвещало беды. Но вот в одно ясное утро Сусан, встревоженная, забежала домой и начала будить Курбана. Сонный Курбан сел на постели, с трудом открыл глаза и спросил:

– Ну что так рано будишь?

– У наших ворот лежит убитая собака, – шепотом сказала Сусан.

– Какая собака?

– Убитая собака.

– У нас нет собаки.

– Да не наша, чужая собака.

Курбан окончательно проснулся и, торопясь, начал одеваться. Накинув нательную рубашку, он выбежал во двор. У ворот действительно лежала убитая соседская собака. Видно было, что собаку убили где-то в другом месте. Кровавый след свидетельствовал о том, что собаку тащили к воротам.

Бледный, как полотно, Курбан стоял над трупом собаки и терялся в догадках. Кому это было нужно? Он никому плохого не сделал. Почему собаку подкинули к его воротам?

Ответов на вопросы не было, он нервничал. В конце концов труп собаки оттащили и выкинули за селом.

Курбан не находил себе места. Все ходил по двору. Наконец, к обеду зашел его сосед. Глядя в глаза Курбану, он заговорщически тихо произнес:

– Думай, что хочешь, но я знаю – это сделал Нахуш.

– Как?! – вырвалось у Курбана. – Я ведь ему ничего плохого не сделал.

– Что ты сделал, я не знаю, но уверен, что собаку подбросил он, – пробормотал сосед и ушел.

Заговорщический тон и уверенность соседа распалили Курбана. В порыве гнева он ничего не видел. Схватив со стены кинжал, он бросился к дому Нахуша.

Оказавшись у ворот Нахуша, Курбан начал орать.

– Подлый трус! Дохлых собак подбрасывать к чужим воротам много храбрости не надо, выходи к своим воротам! – И дальше разразился грубой бранью. От злости он не помнил, что орал. На его крики собрались женщины. Это еще больше распалило его гнев.

Нахуш только успел выйти из ворот, Курбан бросился на него.

Ничего не понимающий Нахуш оттолкнул Курбана. Его тоже заряжал грубый тон разъяренного Курбана. Попытки узнать, в чем дело, не увенчались успехом. Курбан, изрыгая потоки брани, только кидался на него. Когда Курбан очередной раз кинулся на него, Нахуш схватил его за грудки и начал требовать объяснений.

Доведенный гневом до безумия, Курбан его не слышал. Кинжал глубоко вонзился в живот Нахуша. С тихим стоном, поливая кровью плиты перед порогом своего дома, Нахуш упал.

Женские крики вернули Курбана к действительности. Размахивая окровавленным кинжалом, быстрым шагом он ушел к себе. Он еще не осознавал того, что произошло.

Во дворе появился старик, который одной рукой придерживая тулуп, другой рукой тряс Курбана:

– Что же ты наделал, угъраш? Быстро уйди из села, а то сделаешь еще бед.

– Уйти из села? Куда? – не приходил в себя Курбан.

Ярость, которая с утра кипела в нем, ушла куда-то. Пришла усталость. Старик буквально вытолкнул его с его же двора.

Осознание реальности вернулось к нему далеко за селом. Курбан начал понимать весь ужас того, что натворил.

На следующий день в окрестностях табасаранского села, куда случайно приبلудился, наш герой встретил человека. Курбан неплохо владел табасаранским языком. Это помогло ему быстро разговорить путника. Оказывается, недалеко находилось село Чилик, а зовут человека Мурадхан. На вопрос Мурадхана, куда он идет? – Курбан развел руками и не ответил. Он в самом деле не знал, куда идет. Этот вопрос до сих пор он себе не задавал. И вдруг задумался: в самом деле, куда я иду?

Странное поведение Курбана насторожило Мурадхана. Он не стал задавать вопросы и предложил отобедать с ним. Они были примерно одного возраста и через минуту расположились у родника.

Мурадхан вытащил из сумки большой кусок толстого табасаранского хлеба и разломил его на два равных куска. Точно так же он поделил и брынзу. Запивая холодной родниковой водой, они молча ели. Здорово проголодавшийся Курбан с удовольствием отобедал. Поблагодарив Мурадхана, он умылся и сел на большую каменную плиту, закрывающую родник.

Мурадхан, молча наблюдавший за ним, наконец заговорил:

– Ну, Курбан, теперь расскажи, что с тобой произошло и куда ты направляешься.

Миролюбивый тон и спокойствие Мурадхана располагали к откровенности.

Курбан некоторое время молчал, низко опустив голову и думая о своем. Наконец, он поднял голову и, глядя в глаза только что приобретенного друга, произнес:

– Я из Курага, там убил человека и ушел из села. Куда идти, не знаю. Сюда пришел случайно. Надо было куда-то идти. Вот и шел...

Немного помолчав, думая об услышанном, Мурадхан спросил:

– У тебя есть кунаки в этих селах?

– Никого у меня здесь нет, – последовал ответ.

– Значит, я буду твоим кунаком и проживешь пока у меня. А там что-нибудь придумаем.

Вот так запросто завязалась крепкая мужская дружба, которая потом перешла в родство.

Маленькое табасаранское село, куда вечером Мурадхан привел своего кунака, находится на отшибе и посторонние люди там появляются очень редко. Словом, место для человека, находящегося в положении Курбана, идеальное. Это обстоятельство наш беглец очень быстро оценил. Он понял, что село это находится в стороне от больших дорог. Тем более никаких связей с этим селом ни у него, ни у его родственников не было. Значит, искать его здесь никто не станет.

Курбан понимал, что долго находиться здесь в положении гостя просто неприлично. Об этих своих мыслях через несколько дней он поведал Мурадхану. Дружба между ними крепла с каждым днем. Мурадхан был настоящим горцем и высоко ценил мужскую дружбу и куначество. Похлопав по плечу Курбана, он сказал:

– Не переживай, брат. Вечером поговорим с отцом. Послушаем, что посоветует.

Когда друзья пришли к старику, тот сидел у очага, перебирая четки. Молодые люди, поприветствовав старшего,

стояли, ожидая его разрешения сесть. Наконец, старик жестом показал им на них, расположенные напротив него. Друзья устроились на тюфяках, аккуратно подвернув ноги. Выждав положенное время, Мурадхан слегка толкнул Курбана, что не ускользнуло от орлиного взгляда старика.

Курбан нерешительно начал:

– Халу⁵⁴, я пришел спросить вашего совета.

Старик ждал этого визита и поинтересовался в свою очередь:

– Что же ты хочешь от меня услышать, сынок?

Курбан замаялся и невнятно пробормотал:

– У меня такое положение, но оно не может продолжаться бесконечно долго. Не знаю, как мне быть...

– Положение твое незавидное, – ответил старик и добавил: – Такие дела быстро не делаются, сынок, много чего тебе еще придется пережить. Но пока еще рано что-то предпринимать. Когда будет нужно что-то делать, я тебе скажу.

Старик был настоящим дипломатом и хорошо разбирался в такого рода делах.

Прошло несколько месяцев. Курбан чем мог помогал Мурадхану, но такая неопределенность томила его. И вот однажды, в середине осени, старик позвал к себе Мурадхана и Курбана. Подробно расспросив Курбана о родственниках, он сказал, что завтра он поедет в Кураг и выяснит, как там обстоят дела. Молодых людей он попросил, чтобы с утра пораньше привели и оседлали его коня.

Друзья хором заговорили:

– Мы тоже поедem с тобой.

Старик сурово посмотрел на них и отрезал:

– Никуда вы не поедете.

Им ничего не оставалось делать, как смириться.

⁵⁴ Халу – (табасаранск.) почтительное обращение к старшему, дядя.

С утра иноходец старика оседланный стоял у ворот и нетерпеливо грыз удила, чувствуя дальнюю дорогу. Наконец, вышел из дома старик, проверил подпруги, похлопал коня по шее. Мурадхан и Курбан помогли ему сесть в седло и пожелали вернуться с хорошими вестями.

– Дай-то Аллах, – промолвил старик и ударил коня запятками. Заждавшийся конь резко тронулся по улице.

Друзья смотрели вслед, пока фигура всадника не исчезла за первым поворотом. Три дня, пока не было старика, показались Курбану бесконечно долгими.

* * *

К отцу Курбана поздним вечером постучались. Старик, не спрашивая кто, поторопился к воротам. У ворот стоял почтенного возраста человек. Одет он был по-походному в легкую чуха и держал поводья коня, который фыркал и переступал с ноги на ногу.

После коротких приветствий кунака пригласили в дом. Этикет обе стороны знали. Приезжему дали умыться и посадили в кунацкой комнате на подушки. Сняв верхнюю одежду, он совершил вечерний намаз. На немой вопрос хозяина он назвал, кто он и откуда. О цели приезда гость ни словом не обмолвился. Хозяин, соблюдая правила приличия, не спрашивал его об этом.

В доме ощущалось настроение какой-то беды. Все были одеты в черное, говорили тихо, не улыбались. Наконец, гость спросил:

– У вас, что, кто-то умер недавно?

Хозяин опустил голову и надолго замолчал. Когда молчание стало неприлично долгим. Он поднял голову и с горечью проговорил:

– Мой сын – уграш, убил невинного человека и убежал из села, уже несколько месяцев не знаем, где он.

– Как убил невинного? – насторожился гость.

– Оказывается, убитый не был виноват, а мой уграш не разобрался и убил его.

– Это плохо.

Нависла тишина.

После ужина, когда все домашние разбрелись по своим делам, гость осторожно завел разговор о деле.

– Курбан находится у меня, и пока он в безопасности.

Обрадованный отец поднялся на колени и крепко пожал руку гостю.

– Это единственная приятная весть, которую я услышал за последние месяцы.

– Ну как вы пытаетесь примириться со стороной убитого?

– Пока безуспешно, особенно неуступчивы мать и жена убитого.

– А как же мужчины?

– А с мужчинами относительная договоренность с помощью сельских старейшин вроде достигнута, но мужчин женщины заводят быстро.

– А как с диатом⁵⁵?

– Пришлось продать дом Курбана и всю его скотину, надо будет еще кое-что отдать.

– А что, они такие жадные?

– Не в жадности дело. Двое детей остались сиротами.

– Понимаю, понимаю...

После долгого молчания гость заговорил:

– Значит, вернуться в село Курбану пока нельзя?

– Пока рано, пусть пройдет время и родственники успокоятся.

– А что его жена? Может, я заберу ее с собой?

– Нельзя ее забирать. Я дал слово на Коране, что не знаю, где Курбан. Если она уедет, подумают, что я обманываю. Это осложнит переговоры. Да и беременна она. Куда ее забирать?

⁵⁵ Диат – штраф за пролитую кровь в пользу родственников убитого.

– Курбан же не знает, что жена беременна?

– Вряд ли знает. Мы сами недавно узнали.

Погостив у новых кунаков еще один день, старик собрался в дорогу.

Курбана до глубины души растрогало сообщенное стариком.

– Как невинного? – воскликнул он, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

– Да, сынок, погорячился ты. Отец твой зря говорить не будет. Видно, выяснил, что к чему.

Курбан сидел, еще ниже опустил голову. Все молчали. Вдруг старик улыбнулся в бороду и сказал:

– А теперь приятное – твоя жена ждет ребенка.

До Курбана, сидящего в глубоком раздумье, не дошел смысл сказанного.

Его вывел из этого состояния восклик Мурадхана, ударившего по плечу:

– Вот здорово!

Старик, сославшись на усталость, потребовал, чтобы его оставили в покое.

Выйдя от отца, Мурадхан толкнул Курбана в бок:

– Что такой невеселый? Эту радостную весть надо отметить!

Он затащил друга в свою комнату, достал большую глиняную посудину с бужой и начался пир.

Тут и был заключен судьбоносный для тети Фатимат договор. Жена Мурадхана тоже ходила на последних месяцах беременности. Поднимая очередной тост, Мурадхан таинственно улыбнулся и сказал:

– Дорогой мой друг, у нас у обеих жены скоро должны родить. Давай договоримся так: если у нас родятся однополые дети, то пусть они будут братьями или сестрами, а если вдруг родятся девочка и мальчик, то мы их поженим!

– Да будет так, добавил Курбан.

Через пару месяцев у Мурадхана родился сын. Заключение ранее договор было закреплен большой порцией бузы. Сына в честь друга Мурадхан назвал Курбаном. Радости друзей не было предела.

Ближе к весне у Курбана родилась дочь. В честь матери Мурадхана Курбан назвал дочь Фатимат.

Теперь договор обрел уже конкретные очертания, и это было очередной раз закреплено бузой и радостью.

Летом после длительных переговоров перемирие между враждующими было достигнуто, и Курбан вернулся в Кураг.

Шли годы. Когда Фатимат исполнилось 17 лет, ее забрали в Чилик, где сыграли пышную свадьбу. И пошла полная радостей и тревог жизнь.

И вот лежит передо мной старая женщина и утирает слезы. Не знаю, счастья или печали.

Что только не бывает в жизни, – подумал я.

Ручной волк

Февральское солнце не грело. Али мерз и кутался в куцую шубейку, поминутно переступая с ноги на ногу. Ноги, обутое в старые чарыки, набитые сухим сеном, тоже мерзли. Оставляя замысловатые следы на свежем снегу, он пританцовывал.

Старый пес Саглар, переданный Али дядей осенью, когда он решил идти на кошару пасти колхозных овец, грустными глазами глядел на непонятные движения хозяина. Он ждал, когда хозяин вытащит из сумки, висевшей под шубой, кусок ржаного хлеба, маленький кусок, который достанется и ему.

До обеда было еще далеко и Саглар, потеряв надежду, отправился на поиски съестного.

Овцы двигались по южному склону, выщипывая редкие травинки и кучки высохшей прошлогодней коллочки.

Шел второй год войны. Было голодно. Али как чабану осенью колхоз выписал два мешка ржаной муки и одну овцу. Муку он оставил у матери, забрав себе на зимовье небольшой мешочек. В неделю раз мать пекла ему вкусные чуреки из ржаной муки и отправляла с кем-нибудь, если он не приходил сам. Овцу он зарезал. Большую часть он отнес матери, а оставшееся мясо высушил в расщелине скалы, закрытой от посторонних глаз.

Долгими зимними вечерами он готовил себе хинкал – чаще без мяса, а иногда варил и болтушку из муки и заправлял ее кусками жира. Он знал, что в его тайнике остался небольшой кусок сушеного мяса. Взвесив кусок на руке, он подумал, ну на два раза хватит. И мука подходила к концу. Муку можно еще немного попросить у матери.

До кутана еще месяц, – подумал он.

Вспомнив слова председателя колхоза, который на днях проведаль его, совсем стало веселей. Председатель, осмотрев его стадо и оставшись доволен тем, что упитанность у овец хорошая, похвалил его и обещал продлить бронь. На фронт, особенно после того как в село начали приходиться похоронки, ему не хотелось. Хоть и трудно, но жить можно, – подумал он, – людям еще труднее, а у меня даже кусок мяса про запас еще имеется. Вспомнив два бараньих ребра, покрытых толстым слоем жира, он ощутил зверский голод, рот заполнился слюной.

Али повернулся спиной к ветру и, не расстегивая шубейку, залез в сумку с хлебом и сыром. Саглар, который выжидал этого момента, виляя хвостом, подбежал к хозяину. Он глядел в глаза хозяина и, не переставая вилять хвостом, ждал, когда тот вытащит хлеб. Получив кусок хлеба, пес в два приема проглотил его и стоял, пока Али, не торопясь, жевал, откусывая от сыра небольшие куски.

На следующий день Али погнал отару в другую местность. По совету дяди, старого чабана, некоторые участки

неподалеку от кошары он оставил на февраль. Дядя говорил ему, что к февралю овцы тяжелеют. Близко к ягнению, а это, обычно в начале апреля, гнать отару на дальние участки не надо. Следуя советам дяди, он изучил всю отару и знал повадки каждой овцы.

И вот, в тот день, стоя на скальном уступе, опираясь на палку, он внимательно смотрел на овец, по-одной поднимающихся на верхний склон горы. Вдруг молодая овца необыкновенно легко прыгнула через камни, служившие лесенкой для подъема на верхний склон, и, напугав отару, остановилась.

Что это с ней, – подумал Али и забыл об этом. Вечером, стогняя хорошо попасшуюся на южном склоне отару, он обратил внимание, что эта же овца резвится, пугая отяжелевших овец. У входа в кошару он пощупал овцу, оставшись доволен упитанностью, но заметил, что живот у нее подтянут. Опытный чабан сразу определил бы, что она не носит ягненка, но у Али не было опыта. Он долго вспоминал и не мог вспомнить, чтобы она осенью гуляла.

На следующий день он с утра выделил эту овцу и целый день невольно находил ее в отаре и сравнивал с другими. В обед, когда повернул отару в сторону кошары, овца опять начала резвиться, вскидывая тугой жирный курдюк.

Здесь Али окончательно утвердился в мысли, что в ней нет ягненка. Таких овец чабаны обычно резали при первом удобном случае. С этого времени он постоянно думал об овце. В этот день, поедая обычный кусок хлеба с сыром, он думал о том, какой бы вкусный хинкал получился из жирных ребер овцы.

Мечтая о жирных ребрах, он незаметно съел весь хлеб, забыв Сагара, который от обиды начал скулить у его ног. От съеденного хлеба он не наелся, а, наоборот, почувствовал настоящие муки голода. И пошли мечты – ребра, курдюк, хинкал. И так до вечера.

Вечером, став в узком проходе у кошары, он поймал овцу, ощупал ее ребра, курдюк и грудину. Отпустив овцу, он подумал, да она ничуть не похудела с осени.

Подогнав последних овец, он наскоро закрыл кошару и решительно направился к расщелине скалы. В расщелине добрался до заветного куска мяса, осторожно спустился на землю и, обнюхивая приятно пахнущие жиром бараньи ребра, двинулся в сторону кошары.

В землянке, откопав из золы уголья, он развел огонь и подвесил казан с ребрами. Хинкал получился отменный. Обглоданные ребра он бросил в болтушку, которую готовил из муки грубого помола для Саглары. Накормив собаку, он лег на бурку, с удовольствием вытянув усталые ноги. Всю ночь ему снились хинкалы из разных жирных мест овечьей тушки.

Утром, подогрев вчерашний жирный бульон, он вкусно позавтракал и погнал отару на пастбище. Овца нет-нет да попадала в поле его зрения. Он старался о ней не думать. До обеда это ему удавалось.

В обед он отломил Саглару кусок хлеба, побольше обычного. После вчерашнего пира он был добр. Даже попытался приласкать Саглару. Ласка заключалась в том, что спросил у него:

– Ну что, доволен?

Саглар молча ожидал еще хлеба.

От съеденного хлеба Али не наелся и, разбив палкой лед на речке, выпил холодной воды. На некоторое время он забыл о голоде, но через час в животе начало урчать. Чувство голода опять вернулось к нему. Потуже затянув поясной ремень, он начал обходить отару, стараясь думать о чем угодно, только не о еде. В это время на его глаза попадает овца, которая уже несколько дней лишила его покоя. Мысли опять пошли по цепочке: овца, хинкал, ребра, курдюк, грудинка.

В одно время ему начало казаться, что все овцы в отаре вдруг стали той овцой, которая его мучила. Он подумал, что

сходит с ума и резко покачал головой. Посмотрев на отару, он увидел, что все нормально. Все овцы разные, а вот та, которая лишила его покоя.

А голод все усиливался и последнего куска мяса, гревшего его душу, уже нет. От осознания того, что мяса больше нет, он начал испытывать почти физические муки.

Вдруг отара шарахнулась и собралась в кучу. Саглар побежал в сторону оврага, оттуда раздался лай. Али кинулся на лай и увидел, что Саглар гонится за зайцем.

Выходя из оврага, он улыбался. Пришла спасительная мысль. А мысль была такая: говорят же, что волков стало больше, а у него за зиму ни одну овцу волки не задрали. Теперь до вечера он думал только о волках. О них теперь он думал почему-то с какой-то теплотой, а о голоде даже забыл.

На прошлой неделе вот у Рамазана на соседней кошаре двух овец задрали за один день. Ну две овцы за один день это много, — подумал Али.

За этими думами февральский день подошел к концу. Сегодня он немного раньше погнал отару к кошаре. Недалеко от кошары, немного ниже протекает река, которая в это время покрыта льдом. У реки он остановил отару и поймал овцу, которая мучила его. Связал ее поясным ремнем и оставил на льду, а отару погнал к кошаре. Быстро закрыв кошару, сопровождаемый Сагларом, вернулся к овце.

Овца лежала на льду, ожидая своей участи. Али скинул свою шубейку, засучил рукава и принялся за работу. Действовал он быстро и умело. Через 10 минут он снял шкуру и, вывалив внутренности на лед, начал кусками разбрасывать их на лед и снег. Голодный Саглар бегал за каждым куском и изрядно наследил вокруг. Шкуру Али тоже разорвал на куски и повалил в навозе из кишок, разбросал по льду. Лыдина начала напоминать место побоища. Осмотрев его кругом, Али остался доволен увиденным.

Закончив дело, он одел свою шубейку, взвалил на плечо тушку и начал подниматься к кошаре. Пока поднялся, полностью стемнело. В землянке он зажег керосиновую лампу без стекла и при слабом мерцающем свете развел огонь от углей и повесил казан. В казан закинул часть жира, содранного с внутренностей, и легкие, которые разрезал на куски. Залил все это водой и, закинув туда остатки крупного помола рукельской соли, устало растянулся на бурке.

Вода в казане на огне из овечьего кизяка быстро закипела и скоро мрачная чабанская землянка наполнилась приятным запахом жира. На душе у Али в ожидании вкусного ужина стало тепло, в животе заурчало. Но это было уже не то неприятное урчание, которое было днем. Скоро вся вода в казане выкипела, и легкие начали жариться в жиру. Запах жареного мяса напугал Али. А вдруг кто учует, подумалось ему. Кто здесь может быть в такое время? – решил он и успокоился. Вкусный запах разбудил в нем голод. Острой палочкой он поймал в казане кусочек легкого, подул на него и с нетерпением, обжигая рот, откусил кусочек.

– Недожарился...

Лежа на бурке, он пытался отвлечься от мыслей о еде, но это у него не получалось.

Поворошив кизяк, он усилил огонь под казаном. Через минуту все было готово. Сняв казан, он поставил его себе между ног и, обжигаясь, начал есть. Наевшись, он убрал в угол землянки казан, прикрыл его каменной плитой и заснул на бурке, укрывшись шубейкой, мертвым сном.

Проснулся он до рассвета. Лежа на бурке с открытыми глазами долго думал, как быть дальше. Ничего не придумав, с рассветом он вылез из землянки. Первым делом он отрезал от туши переднюю ногу с реберной частью и спрятал в ведре, заложив его большой каменной плитой подальше от входа в землянку. Оставшееся мясо отнес в расщелину и прочно прикрепил к скале.

В этот день он погнал отару в сторону соседней кошары. Когда на соседней горе появился Рамазан, он крикнул: «Эй, Рамазан, если увидишь кого из села, скажи, что волк задрал у меня овцу».

– Хорошо, передам, – ответил тот.

Весь день не покидал его страх перед тем, что может быть. В обед он закусывал хлеб жирными кусками легких, даже угостил парой кусочков Сагара. Сытый желудок приподнял настроение. День прошел быстро.

Раннее утро. Только рассвело. Али разбудил лай Сагара. Он знал, что старая собака зря лаять не будет, и вылез из землянки. В сторону кошары, прихрамывая, шел колхозный конь.

На коне сидел председатель ревизионной комиссии, дядя Дауд. Хромой Дауд на хромом коне, – подумал Али.

Не слезая с коня, Дауд поздоровался.

– Салам алейкум!

– Алейкум салам!

– Что, племянник, волк на тебя напал?

– Не на меня, на овцу, дядя.

– Хорошо, на овцу, не на тебя, – пробурчал старик в бороду.

Такое начало не совсем понравилось Али. Взяв коня под узду, предложил, может, слезешь с коня, дядя?

– Нет, племянник, покажи место, где волк напал на овцу.

Делать было нечего. Али повел коня обходной дорогой, которая пролегла через остатки древнего села, на речку. Оба молчали. Али думал, неужели родной дядя продаст? И вдруг он вспомнил одну слабость дяди. Он любил вкусно и сытно поесть.

Дойдя до места, где «волк» учинил над овцой кровавую расправу, он остановился.

– Вот здесь.

Старик, не слезая с коня, внимательно осмотрел все вокруг. Глядя с прищуром на Али «этого волка я знаю», Али покрылся холодным потом: неужели все понял?

Открыв от ужаса рот, он промычал что-то невнятное.

– Дорогу к кошаре я найду без тебя, а ты поднимайся побыстрей, поставь казан. – Бородой показал на тропинку, по которой Али должен подняться.

Хромой конь неуклюже повернулся у кромки льда и пошел по своим следам обратно. Али еще некоторое время стоял на месте, от страха не зная что делать. Когда конь исчез за поворотом, как ужаленный побежал по крутой тропинке к кошаре. Пока старик петлял на хромом коне в развалинах старого села, он успел отрезать от спрятанного в ведре мяса всю реберную часть и, закинув его в казан, поставил на огонь.

Старика он встретил на крыше землянки, помог ему слезть с коня. Кряхтя и охая, старик пролез в люк землянки. Спустившись следом, Али успел заметить, что дядя первым делом заглянул в казан. Проверяет, сколько там мяса, – подумал Али, зная повадки дяди. Старик, поудобнее устроив хромую ногу, молчал. Видимо, остался доволен, – подумал Али. Уставившись в каменные плиты потолка землянки, Али боялся что-либо говорить, еще не зная, чем все это закончится.

Когда молчание продлилось неприлично долго, Али робко спросил:

– Как поживает тетя Галимай?

– А что с ней делается? Живет себе, – буркнул старик.

Поняв, что продолжения разговора не будет, Али замолк. Неразговорчивость старика не предвещала ничего хорошего. Али решил подобраться к старику уже с другой стороны и спросил:

– Что слышно от Магомеда, не пишет ли писем?

– Пишет воюют, – ответил старик и замолчал надолго. Вспомнив единственного сына, который воевал на фронте, он окончательно нахмурился. В это время по землянке пошел

запах свежесваренного мяса. Вдыхая запах, старик зашевелился. Али, проверив, не сварилось ли мясо, сказал:

– Пусть еще немного поварится.

Через некоторое время Али снял с огня казан. Старик, чувствуя хорошее угощение, зашевелился на бурке, устраиваясь поудобнее. Али, зная аппетит дяди, положил все мясо в миску и поставил перед ним. Старик двумя руками поправил бороду и, облизываясь, взялся за мясо. Крепкими зубами он отдирает от ребер большие куски мяса и, щурясь от удовольствия, жевал сочное мясо. Увидев, с каким аппетитом он обгладывает овечьи ребра, Али вспомнил свои голодные фантазии про жирные ребра и ощутил почти такой же зверский голод, как тогда.

Через 10 минут от овечьего бока остались одни ребра, брошенные на земляной пол. Большие узловатые руки, вымазанные жиром, старик вытер о свои колени, лоснящиеся от жира. Оставшись недоволен тем, что пальцы слипались, он вытер их об полу своего чуха. Сделав это, он внимательно посмотрел на Али и сказал:

– Хороший кусок для моей Танкю (так он называл старуху) в хурджин тоже положи.

Али услужливо кивнул и вышел из землянки. Побежав к тайнику, он взял оставшуюся переднюю ножку и положил в хурджин. Прибежав в землянку, он помог старику выбраться наружу, подвел коня и помог ему водрузиться в седло.

Али ждал приговора старика, но тот все молчал. Когда старик, поудобнее устроившись в седле, поднял березовую ветку, чтобы пристегнуть коня, Али не вытерпел и спросил:

– А мне что теперь делать, дядя?

Старик свесился с седла и, приблизив к Али пахнущую жиром бороду, сказал:

– А ты, племянник, ровно через неделю еще раз свистни и позови этого волка.

Хромой конь, цокая копытами, унес хромого старика в сторону села. Али еще долго смотрел ему вслед. Его сердце переполняла гордость за себя и своего дядю.

Так сытно Али заканчивал голодную зиму 42-го года. Когда закончились запасы мяса, он перегнал свою отару на кутан.

Къучи Мамед

Недалеко от Курага, в местности, разграничивающей водоразделом ущелье КъебаригI и Ахлагъ, на самом гребне хребта имеется потаенное место под названием Бехледи хлейванар итла ус⁵⁶.

Вулканического происхождения углубление на вершине хребта представляет собой идеальное место для воровского тайника.

Вот это место и облюбовал для своих дел знаменитый конокрад Бехледай, который жил в середине XIX века.

Бехледай давно ушел в мир иной, а имя его прочно закрепилось в топонимике Курага.

По преданиям, дошедшим до наших дней, конокрад был человеком легендарной храбрости. Одно упоминание имени этого человека наводило ужас на владельцев хороших коней от Кумуха до Кубы и Ширвана. Отличался он и отменным красноречием.

К его услугам не раз прибегали кумухские и кюринские ханы, табасаранские майсумы и большие полицейские чины утверждающейся царской администрации.

Известно, что хороший конь являлся вожаком мечтой и предметом гордости любого дагестанского джигита.

⁵⁶ Бехледи хлейванар итла ус – место, где Бехледай привязывал коней.

Состоятельные дагестанцы всегда знали, у кого какой конь. При появлении у кого-нибудь коня с хорошими ездовыми качествами, горячие дагестанские джигиты осаждали хозяина просьбами продать скакуна, не скупясь на деньги. Когда просьбы о продаже не достигали цели, в некоторых случаях прибегали к услугам нашего героя.

В криминальной среде воров того времени он как конокрад значился в авторитете и с гордостью носил прозвище Къучи Мамед. Рассказывают, что он иногда менял масть коня. У вороного коня, которого уводил Къучи Мамед, через некоторое время на лбу появлялось внушительных размеров белое пятно или ноги у щиколоток становились белыми. Так что прежний хозяин разводил руками и не мог признать коня.

Метод Къучи был прост. На лоб угнанного скакуна он клал большой шматок горячей кашицы из ржаной муки. В результате сильного ожога шерсть на нужном месте выпадала, а на месте раны выходила белая.

Для этих своих экспериментов он подобрал потаенное место в вулканической пещере, где иногда месяцами держал ворованных коней.

Существует предание о том, что когда он находился в Бакинской тюрьме, к нему обратился начальник городской полиции с деликатной просьбой. Полицейский чиновник никак не мог добиться согласия Кубинского хана на продажу полюбившегося коня. Посоветавшись со своими информаторами из воровской среды, большой полицейский начальник обратился к Къучи Мамеду. Полицейский был предупрежден ворами, что если Къучи Мамед даст слово, то непременно выполнит обещанное. Слово Къучи Мамеда высоко ценилось в воровском мире. Не было случая, чтобы он не выполнил обещания.

После долгих уговоров Къучи Мамед дал слово начальнику, что коня он приведет.

Через день в Кубе появился дервиш в старом халате и рваных чарыках. Несколько дней этот дервиш крутился у ханского дворца и в его окрестностях. Его попытки попасть во дворец не увенчались успехом. Охранники прогоняли его прочь.

Все же дервиш успел изучить план дворца. Его окружал высокий забор, а конюшня находилась в глубине двора. На ночь единственные ворота запирались изнутри, с цепи на ночь отпущалась злобная собака огромных размеров.

Закончив наблюдения, Къучи Мамед явился к своему заказчику и потребовал, чтобы тот достал ему большую деревянную корзину, две длинные веревки и тушу свежезарезанного барана.

Получив нужные предметы, вор приступил к осуществлению своего плана. Темной ночью он дошел до ханского дворца. Баранью тушку он положил в корзину и начал тихо спускаться во двор. По тому, как дернулась веревка, он почувствовал, что собака прыгнула в корзину. Теперь надо было подтянуть корзину повыше. Наконец, он услышал, как собака шумно отрывает куски свежей баранины. Закрепив прочно корзину, он спустил вторую веревку, по которой проник во двор сам.

В темноте никто не заметил, как в конюшню влетела чья-то тень. Конь только всхрапнул и продолжил есть овес. Коня вор обул в старые чувяки, натянув их на все четыре копыта, чтобы не шумели, когда пересекали двор. У ворот опытная рука быстро нащупала запорную щеколду, тихо отворив одну створку. Выводя коня на улицу, Къучи Мамед так же притворил открытую створку и тихо двинулся по улице. На соседней улице он освободил копыта от чувяков, вскочил на коня и как ветер понесся вон из Кубы.

Радости полицейского начальника не было границ, но радовался он рано. Говорят, этого же коня Къучи Мамед увел у полицейского начальника и подарил одному из лакских ханов.

Наступили другие времена. Нет в селе коней. Осталось только черное пятно от кострищ Бехледея, на которых он

варил свои волшебные каши на камнях выступа скалы в глубине вулканической ямы «Бехледи хлейванар итла ус». Къучи Мамеды тоже перевелись.

Плоды учения

Мой дедушка Иса был человеком веселого нрава. По молодости немного занимался разбоем – это казалось во времена его молодости делом молодецким, а так успешно занимался делами торговли и слыл хорошим дипломатом. В селах Табасарана, даргинских аулах Сюрги и Кайтага имел многочисленных кунаков, с которыми вел свои полуворовские дела и месяцами иногда пропадал бог весть где.

Свободно владея десятком языков, он знал множество смешных случаев, когда-то случившихся с ним или с его кунаками.

В свободное от поездок время он располагался на сельском годекане, нещадно чадил самосадом и рассказывал свои байки, многие годы смешившие людей.

При всем при этом он отличался особенной нелюбовью к муллам, но это было следствием не его атеистических воззрений (Всевышнего и Пророка он почитал и ежедневные пять намазов ни при каких обстоятельствах не пропускал. – А. И.), а явилось плодом его недолгого учения Корану и арабскому языку у муллы.

А было, оказывается, вот как. Отец его Хаджи Малла, известный в ауле человек, совершивший в свое время хадж в священную Мекку и много лет бывший сельским юзбаши (кавха), мечтал видеть в сыне знатока Корана и арабской литературы.

С этой целью он дважды определял сына в примечетский мектеб, из которого Иса оба раза уходил, не научившись ни

писать, ни читать. Не веря в неспособность любимого сына к наукам и учению, Хаджи Малла относил это к неспособности муллы обучать.

Из-за этого он решил определить его в следующий раз в мектеб села Рича. Об учености муллы ричинской мечети ходила молва по всему Агулу. Вместе с сыном решено было отправить и родственника Тагриверди, который уже умел и читать, и писать. Ничего, – думал Хаджи Малла, – пусть совершенствуется; муллы в Рича – большие ученые.

Обоих юных муталимов Хаджи Малла определил на жительство к своему давнему кунаку Магомеду и договорился с муллой, что учиться они будут в мечети.

Мулла с первого дня не понравился Исе, он и начал подшучивать над его окладистой бородой. За две недели учебы он запомнил только алиф и бей⁵⁷. Несмотря на все усилия муллы учеба дальше этого не шла.

Тагриверди учил тексты, пересказывал их. Успехи его радовали муллу.

Упорное нежелание учиться со стороны Исы вызывали гнев и возмущение муллы, но пока никаких карательных мер в отношении муталима он не предпринимал.

После занятий в мектебе Тагриверди сидел и упорно зубрил заданные суры Корана, а Иса уже успел подружиться с десятком таких же сорванцов и обшаривал все улицы древнего села. Мулла знал о проделках своего ученика.

Когда в очередной день Иса не ответил на заданный вопрос, терпение муллы лопнуло. Резким движением он схватил муталима за ухо, потянул его к себе и начал дергать с такой силой, что на глазах у мальчика появились слезы. При этом мулла орал на всю мечеть. От боли и обиды Иса запомнил только два слова: «заш» и «ваш»⁵⁸.

⁵⁷ Алиф и бей – буквы арабского алфавита.

⁵⁸ Заш и ваш – (ричинск.) «я» и «ты».

Придя домой, Тагриверди посочувствовал родственнику и долго сокрушался, глядя на покрасневшее, как малина, ухо Исы.

– Я этому бородатому козлу устрою, – пробурчал Иса.

На следующий день мулла исподлобья бросал недобрые взгляды на Ису. Иса сидел, уткнувшись в книгу, и шевелил губами, повторяя: «заш», «ваш». Со стороны можно было подумать, что читает.

Через некоторое время он решил справить малую нужду и направился к выходу. У дверей мечети лежали чарыки Исы, Тагриверди и новые галоши муллы.

Иса остановился и уставился на новые галоши. Они блестяли на солнце, а внутренность отливала красной бахромой. И тут пришло на память, какое красное было его ухо, помятое муллой. Тут же пришла и боль, которую он едва забыл.

Решение отомстить возникло мгновенно. Он отодвинул галоши подальше от своих чарыков и начал справлять малую нужду прямо в галошу. При этом он шептал: «Вот тебе «заш», вот тебе и «ваш», – он направил струю и во вторую галошу.

Акт возмездия был совершен, и учеба на этом закончилась. Правда, он и не хотел учиться.

В 30-е годы XX века на курсах ликбеза он все же выучил три буквы кириллицы. Это были буквы: и, с, а. Он писал их без запятых и получалась его подпись – Иса.

Именем революции

В первые годы Советской власти в Кураге особым уважением пользовались красные партизаны Базагай и Кучай Рамазан. Хотя никто из старожилов никак не смог вспомнить никаких подвигов этих «партизан» на фронтах гражданской войны, они таковыми назывались и купались в лучах партизанской славы.

Оба красных партизана были представлены в недавно созданном сельском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а также являлись членами всевозможных комиссий и комитетов, которые в изобилии создавались в те годы.

Приехавший из округа комиссар сообщил о необходимости создания Суда революционной чести, и красные партизаны без всяких возражений со стороны остальных депутатов были назначены на ответственные посты. Базагай стал председателем Суда революционной чести, а его друг Кучай – начальником революционной милиции по всему сельскому Совету.

Правда, при назначении Базагай случился небольшой казус, когда Кучай, плохо представляя себе, что происходит, спросил у комиссара:

– А что, Базагай теперь будет вместо муллы, что ли?

Возмущенный комиссар разразился целой тирадой о том, что муллы теперь никто, а революционный суд совершенно другой суд, и едва не отменил свое решение о назначении Кучая милиционером.

Поучения комиссара были недолгими, поскольку и сам он не очень разбирался в том, что происходит. Правда, признаваться в этом он никогда не стал бы и был преисполнен чувства собственной важности.

Только проводили комиссара, новоявленные судья и милиционер резко изменились. Видимо, набрались важности от комиссара. Базагай начал ходить в высокой каракулевой папахе и хромовых сапогах, а Кучай нацепил огромный кинжал, с которым не расставался ни днем ни ночью.

Некоторое время партизаны с нетерпением ждали случая применить свою власть. Скоро случай представился.

Из одного села пришла женщина и, смущаясь, с трудом выговорила, что некий Мавлудин надругался над ней. (Село по известным причинам не называю. – А. И.)

Пока Базагай начал процедуру досудебного рассмотрения дела, Кучай помчался арестовывать злодея.

К вечеру Мавлудин был доставлен и заперт в чулане под сельским Советом. Охранять его было поручено Абдулле (Будаю), бывшему чаушу юзбаши, который по инерции исполнял свои обязанности и при новой власти.

Суд был назначен на завтра. Партизаны на суд были скоры.

Множество народа собралось на сельском годекане. В середине годекана был установлен старый акъур⁵⁹. За акъуром стояли два табурета для судей. Наконец, появились судьи и заняли места за акъуром. Базагай вытащил из каракулевой папахи два измятых листа бумаги и два карандаша: один черный, другой красный.

Абдулла привел арестанта, который оробел, увидев такое количество людей. Обвиняемого посадили на большой камень напротив судей.

Кучай с восхищением смотрел на эту роскошь и удивлялся, где Базагай мог это достать. Ни читать, ни писать оба партизана не умели.

Базагай поднялся, поправил дорожную папаху и начал судопроизводство на лезгинском языке, к месту и не к месту употребляя тюркские слова.

Многие из толпы не знали ни лезгинского, ни тем более тюркского языка. Зато это придавало выступлению судьи особую значимость. По толпе все время шел ропот. Это переводили непонимающим речь судьи. Обвиняемый тоже не понимал, о чем говорит судья в огромной папаче.

Кучай временами орал на тех, кто громко переводил судью, чтобы соблюдали порядок.

Наконец, начали допрашивать истицу. До смерти напуганная стечением большого числа людей, окриками грозного Кучая и громадной папачой Базагай она потупилась и молчала как рыба.

⁵⁹ Акъур – ларь для хранения муки.

Поняв, что ничего из нее не вытащишь, судья решил перейти к допросу обвиняемого. На вопросы судьи, громко переводимые Кучаем на агульский, он, затравленно озираясь по сторонам, отрицал свою причастность к преступлению.

Вопросы судьи, наконец, закончились. Обвиняемый не признался, а доказательств никаких не было.

Базагай начал нервничать, он не знал что делать. На ум приходили слова, услышанные на революционном митинге в Касумкенте: «Женщины имеют равные с мужчинами права». Это особенно выводило его из себя. Надо было принимать решение. А решения не было. Его начала раздражать затянувшаяся пауза. Наконец, лицо его просветлело, и он подозрительно начал поглядывать на куцию папаху чауша – Абдуллы.

Почувствовав на себе непонятные взгляды судьи, Абдулла начал переступать с ноги на ногу.

Судья попросил Абдуллу подвести к нему обвиняемого. Когда трясущийся от страха Мавлудин остановился у акбура, Базагай встал и объявил свое решение:

– Сейчас я положу в папаху Абдуллы две бумажки. На одной бумажке будет черная линия, а на другой красная. Если вытащишь бумагу с красной линией – ты не виноват, а если же вытащишь бумажку с черной линией – то ты виноват. Понял меня? – строго спросил у Мавлудина. Тот молча кивнул.

С этими словами Базагай взял один из двух листов бумаги и порвал его на две равные части. Затем, наклонившись от напряжения, высунув язык, провел на одной бумажке жирную черную линию и красную на другой.

Обе бумажки он скрутил в трубки и опустил в папаху Абдуллы с видом факира, показывающего фокус.

– Ну, – кивком показал он Мавлудину на папаху. Мавлудин закрыл глаза и трясущимися губами шептал молитву. Наконец, он опустил руку в папаху, вытащил одну из трубочек и протянул Базагаю.

Толпа затаила дыхание. Базагай развернул трубочку, посмотрел на Мавлудина и громко произнес:

– Черная. Сам выгасил.

Тут раздались рыдания Мавлудина:

– Не виноват я! У меня малолетние дети, что с ними будет?!

Суд революционной чести был суров. Вопли Мавлудина не проняли сердца партизан. Кучай тут же водворил осужденного в сельсоветский чулан.

На следующий день осужденный был препровожден милиционером в Курах, где судья другой инстанции, даже не допросив Мавлудина, утвердил решение Суда революционной чести и определил ему 6 лет заключения.

Правда, говорят, что осужденный убежал из тюрьмы и долгое время прятался в Баку, но это было потом.

Вот так судили именем революции.

Неожиданная встреча

В истории Курага происходило всякое, но случай, когда джамаат села решил выселить человека, был один. Этой суровой каре подвергся некий Багъли Мехлемад.

Багъли Мехлемад рос у родителей один. К восемнадцати годам он стал настоящим богатырем. Он был с детства избалован любящими родителями, к труду не был приучен, к учению у муллы рвения тоже не проявлял.

Как раз в тот год, когда ему исполнилось восемнадцать лет, умер его отец, а через полгода скончалась и мать. Багъли Мехлемад остался один. Близких родственников в селении у него не было, а с остальными вел себя отчужденно, что вызывало недовольство сельчан.

Несколько пахотных участков, принадлежавших отцу, он запустил, живность всю продал. Чем он занимался, никто не

знал. Сельчане начали обращать внимание, что он подолгу пропадал и неожиданно появлялся. В небольшом горном селе все его жители на виду и все про всех все знают.

Таинственное поведение Багъли Мехлемада начало привлекать внимание любопытных соседей. Они обратили внимание, что сосед часто меняет коней, стал одеваться в очень дорогие одежды и носить дорогое оружие. Длинноствольное кремневое ружье в чехле висело у луки седла, пара пистолетов рядом с кинжалом в серебряных ножнах красовались на поясе.

Через некоторое время Мехлемад начал являться в село с такими же молчаливыми молодыми людьми, обвешанными дорогим оружием. Такое поведение не соответствовало правилам поведения в сельском обществе. Кавха и другие уважаемые в селе аксакалы несколько раз попытались поговорить с юношей, но он всегда молчал, в поведении его ничего не менялось. Тогда старейшины начали предлагать ему жениться и взяться за хозяйство, которого к тому времени у него уже не было. И это не привело ни к чему.

Тогда его оставили в покое, но внимание к его личности удвоилось. Скоро выяснилось, что во время долгих отлучек он вместе с такими же головорезами из дальних горских обществ занимался разбоем, участвовал в нападении на казачьи станицы в районе Кизляра. Чем больше занимался этими делами, тем больше он отдалялся от сельчан. В селе у него к этому времени не было ни друзей, ни близких. Молодые завидовали его удали, дорогому оружию и породистым коням. Он для них постепенно становился кумиром. Ему начали подражать. Тяжелый крестьянский труд перестал привлекать юношей.

Это настроило старейшин села против Багъли, который перестал приходить в сельскую мечеть даже по пятницам, если даже находился в селе. Вот и сегодня после пятничного намаза и проповеди муллы обратился к джамаату с речью о недостойном поведении Багъли. Старики заговорили разом,

что поведение этого человека становится невыносимым. Его дурное поведение – дурной пример для молодежи. Тут же вспомнили об участившихся разбойных нападениях на горных тропах в Табасаран и Кайтаг. Многие догадывались, что это происходило не без участия Багъли Мехлемада. Мулла заключил, что Багъли позорит сельское общество, которое отличалось дружкой и уважительным отношением к соседним сельским обществам.

После этого разговора в мечети кавха в сопровождении муллы, будуна и нескольких седобородых стариков отправились к Багъли домой.

Багъли довольно холодно встретил делегацию у себя во дворе. Зайти домой старики отказались. Все, что о нем думает сельское общество, Багъли было высказано в ультимативной форме. В заключение кавха высказал общее мнение джамаата о необходимости выгнать Багъли Мехлемада из села, если он не изменит свое поведение.

То ли из-за молодости, то ли из-за того, что с селом ничего особенно его и не связывало, Багъли никаких выводов не сделал и продолжил свои молодецкие дела.

Терпение сельчан лопнуло, когда на перевале за селом угнали целую отару овец. По всему ущелью поползли слухи, что это дело рук Багъли Мехлемада и его друзей.

На собрании джамаата села ни один человек не сказал ни одного слова в защиту Багъли. Было принято решение выгнать его из села. Тяжесть беды, которая на него свалилась, Багъли ощутил только дома. Стены родного дома стали чужими. Все вокруг говорило: уходи прочь. До поздней ночи он ходил по дому, который вдруг стал чужим.

Поздней ночью стук копыт сообщил курагцам, что изгой покинул село. Вспоминать в селе о нем не любили и поэтому быстро забыли.

Группа дагестанских паломников, возвращающихся с хаджа, остановилась в караван-сараяе небольшого арабского городка. Стояла невыносимая жара. Паломники после обеда намаза расположились в тени платанов и вели непринужденную беседу. Говорили на тюркском, который в то время являлся языком межнационального общения. Речь дагестанцев была насыщена названиями горских аулов и народов.

Возле отдыхающих остановился старый араб и, долго опираясь на инкрустированную дорожную тросточку, прислушивался к речи паломников. Наконец, он на тюркском спросил:

– Вы из Дагестана?

Получив утвердительный ответ, он широко улыбнулся и начал что-то бормотать себе в бороду.

Когда поднял голову, глаза старика были полны слез. Он долго не мог говорить от волнения. Немного успокоившись, спросил:

– Дети, вы из каких дагестанских мест?

– Да из разных сел мы, отец, – последовал ответ.

Интерес старого араба к Дагестану заинтриговал паломников. В завязавшейся беседе старик начал выяснять, кто из какого села. К удивлению молодых людей, старик владел многими дагестанскими языками.

Велико было удивление старца, когда он узнал, что один из паломников, Рамазан-хаджи, – из агульского села. Старик вдруг напрягся и на агульском спросил:

– Из какого села ты будешь, сынок?

– Из Курага.

Это сообщение повергло старика в смятение, лицо его побледнело, трясущиеся губы что-то шептали. Если бы не молодые люди, он бы свалился на землю.

Старика усадили в тени дерева, и долго он приходил в себя. На расспросы старика Рамазан-хаджи сообщил, что он из тухума Целелар, сын Амая, чем еще больше удивил старика.

Когда старик сообщил о том, что Рамазан-хаджи – его родственник, пришло время удивляться молодому паломнику. Старик сообщил, что зовут его Багъли Мехлемад из рода Целелар из Курага, что из села он уехал шестьдесят лет назад.

Этих сведений оказалось достаточно, чтобы молодой паломник догадался, кто перед ним стоит. Он вспомнил рассказ отца о родственнике, который был изгнан из села. Старику, конечно, уважая его возраст, он не сообщил о своих догадках.

– Значит в селе меня уже не помнят, – тихо произнес старик и покачал головой.

Наконец, он встал, выпрямился и тоном, не терпящим возражений, сказал:

– Сейчас пойдём ко мне домой, там решим, как быть дальше.

Старик привел Рамазана-хаджи в большой, богато обставленный дом с огромным садом, в котором журчал фонтан с водой. После обильного угощения старик познакомил Рамазана-хаджи с семьей. Жена-турчанка, не старая еще женщина, с удивлением разглядывала молодого родственника мужа. Две дочери-красавицы были под стать своему отцу – старому разбойнику, который отличался по молодости высоким ростом, стройной фигурой и огромной физической силой.

Всю ночь два курагца (старый и молодой) провели у фонтана в саду за разговорами. Багъли Мехлемад расспросил о всех сельчанах, многие из которых ушли в мир иной. Кое-кто был еще жив.

Подолгу замолкая (уходил в воспоминания своей непутовой юности), старик пересказал всю свою жизнь. В словах Багъли чувствовалась глубокая ностальгия, тоска по родине. Он рассказал молодому родственнику, что дела разбойные он бросил сразу, как покинул село. Долго жил в Турции, потом

перебрался в Аравию. Занимался торговлей и всего добился трудом.

– Сейчас у меня все есть, – заключил старик, – нет счастья и покоя на сердце. Я готов все это отдать за нищенскую жизнь на родине.

На следующее утро Рамазан-хаджи с Багъли Мехлемадом пришли в караван-сарай и пригласили паломников в гости к Багъли Мехлемаду.

В саду был организован настоящий пир в честь паломников-земляков.

Багъли Мехлемад, оказывается, был большим человеком в этом городке.

Проводив попутчиков, Рамазан-хаджи остался на десять дней погостить у родственника. Неудобно было обижать старика.

Багъли Мехлемад, уговаривал юного родственника жениться на одной из его дочерей и остаться в Аравии.

– Останься, сынок, хотя бы пока я не умру. Мне уже немного осталось жить.

К отказу Рамазана-хаджи старик отнесся с пониманием. Одобрил его действия:

– Правильно делаешь, сынок! Нет ничего слаще родины.

Багъли Мехлемад организовал молодому паломнику царские проводы. Вместе с караваном арабских купцов он пересек пустыни Аравии. Купцы – друзья Багъли Мехлемада доставили его в портовый турецкий город.

Этот рассказ я услышал в далеком детстве от бабушки. Имя Багъли Мехлемада было мною забыто. Помог аксакал – дядя Джамал, который, оказывается, знал эту историю, рассказанную ему самим Рамазаном-хаджи.

Мне кьабза⁶⁰ напиши

Записано М. Р. Рамазановым, собирателем агульского фольклора, и является почти буквальным пересказом слов его отца – Шабанова Рамазана

Мой отец, первый курагец, ставший учителем, позже заведующим Курагской начальной школы, много раз рассказывал мне этот юмористический случай, приключившийся с ним в первый год его учительского отпуска, летом 1934 года.

Колхоз еще не был создан, новая школа в то лето пока тоже еще не строилась. Ее он начал строить сам, когда был назначен заведующим. Пока он был недавно женившимся, еще бездетным учителем в отпуске. Селяне, как полагается летом, были заняты своими полевыми работами, а он – учитель, распродавший дедовско-отцовские земельные участки (ожидалась коллективизация, а в селе насчитывалось немного людей, имеющих излишки скота. Хотя учителя получали хорошую зарплату, проедать и пропивать полученные за участки овец и телок с друзьями казалось ему зазорным). Итак, как единственно не занятый сельхозработами, отец в летний день один сидел на годекане. Время приближалось к обеду, и он уже собирался покинуть годекан (гим – по-агульски), как вдруг на улице появился быстро идущий незнакомый мужчина.

Отец решил, что теперь неприлично уходить. Да и любопытство приковало его к месту. Незнакомец, приблизившись, сказал: «Салам алейкум!» – но руки не подал, а сел наискосок от отца на камень, отшлифованный многолетним сидением мужчин.

Отец ответил на приветствие, но после недолгого раздумья решил самому к незнакомцу с протянутой рукой не подходить: он не казался старше по возрасту и вообще чем-то сразу отцу не понравился.

⁶⁰ Кьабза – расписка, акт, документ, письменное свидетельство.

Некоторое время отец оказался в затруднении: домой обедать идти, оставив одного незнакомца, стало уже неудобно, а знакомиться мужчина не спешил. Спрашивать, кто и почему и т. д., было неудобно. А о чем с ним говорить, отец просто не знал. После неприлично долго затянувшегося молчания незнакомец все же заговорил:

– Где сейчас кавха? – так на старый манер он назвал председателя сельсовета, который был один на все пять сел Кушандере.

Пришлось отцу объяснить, что председатель где-то в верхних селениях. На вопрос, когда он придет, незнакомец получил также неопределенный ответ. Отец все-таки задал ему вопрос, зачем же незнакомцу нужен председатель. На этот вопрос незнакомец не счел нужным дать подробный ответ и ограничился коротким:

– Нужно!

Слава богу! Хоть какое-то общение с незнакомцем состоялось. Теперь можно пригласить его с собой пообедать. Отец и говорит ему:

– Хлалашуй⁶¹! До твоего прихода я как раз собирался идти обедать. Пойдем поедим, что Бог нам послал. Гость к обеду – это тоже подарок Аллаха.

– Не пойду я в дом курагца! – решительно и грубовато отказался незнакомец.

– Отец сразу понял, что кунак не из тех, с кем можно вести длинные разговоры, и ушел пообедать, дав понять гостю, что зов его не формальное, а от души приглашение. Но ответного отзвона в душе незнакомца не ощущалось.

После обеда, не желая оставлять незнакомца в одиночестве практически в опустевшем ауле, отец вернулся на годекан. Из нескольких слов гостя отец уже определил, что он яркугец и, что было немалой удачей для такого, как он, любителя

⁶¹ Хлалашуй – (агульск.) гость, кунак.

пошутить, он был из числа тех яркугцев, про которых курагцы любят сочинять анекдоты. При большом уважении, царящем между жителями этих сел, курагцы никогда не упустят случая присочинить парочку другую анекдотов-шуток про яркугцев. А тут удача сама плыла в руки.

Жара после обеда не спадала, а как бы и усиливалась. Да и голод не тетка. Незнакомец несколько обмяк и даже чуть разговорился. Когда он снова заговорил о председателе, отец спросил его все-таки, зачем тот ему понадобился.

– У меня курагцы морковь украли, выдернули, – ответил он. – Мне надо пожаловаться на них.

– А как ты узнал, что это сделали именно курагцы? – удивился отец.

– Я видел ботву от моркови на курагской улице. Я узнал свою ботву, – стал упорствовать яркугец.

– Не знаю, не знаю, – возразил отец. – Во-первых, вся ботва одинаковая; во-вторых, и сами курагцы тоже выращивают морковь. И чем тебе поможет председатель?

– Я узнал свою ботву, да и кто, кроме курагцев, будет воровать нашу морковь? Я уверен, что это сделали курагцы, – упорствовал гость.

Отец понял, что спорить бесполезно, перестал его убеждать в обратном. Между тем жара и голод делали свое дело. Гордо молчавший яркугец становился все более словоохотливым.

– Ты кто? – наконец решился познакомиться с одним из ненавистных ему курагцев гость.

Отцу пришлось рассказать ему про себя.

– Если ты учитель, значит ты умеешь и писать, – обрадовался гость.

– Напиши-ка мне кьябза.

– Право не знаю, – ответил отец, – кому и про что мне писать кьябза.

– Меня зовут Шагбан. Чулат! Шагбан. Это чтобы не путать с другими Шагбанами, которых у нас несколько. А в

къабза напиши, что я приходил в Кураг к сельсовету добиться правды по поводу кражи у меня моркови и ушел, так как не дождался председателя.

Отец окончательно убедился, что перед ним персонаж из нередких курагских анекдотов про соседей-яркугцев, пошел домой (благо идти было шагов тридцать от годекана), принес бумагу и карандаш и на гладком камне вывел на бумаге такой текст:

Къабза

Дана яркугскому ЧулатI ШагIбану от имени курагского джамаата. На самом деле кто-то один из курагцев нагло и явно поиздевался над морковью названного выше яркугца ЧулатI ШагIбана.

По-курагски это звучало, конечно, совсем уж грубо: «Гьина ичира курегъарикас сайи ЯрлугI ЧулатI ШагIбанан къутарис хлекъдан къутI агъихъуна а».

К вечеру (сначала побежав домой и насытившись) ШагIбан с улыбкой появился на годекане, где собрались все мужчины села после сельхозработ. Кто-то обратил внимание на его самодовольный вид и спросил о причине его состояния.

– А я вырвал у курагцев къабза, – ухмыльнулся ШагIбан.
– Ну-ка, ну-ка, покажи, почитай-ка, ШагIбан, – это уже обратились к другому ШагIбану, завшколой. Он уже хорошо знал агульский язык, хотя был лезгином.

Только завшколой успел прочесть записку с текстом къабза, как справа и слева на шею и спину ЧулатI ШагIбана посыпались удары стариковских палок:

– Снова дал повод курагцам посмеяться над яркугцами...

Заключение

В настоящей работе мы попытались разобраться в вопросах истории возникновения села Кураг. До сих пор оставался загадкой вопрос появления в самом сердце Кушандере курагцев, говорящих не на кушанском, а на собственно агульском диалекте. В ходе этой работы найден ответ и на вопрос об особенностях курагского говора, который появился как результат совместного проживания в пределах небольшого села носителей 4-х разных говоров собственно агульского диалекта. Совершенно естественно, что, проживая в уделах небольшого села, наши предки интенсивно общались. В результате этого общения выработались наиболее оптимальные языковые нормы.

Известно, что в последнее время в связи большими переменами, происходящими в нашей жизни, у народов Дагестана возрос интерес к прошлому – к истории края, отдельных селений, к их происхождению и развитию, взаимоотношениям с другими народами и селами и т. д.

Сегодня в Кураге и его окрестностях мы видим многочисленные развалины, невозделанные поля и заброшенные могилы наших предков. Люди спрашивают: «Что стало с нами? Кто наши предки? Чем занимались курагцы в прошлом и где они сейчас?»

Предлагаемая вниманию читателя книга является попыткой дать ответ на некоторые из поставленных вопросов. Как это получилось – судить вам.

Содержание

<i>От автора</i>	3
Краткий исторический очерк	6
Местное самоуправление	22
Землевладение и землепользование	24
Просвещение и образование	27
Народная медицина	36
Религия	40
Топонимика	42
Устное народное творчество	47
Лиса и волк	48
Чидай	49
Кьерекеьлдинна сулан хлекаят	50
Зубайдат Яхьяева. Зе хлур – Курегь!	53
Милат!	54
Ахмед Курбанов. Батларгвалдин кьадар кканду?	56
Курагцы – участники Великой Отечественной войны	58
Рассказы о курагцах	61
Обезвредить диверсанта	61
Выстрел из старой башни	80
Откровение шейха	94
Как наказали вора	98
Суарар и Кафтар	101
Три друга	104
Пир влюбленных	109
Старая обида	112
Рукьян даги	116
Умное животное	118
Пир у дороги	122
Превратности судьбы	126
Ручной волк	135
Къучи Мамед	144
Плоды учения	147
Именем революции	149
Неожиданная встреча	153
Мне кьабза напиши	159
<i>Заключение</i>	163